

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Кононенко Александр Владимирович

**СОЛИДАРИСТСКИЕ ПРАКТИКИ
В СИСТЕМЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Специальность 22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
доктор социологических наук, профессор
Попов А.В.

Ростов-на-Дону – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЛИДАРИСТСКИХ ПРАКТИК В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ.....	21
1.1 Теоретико-методологические подходы к исследованию солидаристских практик в межэтнических отношениях: сравнительный анализ.....	22
1.2 Солидаристские практики в межэтнических отношениях российского общества: теоретико-методологический конструкт.....	41
ГЛАВА 2. СОЛИДАРИСТСКИЕ ПРАКТИКИ: СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОМПОЗИЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	67
2.1 Структурные условия влияния солидаристских практик на пространство межэтнических отношений	68
2.2 Институционализация солидаристских практик как регулятора межэтнических отношений.....	89
ГЛАВА 3. ПРЕОБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЛИДАРИСТСКИХ ПРАКТИК В РАЗВИТИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.....	114
3.1 Солидаристские практики в межэтнических отношениях: опыт классификации.....	114
3.2 Солидаристские практики в формировании стратегии государственной национальной политики Российской Федерации.....	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	162
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	166

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Исследование межэтнических отношений в российском обществе является актуальной проблемой в социологическом аспекте, поскольку Россия как многонациональное государство, как цивилизация, включающая сплав культур различных народов, находится в стадии межэтнической консолидации. Достижение стабильности межэтнических отношений, подлинного равноправия, обеспечение национальной и социальной безопасности с включением прав личности на реализацию этнокультурного своеобразия представляет сложный процесс, сочетающий как влияние национальной государственной политики, так и совокупность факторов социального макро- и микроуровней. На протяжении всей истории российского общества межэтнические отношения, всегда влияя и на расстановку политических сил, становились фактором модернизационного ускорения или конфликтности. Соответственно, изучение социальных регуляторов межэтнических отношений требует социологического анализа.

Межэтнические отношения в российском обществе являются предметом пристального изучения социально-экономических, социально-политических, гуманитарных дисциплин. Понятно, что в условиях существования многонационального государства, опыта совместного проживания различных межэтнических групп, требуются немалые усилия для достижения межнационального мира и гармонии интересов общества, личности и государства. Поэтому исследование межэтнических отношений под влиянием социальной, социокультурной и политической динамики становится «задачей дня».

Между тем динамика межэтнических отношений выражается как в открытом, так и в латентном виде. Имеется в виду, что проявляются риски обострения межэтнической ситуации на локальном уровне, что в

замороженном состоянии находятся давние этнотерриториальные конфликты, что, хотя в обществе на первое место выходят проблемы социальной жизни и безопасности, связанные с борьбой против терроризма, угрозы этносепаратизма, этноотчужденности и этнодистанцированности не ушли в прошлое. В контексте того, что происходит переформатирование, что этническая конфликтность находится в латентном состоянии, важно выявить факторы, которые бы являлись не только реакцией на возможные этнические трения и конфликты, но и были связаны с нейтрализацией рисков межэтнической напряженности. Для этого необходимо перевести развитие межэтнических отношений в прогнозируемое русло, сформировать оптимальный сценарий развития межэтнических отношений в РФ.

В связи с этим обстоятельством требуется осмысление не только краткосрочных и среднесрочных тенденций, но и нахождение узловых моментов, которые позволяют выявить социальное самочувствие российского общества, ментальные и поведенческие стратегии россиян на социальном микро- и макроуровнях. Новой социальной реальностью российского общества становятся солидаристские практики, поведенческие стратегии россиян, направленные на взаимодействие, взаимопомощь, кооперацию, сотрудничество с общественными организациями и государственными структурами для реализации имеющих социальную полезность дел и начинаний, независимо от этнического, территориального, конфессионального факторов. Иными словами, приоритетным становится готовность к совместным практикам в рамках осознания общих интересов и общих целей.

Отмеченная тенденция, хотя и не оказывает пока заметного влияния на конфигурацию межэтнических отношений и в большей степени характеризуется как активность групп социальной инициативы, воздействует на межэтнические отношения в рамках усиления потенциала готовности к сотрудничеству различных этнических групп, политики

культурного взаимоузнавания и, самое главное, формирования общероссийской гражданской идентичности.

Солидаристские практики, таким образом, становятся фактором изменения межэтнического взаимодействия, перевода из состояния толерантности в режим наибольшего благоприятствования. Не являясь жестко запрограммированными социальными механизмами, включая широкую социальную инициативу, опыт первичных добровольных ассоциаций, возникающих на социальном уровне, солидаристские практики институционализируются в процессе формирования на основе закрепления определенных институциональных ресурсов, их омассовления, перевода из недискурсивного в дискурсивное состояние.

Соответственно, социологическое измерение солидаристских практик в системе межэтнических отношений приобретает в этом контексте важное значение, поскольку позволяет не только проанализировать динамику межэтнических отношений, но и сформировать возможные пути оптимизации межэтнического взаимодействия и повышения эффективности межнациональной политики в РФ, для которой стабильность и гармонизация межэтнических отношений является приоритетной.

Степень научной разработанности темы. Сформировавшиеся в зарубежной социологической мысли подходы к осмыслению межэтнических отношений в целом строятся на конструктивистской парадигме и исходят из того, что межэтнические отношения перемещаются в сферу конфликтности этнических идентичностей, что современное государство перестает быть этническим и становится национальным, когда нация противопоставляется этносу в качестве конструкта гражданской идентичности, а этнические отношения смещаются в культурную плоскость, обретают характер культурных различий. На этом основании и реализуются идеи мультикультурализма.

Истоки данного подхода восходят к классической социологической традиции (Г. Спенсер, М. Вебер)¹, в которой этнические отношения рассматриваются в контексте перехода от традиционного к современному обществу, интерпретации этничности как фактора сохранения социальной профильности. Нация в этом смысле трактуется как гражданско-политическое образование и поэтому становится дискурсом социального макроуровня, в то время как межэтнические отношения, концентрируясь в культурной сфере, связаны с конструированием установок на принятие идентичностей и определение культурных смыслов и значений (символического капитала). Это находит логическое подтверждение в конструктивизме, где этничность оценивается как схема типизации, а этнос – как группа, создаваемая на основе целенаправленной работы институтов этнического представительства.

Межэтнические процессы в российском обществе являются предметом осмысления отечественной этносоциологической школы, где основное внимание уделяется проблемам этнического взаимодействия в рамках выявления факторов конфликтности и гармонизации. В работах В.А. Авксентьева, Р. Абдулатипова, Г.С. Денисовой, Л.М. Дробижевой² подчеркивается, что этнические отношения стали фактором политической жизни российского общества. Примечательно, что на современном этапе, не оставляя без внимания осмысление этнических конфликтов, особое внимание отводится процессам межэтнической интеграции, нахождения

¹ *Спенсер Г.* Синтетическая философия (В сокращённом изложении Г. Коллинза.) Пер. с англ. П.В. Мокиевского. Киев: Издательство «Ника-центр», 1997. 512 с.; *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: "Медиум", 1995. 323 с.

² *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, 2001. 267 с.; *Абдулатипов Р.Г.* Этнополитология / Р.Г. Абдулатипов. СПб: Питер, 2004. 320 с. (Серия Учебное пособие); *Денисова Г.С. и др.* Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном федеральном округе. М., 2015; *Дробижева Л.М.* Россия на пути к более этнически толерантному и интегрированному обществу // Идеальное общество в мечтах людей в России и в Китае: [монография] / [М.К. Горшков и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, П.М. Козырева, Ли Пэйлинь, Н.Е. Тихонова; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. С. 205–226.

форм взаимодействия и кооперации, которые выходят за рамки социального мезоуровня и становятся актуализируемыми на социальном макроуровне. Этот момент отмечается в работах В.Н. Иванова, А.Г. Здравомыслова, А.В. Резаева, В.А. Тишкова, Н.Д. Трегубовой³.

Переход от модели этноконфликтности, понимания межэтнических отношений как неизбежного зла или барьера на пути социокультурной модернизации российского общества стимулируется внешне и процессом укрепления российской государственности, и общностью проблем, переживаемых народами России, и тем, что в российском обществе происходит становление российского народа, гражданской нации. Эта позиция обосновывается в исследованиях М.К. Горшкова, Л.Г. Бызова, Д.Е. Григоренко, Ю.Г. Волкова⁴.

В работах Е.М. Арутюновой, К.Т. Гизатова, Т.Г. Исламшиной⁵ отмечается, что этническое возрождение в российском обществе, хотя и является противоречивым процессом, порождая рецидивы этноизоляции и этноотчуждения, характеризуется становлением этнической идентичности нового типа, которая характеризуется ростом потенциала стабильности,

³ *Иванов В.Н.* Социология федерализма. М., 2004. 300 с.; *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве / 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 1999. 286 с.; *Резаев А.В., Трегубова Н.Д.* Этносоциальные конфликты в современной отечественной социологии (по материалам контент-анализа журнальных публикаций) // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 75-85; *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Научка, 2013. 649 с.

⁴ *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М.К. Изд. 1-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. 416 с.; *Бызов Л.Г.* Современная Россия: в поисках новой национальной субъектности // Россия и мир: анатомия современных процессов: Сборник статей / Под ред. Е.А. Нарочницкой. М.: Международные отношения, 2014. С. 147–169; *Григоренко Д.Е.* Адекватность концепции управления обществом его культуре и цивилизации (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 Красноярск, 2007. 26 с.; *Волков Ю.Г.* Идеология и российская идентичность. М., 2006.

⁵ *Арутюнова Е.М.* Общественно-политическое участие и консолидация общества в полиэтнических российских регионах // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 2. С. 91–106; *Гизатов К.Т.* Национальная идеология. Том 2. М., 1999. 212 с.; *Исламшина Т.Г.* Этнические ценности в полиэтническом обществе: Социол. Очерк. Изд-во Казан. гос. техн. ун-та. 1996. 246 с.

выражается в модернизационных установках и позитивной динамике социального самочувствия, ориентированного на развитие межэтнического общения и сотрудничества.

Осмысление межэтнических процессов в контексте положений, выдвигаемых в работах Ю.В. Арутюняна, В.В. Коротеевой, С.Г. Кирдиной, В.В. Кочеткова⁶, связанное с пониманием социальной дистанции и этнической границы, безусловно определяет возможности дезинтегративных и интегративных факторов в системе межэтнических отношений. Для работ Н.Г. Скворцова, В.В. Малахова, С.В. Чешко⁷ свойственно исходить из символической кодификации этничности, из имплементации зарубежного опыта в российских условиях.

Следует отметить, что влияние солидаристских практик на состояние межэтнических отношений является относительно неизученным аспектом. Тем не менее, в работах М.К. Горшкова, Ю.Г. Волкова, Л.Г. Бызова характеризуются солидаристские практики как массовые поведенческие стратегии, которые затрагивают различные сферы общественной жизни, а также определяются их границы. Их влияние на процесс национальной политики как системы управленческого взаимодействия на систему межэтнических отношений фиксируется в социально-прикладных исследованиях, в настроениях россиян, нацеленных на межэтническое общение и участие. Вместе с тем, концептуально пока существует разрыв между пониманием солидаристских практик и сферой межнационального общения. Солидаристские практики отличаются от системы

⁶ *Арутюнян Ю.В.* Трансформация постсоветских наций: По материалам этносоциологических исследований / Юрий Вартанович Арутюнян; РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. 207 с.; *Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: РГГУ, 1999. 140 с.; *Кирдина С.Г.* Гражданское общество: уход от идеологии // Новые идеи в социологии. М., 2013. С. 63–73; *Кочетков В.В.* Социология межкультурных различий. М.: Социум, 2000.

⁷ *Скворцов Н.Г.* Проблемы этничности в социальной антропологии. СПб, 1997; *Малахов В.С.* Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002; *Чешко С.В.* Доктрина самоопределения: иллюзии и реальность // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002.

межэтнических отношений, так как в них формируется гражданская идентичность, а этнические отношения воспроизводят традицию, сохранение этнокультурного своеобразия.

В таком контексте важность приобретает понимание принципов национальной политики как интеграции опыта солидаристских практик, инновационности солидаристских практик и этнического воспроизводства. Особую специфику исследованиям придает понимание необходимости интеграции научной управленческой деятельности, воздействия социологии на диагностику и экспертизу состояния межэтнических отношений в российском обществе, что свойственно работам В. Козлова, Ж.Т. Тощенко, З.В. Секевич.

Таким образом, оценивая состояние исследований, посвященных социальной и социально-этнической проблематике, можно говорить о достаточно высокой разработанности проблем этической конфликтности, формирования идентичности в контексте изменения социальной структуры российского общества, складывающейся иерархии ценностей в межэтническом регулировании, установке приоритетов национальной политики. Значение в этом смысле приобретает выявление новых тенденций, новых смыслов и новых факторов в развитии межэтнических отношений, соотнесение процессов в сфере межэтнических отношений как включенных в социальную жизнь российского общества с ментальными и поведенческими стратегиями россиян.

Солидаристские практики в настоящее время выходят за пределы практик социального микроуровня и становятся фактором, формирующим отношения на социальном макроуровне. Ощущается их влияние и на социальный мезоуровень, на образ России как полиэтнического общества в современном мире, и на отношения с этническими диаспорами, проживающими за рубежами России, и на интерпретацию модели этнической политики в зарубежных странах.

Таким образом, новизна темы исследования обусловлена рядом факторов:

- во-первых, концептуализацией и операционализацией солидаристских практик в исследовании динамики межэтнических отношений в российском обществе;
- во-вторых, выявлением соотношения этнического и гражданского общероссийского компонента в солидаристских практиках;
- в-третьих, осмысление солидаристских практик как определяющих перспективы развития национальной политики в российском обществе.

Можно говорить о теоретической и практической значимости данного исследования, сочетающего проблемность и поиск новых решений в достижении гармонизации межэтнических отношений.

Цель диссертационной работы заключается в изучении социальных солидаристских практик как поведенческих стратегий, формирующих восприятие, оценку межэтнических отношений, характер межэтнического общения и готовность к межэтнической солидарности. В контексте данной позиции реализация поставленной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

- провести концептуальный анализ и рассмотреть методологические аспекты исследования солидаристских практик в контексте межэтнических отношений;
- сформировать теоретико-методологический конструкт исследования описания, изучения солидаристских практик в рамках специфики межэтнических отношений в российском обществе;
- выявить и рассмотреть структурные параметры солидаристских практик в рамках влияния на межэтнические отношения;
- охарактеризовать институциональные механизмы формирования солидаристских практик в контексте межэтнических отношений;

– классифицировать солидаристские практики по векторности влияния на межэтнические отношения в российском обществе;

– сформировать социальный механизм влияния солидаристских практик на возрастание эффективности национальной политики в российском обществе.

Объект исследования – межэтнические отношения в российском обществе как система взаимодействия различных этнических групп в контексте социальных и этнокультурных установок.

Предмет диссертационного исследования – солидаристские практики в системе межэтнических отношений как совместные поведенческие стратегии представителей различных этнических групп, направленные на достижение общих целей и интересов.

Гипотеза диссертационного исследования. Межэтнические отношения в российском обществе характеризуются состоянием относительной стабильности, что выражается в существовании замороженных и отложенных этнических конфликтов, не переходящих в открытое состояние. Источник этих конфликтов восходит к советскому прошлому и связан со схемами унификации этнокультурных маркеров на основе формирования сверхнациональной общности, влияния фактора негативной исторической памяти и тенденциями этнократии постсоветского периода, включивших потенциал этничности для обоснования узкогрупповых корпоративных целей. Вместе с тем, межэтнические отношения как взаимодействие этнокультурных общностей, актуализирующих коллективные смыслы, ценности и установки, характеризуются приверженностью к опыту совместного проживания, осознанием общей исторической судьбы и осознанием деконструктивности этносепаратизма.

В современной России в пространстве межэтнических отношений наблюдается, с одной стороны, процесс этнического возрождения, принимающий под воздействием этноцентристских установок формы

этноотчуждения и этнодистанцирования, и одновременно, с другой стороны, в рамках возросшей социальной и территориальной мобильности – возрастание этнической неоднородности, ослабление тенденции этнической анклавизации.

Сфера межэтнических отношений, традиционно понимаемая как взаимодействие между различными этническими группами в рамках регулирования этнических притязаний и согласования этноориентированных интересов, испытывает влияние солидаристских практик, ориентированных на совместную деятельность для участия в социально значимых проектах с учетом этнических и этнокультурных различий, на создание групп низовой инициативы, объединяемых территориальным принципом. Этот процесс переходит на социальный макроуровень, характеризуемый созданием структур гражданского действия, связанных и с одобрением курса действующей российской власти, и с расширением возможностей влиять на различные сферы общественной жизни с целью роста потенциала позитивной солидарности.

На этом основании базируется предположение о том, что солидаристские практики в России переходят из состояния опосредованного влияния на межэтнические отношения в режим включенности, переформатирования межэтнических отношений в диапазоне от этнического общения к межэтническому сотрудничеству.

Теоретическую и методологическую основу диссертационного исследования составляют принципы структурно-деятельностного подхода, включающие структурный, институциональный и поведенческий аспекты. Исследовательская стратегия базируется на положениях и выводах, содержащихся в теории стратегии П. Бурдьё, теории структуризации Э. Гидденса, конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Автор также опирается на положения и выводы, содержащиеся в работах российских исследователей М.К. Горшкова, Ю.Г. Волкова, Л.М. Дробижевой, В.А. Тишкова, которые выделили критерии этнической

стратификации, конфликтности и кооперации в межэтнических отношениях, дифференциации по целям межэтнического сотрудничества, а также влияния межэтнических отношений на приоритеты и способы реализации национальной политики. Это нашло отражение в актуализации и применении в работе конструктивистского, институционального, структурно-деятельностного подходов. В частности, конструктивистская парадигма актуализирована в анализе формирования и воспроизводства этнокультурных различий как схем типизации отношений между различными этническими общностями через символический капитал (язык, традиции, символы этнической общности). В институциональный подход включен процесс исследования в контексте выявления ресурсности этнических групп, закреплённости определенных институциональных практик, иерархии институтов, связанных с делегированием представительства интересов и воспроизводства групп, мобилизованных общими интересами в сохранении или развитии своих социальных позиций. Структурно-деятельностный подход реализуется в определении условий легитимации солидаристских практик, направленных на изменение межэтнических отношений, категоризации гражданской (российской) идентичности.

Эмпирическую базу исследования составил корпус различных источников. С целью вторичного анализа использовались данные социологических исследований ИС РАН «О чем мечтают россияне?», «Российская идентичность», «Российское общество и вызовы времени» 2011 – 2012 – 2015 гг., а также мониторинга межнациональных отношений в РФ ВЦИОМ 2015-2016 гг. Левада-центра, «Оценка населением Юга России характера межэтнических отношений в период реализации Стратегии национальной политики», «Развитие этнических культур как инструмент национальной политики на Юге России», 2016 г. (коллектив под руководством Г.С. Денисовой). Данные материалы обеспечивают высокий уровень социологической достоверности представленных в

диссертации выводы, так как связаны с соблюдением процедуры перекрестной проверки соотнесения эмпирических данных и оцениваются по степени масштабности и критерию долговременности их проведения. В качестве источника нормативно-правового характера в диссертации использовалась Концепция государственной национальной политики Российской Федерации и Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.

Научная новизна диссертационного исследования определяется совокупностью исследовательских задач, направленных на изучение солидаристских практик в системе межэтнических отношений российского общества, и нашла выражение в следующих результатах:

- выделены концептуальные рамки исследования солидаристских практик в межэтнических отношениях в социологической мысли; определено, что существующие примордиалистский, конструктивистский, структурно-деятельностный, субъектно-деятельностный подходы в исследовании этносоциальных отношений имеют аналитический и объяснительный потенциал в рамках выявления основных параметров функционирования межэтнических отношений, а наибольший исследовательский интерес представляет структурно-деятельностный подход, в котором аналитическая модель описания основывается на принципах объяснения в рамках объективных и субъективных факторов становления и функционирования солидаристских практик;

- сформирован теоретико-методологический конструкт исследования, связанный с выявлением специфики солидаристских практик в российском обществе как совместных практик, направленных на сокращение этнической дистанции и этнической отчужденности и переформатирования культурного капитала в символический и социальный на уровне совместного действия; установлено, что солидаристские практики, включающие совместную деятельность различных этнических групп, определяют селекцию наиболее

оптимальных для социального солидаризма этнокультурных и этносоциальных установок;

- выявлены структурные условия солидаристских практик как системы социального позиционирования, в которых этнический статус становится ресурсом повышения конкурентоспособности этнической группы с целью повышения этносоциального статуса на основе конструирования и включения в этническую идентичность гражданского дискурса и повышения социальной референтности этнической группы как участника процесса межэтнического общения;

- раскрыты институциональные параметры солидаристских практик, определяемые воспроизводством и присвоением ресурсов институтов социального развития (бизнеса, местного самоуправления, культуры, образования), нацеленных на повышение социальной адаптивности и накопления ресурсов для развития солидаристских практик; рассмотрены типы солидаристских практик по критерию целей, способов реализации, состава участников, степени открытости / закрытости по отношению к другим институциональным группам;

- дана классификация солидаристских практик, связанная с векторностью влияния и подходами к различным аспектам межэтнических отношений; выявлено, что солидаристские практики дифференцируются в соответствии с заявленными приоритетами и основываются на оценке участия субъектов межэтнических отношений в становлении социальной солидарности в российском обществе;

- определено влияние солидаристских практик на реализацию, развитие стратегии национальной политики в российском обществе, связанной с реализацией формулы соучастия различных этнических групп в совместных проектах, требующих включения потенциала солидаристской активности.

Научная новизна исследования конкретизирована в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. Концептуализация солидаристских практик в межэтнических отношениях в российском обществе связана с оценкой исследовательского потенциала легитимированных в социологии подходов. В современных условиях примордиалистский подход как подход, связанный с аскрипцией этничности, с моделью ее натурализации, не обладает достаточным аналитическим потенциалом, поскольку связан с обоснованием «прирожденности» этнокультурных и этносоциальных установок, их объяснения через архетипы массового сознания, через коллективное бессознательное, что практически делает невозможным выявление влияния солидаристских практик на динамику межэтнического взаимодействия. Конструктивистский подход, ориентированный на изобретение, конструирование этничности, возможность ее перемены, акцентирует исследовательское внимание на индивидуальности, что, учитывая закреплённость коллективного образа этничности в российском обществе, значительно сужает возможности исследования солидаристских практик как практик массового социального творчества. Структурно-деятельностный подход основывается на принятии формулы солидаристских практик в межэтнических отношениях как преодоление конструктивизма и примордиализма в рамках понимания солидаристских практик как поведенческих стратегий, направленных на осознание этнической идентичности и актуализацию этнокультурных и этносоциальных установок через освоение новых полей социальной деятельности, через формирование диспозиций, направленных на изменение статуса этноса в рамках процедур легитимации и самолегитимации, стратегий присоединения или сотрудничества.

2. Особенности межэтнических отношений в российском обществе связаны с влиянием примордиализма как артикуляции титульной нации, что вносит в межэтнические отношения требования этносуверенности и этнотерриториальности. С этим обстоятельством связан перенос межэтнических отношений в сферу политического регулирования.

Учитывая этот фактор, можно сделать вывод о том, что межэтнические отношения переводятся на «язык» политических требований и поэтому этнические этносы предстают как группы, содержащие установку на выражение особых этнонациональных интересов. Вместе с тем, важным становится определение участия субъектов межэтнических отношений в условиях социальной дифференциации и социальной стратификации российского общества, переориентации на солидаристские практики. Структурно-деятельностный подход, включающий операционализацию социального поля и социального габитуса, направлен на выявление структурных, институциональных параметров межэтнических отношений в контексте этнических установок как воспроизводящих коллективные представления об этносе. Таким образом, теоретико-методологический конструкт исследования включает критерии социального позиционирования, институционализацию этнических групп как практических, выбор социальных практик, установок на сотрудничество или конкуренцию в рамках межэтнического взаимодействия.

3. Структурные изменения в российском обществе привели к дезинтеграции социальных групп, ориентированных на формулу советского интернационализма. Социальное позиционирование основывается на критериях социально-имущественного расслоения, престижа, профессии, в рамках которого этнический статус становится способом самолегитимирования, определяет логику присоединения или самоизоляции. Таким образом, в социальном пространстве формируются параллельные социальные практики, солидаристские и этноориентированные, связанные с социально-профессиональным или этническим статусами и имеющие вектором формирование социальной или этнической солидарности. Для солидаристских практик характерно то, что они демонстрируют готовность, на основе общего социального интереса, к совместным действиям, направленным на расширение коридора возможностей вне зависимости от этнического статуса.

4. В рамках сложившейся институциональной системы российского общества на уровне межэтнических отношений проявляется влияние институтов этнического представительства, связанных с процедурой делегирования интересов этнических групп, что в реальности означает формирование групп интересов, нацеленных на использование ресурсов социальных и властных институтов. В сложившейся ситуации солидаристские практики связаны с высокой степенью институционального доверия к социальным институтам, содержащим социальный и символический капитал для интеграции российского общества. Поэтому важным представляется воспроизводство солидаристских практик в рамках интеграции деятельности социальных и властных институтов. В контексте того, что институты этнического представительства являются субститутами, направленными на формирование этнических интересов через конструирование представления об этносе, важным условием становится закрепление за солидаристскими практиками объективированных институциональных ресурсов (правовых, социальных, организационных).

5. Солидаристские практики, сформировавшиеся в российском обществе, можно классифицировать как практики правовой и социальной направленности. Практики правовой направленности ориентированы на укрепление правовой базы участия групп социальной активности в разработке формулы участия в межэтнических отношениях, расширение статуса социальных и гражданских ассоциаций, ориентированных на формирование гражданской идентичности и закрепление гражданской солидарности в межэтнических отношениях. Практики социальной направленности связаны с реализацией совместных социальных проектов, которые в рамках локальных инициатив имеют тенденцию перехода через систему горизонтальных социальных отношений к масштабным регулярным социальным акциям, направленным на включение в зону

общественного внимания и решение значимых для россиян социальных проблем.

б. Стратегия национальной политики в Российской Федерации, основанная на реализации принципов межэтнического сотрудничества, мира и согласия между национальностями РФ, ориентирована на привлечение социальных и гражданских ассоциаций в качестве субъектов национальной политики. Солидаристские практики формируют новое поколение лидеров, способных осуществлять этническое представительство на основе консенсуса укрепления российской государственности и становления российской (гражданской) нации. В этом контексте солидаристские практики изменяют параметры национальной политики путем ее смещения в сторону диалога властных структур и социальных ассоциаций, особенно на республиканском уровне, сосредотачиваются на преодолении негативных факторов отчуждения, изоляции и дискриминации в рамках предложения альтернатив совместного действия в социальной, культурно-образовательной и правовой сферах.

Теоретическая и научно-практическая значимость диссертационного исследования определяется актуальностью полученных выводов и результатов, сформированностью теоретико-методологического конструкта исследования солидаристских практик в межэтнических отношениях российского общества, а также выявленными типами солидаристских практик, оказывающих влияние на повышение эффективности национальной политики. Предложенный теоретико-методологический конструкт может найти применение при исследовании процессов интеграции / дезинтеграции в системе межэтнических отношений российского общества, а также в выявлении ее конфликтогенного и солидаристского потенциалов.

Выводы и положения диссертации, таким образом, могут быть конкретизированы в применении к формированию государственной

национальной политики на региональном и федеральном уровнях. Материалы исследования могут найти практическое применение в чтении курсов по общей социологии, социологии молодежи, социологии культуры, этнополитической социологии.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования прошли апробацию: на Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Путь в науку» (апрель, 2015-2016), Всероссийской конференции «Нациестроительство и модели социальной интеграции» (Ростов-на-Дону, 14-15 апреля 2016 г), 9 Школе Молодого социолога «Социология доверия и солидарности» (Майкоп, 2016). Содержание работы отражено в 7 научных публикациях, в том числе, в 4 изданиях, которые входят в список ВАК при Минобрнауки РФ, 1 монографии и составляет объем – 10 п.л.

Структура работы обусловлена целями и задачами исследования, включает введение, три главы, состоящие из шести параграфов, заключение и список литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЛИДАРИСТСКИХ ПРАКТИК В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Межэтнические отношения включены в контекст социологической традиции как особый тип социальных отношений, связанных с этносоциальной дифференциацией. Классическая социологическая мысль исходила из постулата межэтнических отношений как социального факта, оказывающего влияние на различные сферы общественной жизни в зависимости от социальной структуры общества, сложившейся институциональной композиции и логики построения национальных государств. Так как классическая социология развивалась в эпоху национальных государств, особое внимание уделялось состоянию межэтнических отношений как отношений, регулируемых на уровне политико-правового и социального воздействия со стороны государственных институтов.

В рамках классической социологии сформировался примордиалистский подход (Г. Спенсер), включающий этнические отношения как этап развития общества, как переход от догосударственного к государственному состоянию. Этнос характеризуется преодолением племенного натурального состояния и формированием общностей, связанных системой общих верований, обычаев, традиций.

Определяемые логикой заявленного исследования задачи выявляют непосредственный интерес к анализу и оценке концептуальных оснований солидаристских практик в межэтнических отношениях. Существует традиция разведения солидаристских практик как чисто социального феномена и этнических отношений, описываемых в категориях социологического субстанциализма. Для того чтобы понять логику перехода солидаристских практик в систему межэтнических отношений,

необходимо преодолеть бинарность социального и этнического и рассматривать этническое как специфическое выражение социального, как результат взаимовлияния культуры, истории и общества, то, что М. Вебер называл основополагающими принципами социологического знания.

С этой целью исследование предполагает системное обобщение легитимированных в социологии подходов к исследованию этнических отношений. Главным критерием становится возможность объяснения динамики межэтнического взаимодействия с включением новых поведенческих стратегий, с определением межэтнических отношений как совокупности отношений между группами, изменяющимися в рамках их социального позиционирования, закрепления определенного вида социальных ресурсов и способов социальной капитализации.

Поэтому в рамках предпринимаемого исследования так важно выявить роль солидаристских практик в системе межэтнических отношений, определяя поведенческие стратегии, направленные на достижение баланса этнических (специфических) и гражданских (общих) интересов. Данная позиция предполагает введение в исследовательский оборот понимания аналитического и объяснительного потенциала легитимированных в социологической мысли подходов (примордиалистского, конструктивистского, структурно-деятельностного) и определение в соответствии с возможностями формирования теоретико-методологического конструкта исследования солидаристских практик в межэтнических отношениях российского общества.

1.1 Теоретико-методологические подходы к исследованию солидаристских практик в межэтнических отношениях: сравнительный анализ

Рассматривая солидаристские практики как принципиально новое социальное явление, как тип поведенческих стратегий, направленных на

включение этнокультурных и этносоциальных установок для осуществления совместных практик, преследующих общие цели, следует отметить, что для понимания логики взаимоотношений и взаимовлияния солидаристских практик и межэтнических отношений важно преодолеть их обособленность, разделенность, схему, согласно которой солидаристские практики связаны с общегражданскими отношениями, со становлением гражданской идентичности, а межэтнические отношения основываются на признании этнокультурных и этносоциальных установок как инвариантных, формирующих субстанциализм в понимании этнической группы как группы, имеющей природную реальность.

В рамках классической социологии этничность рассматривается аскрептивно, как предписанный статус, на который влияет совокупность природно-географических и исторических явлений, которые воспроизводятся в переходе от традиционного общества к современному как социальная общность, имеющая параметры профильности, закреплённости форм в повседневных практиках и в логике существования национальных государств. В рамках классической социологической традиции этнические отношения трактуются как особый вид социальных отношений, определяемых субстанционированием этноса как субстанционалистской группы, группы, связанной с аскрептивными (заданными) социальными параметрами.

Этносы рассматриваются в качестве социального рудимента, наследия традиционного общества, где действует принцип механической солидарности. Этнические группы являются профильными, определяемыми предписанностью личностей к определенному этносу. Социальные группы являются динамичными, конструируемыми, определяемыми стратегией личности. Поэтому межэтнические отношения рассматриваются как имеющие двойное влияние: связанное с сохранением преемственности в развитии общества, закреплением первичной солидарности и выступающее барьером на пути изменений в социальной

структуре. Таким образом, понимание этноса влечет за собой последствия примордиалистского характера.

Речь идет о том, что в рамках методологической ориентации этнос определяется общинными отношениями, тем, что коренится в привязанности, душевной склонности и, по Ф. Теннису, является продолжением родовых отношений. В этносе находят свое воплощение соседство, дружба. Межэтнические отношения слабо подвержены рационализации. Отмечается, что в нетрадиционном обществе этнические отношения могут обретать рациональную структуру, то есть преследовать целью конкурентоспособность, получение привилегий в социальной и деловой жизни.

Рассмотрение, таким образом, этнических отношений, характеризует их определенный прогрессизм по сравнению с родоплеменными, что находит выражение в том, что этнос предполагает определенное социальное действие, но рационализация действия в этносе происходит неравномерно, рационализируется более редко, чем неэтнические отношения. Этнос проявляется в социальной системе как репродуцируемый, воспроизводящий практики, и одним из предположений примордиализма является определение этноса как природной, не зависящей от воздействия социальных изменений группы. Этнос представляет собой инвариантную социальную группу, и практики этноса проявляются в виде традиций, коллективной памяти. В результате возникает противоречие между структурными и институциональными изменениями и этносом, занимающим определенную социальную и социально-экологическую нишу.

Это означает, что межэтнические отношения сопротивляются инновационным социальным практикам и исследовательское внимание акцентируется на том, в какой степени этнос может быть модернизован, каковы перспективы перевода этноса в состояние гражданской нации. Трудности научного социологического освоения этноса представляются

как неспособность к рационализации партикулярных (частных) интересов. Таким образом, этнос включается в проблемы социальной системы, связанные с рациональной организацией и распределением материальных и культурных ресурсов. Второй проблемой является проблема сохранения солидарности общества, так как требования, выдвигаемые этносом, связаны с легитимацией противостоящего правовой (нормативной) системе порядка, построены на стратегиях патриархального, традиционного или ценностно-рационального поведения.

Данная конфигурация в понимании этноса связана и с положениями социологии М. Вебера, и с положениями о переходе от родоплеменной организации к организации по этническому критерию Г. Спенсера, а также с типологией социального действия М. Вебера. Классическая социология определяет дилемму соотношения этнического и социального в том, что Т. Парсонс характеризует как противостояние универсализма и партикуляризма, а также ориентацию на себя или ориентацию на коллектив. В этом исследовательском контексте понимание этноса как самостоятельного образования выводится за рамки социологии и легитимируется как предметное поле этнографии, культурологии, социальной психологии.

Социальные практики рассматриваются преимущественно как поведенческие стратегии представителей индивидов, направленные на реализацию формулы этнической причастности и этнической привязанности к социальному действию. Артикулируется главный вопрос, связанный с тем, в какой степени этнические различия имеют социальные последствия, модифицируются, влияют на социальную стратификацию. Этнические отношения рассматриваются как отношения подчинения / господства, связанные с неравенством в доступе к материальным ресурсам, и этничность выступает инструментом достижения социальных целей в состоянии этнической мобилизованности.

Можно констатировать, что в классической социологии развитие межэтнических отношений связано с исчезновением или снижением влияния этноориентированных практик и с устранением этнической дискриминации. Также следует подчеркнуть, что классическая социология делает акцент на изучении социальных институтов, которые рассматриваются в качестве форм социальных взаимосвязей, регулируемых и санкционируемых обществом. Рассматривая это положение, можно говорить о том, что вторым важнейшим аспектом классической социологии в рассмотрении межэтнических отношений является нацеленность на выявление этноориентированных практик как требующих принимать во внимание традицию и ритуально-обрядовую сторону.

Так как в этносе отсутствует индивидуальное отношение с обществом, межэтнические отношения становятся сферой выявления моральных норм. Для социолога важно за посторонними целями увидеть рациональные устремления и результаты. В таком виде этнос не может быть подвергнут воздействию формально-рационального управления и включиться без помех в социальную иерархию. С этносом связывается традиционный, по Веберу, тип власти. Можно предположить, что этнос характеризуется солидаристскими практиками, но связанными с этнической сопричастностью, с предписанностью, со схемами восприятия, наследуемыми как ресурсы исторической памяти.

Солидаристские практики являются частными, разделяющими этносы, и имеют консервативное, охраняющее влияние с целью воспроизводства этноса как инвариантного образования. Можно сделать выводы, что классическая социологическая мысль подчеркивает в большей степени примордиалистский, прирожденный характер межэтнических отношений и выявляет в качестве предмета социологии структурные и институциональные изменения, которые модифицируют или адаптируют этнос к социальным реальностям. Основной исследовательский пафос

направлен на выявление возможностей этноса, как коллектива, основанного на аскрептивных социальных качествах, включиться в современное общество, использовать этноориентированные практики для получения правовых и социальных преференций. Межэтнические отношения связываются с патриархальным, традиционным типом господства и представляются у Вебера более долговечными и устойчивыми, чем легальный тип господства. Парсонс же видит межэтнические отношения как исчезающие в процессе модернизации общества.

Неклассическая социологическая традиция отходит от понимания этноса как субстанциалистской общности и, рассматривая конструирование этноса в качестве исходной методологической позиции, акцентирует внимание на том, что межэтнические отношения являются результатом социального взаимодействия, что, как писали П. Бергер и Т. Лукман, являются схемами типизации действительности. Межэтнические отношения регулируются удаленностью / близостью этнических групп. В повседневной жизни значение имеют язык и знания. Объективация межэтнических отношений определяется объективной доступностью за пределами проявления субъективной причастности к этносу⁸.

Другими словами, в межэтнических отношениях важным является то, как артикулируются этнокультурные установки, как используются интерпретации реальности межэтнических отношений. Межэтнические отношения характеризуются качеством взаимности, возможностью непрерывной объективации возрастающего опыта. Это означает, что язык конструирует систему символических представлений, обладающих ценностью по сравнению с реальностью повседневной жизни. Накопление в рамках созданных семантических (языковых) полей исторического опыта внушает впечатление, что этнос является вечным, что этнокультурные и

⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: "Медиум", 1995. 323 с.

этносоциальные установки воспроизводятся как передающиеся из поколения в поколение.

В рамках конструктивистского подхода подчеркивается роль воображения, межэтнические отношения представляются сферой символических значений, и для сохранения этноса важным становится изобретение, конструирование традиции с целью поддержания этнической солидарности и мобилизованности этноса для стратегий выживания и развития. Таким образом, этноориентированные практики определяются и непосредственными практическими интересами, тем, что многообразие социокультурных связей характеризуется отсутствием врожденности, что поведенческие стратегии в рамках межэтнических отношений могут быть трансформированы либо в закрытость, либо в открытость миру.

Важным является, что в терминах значений, определяющих состояние межэтнических отношений, благодаря хабиитуализации следствием является институционализация, закрепление стандартных значений в качестве социальных норм. Важно подчеркнуть, что взаимная типизация действий может возникнуть только в ходе общей истории и нельзя понять адекватно межэтнические отношения, если не рассматривать институциональный аспект, регуляторы, контролирующие социальные практики, устанавливающие predetermined им образцы. В межэтнических отношениях важно учитывать, что действует принцип типизации, что этнические авто- и аутостереотипы являются схемами типизации. Поэтому в исследовании межэтнических процессов важное внимание уделяется процессам хабиитуализации и институционализации, а также представлению о социальных практиках, реализующих определенные схемы типизации, связанных с конструированием традиции, обоснованием непрерывности развития этноса.

Исходя из этих положений, можно заключить, что социальные практики включают и возможность переконструирования этничности, переопределения этнокультурных установок в соответствии с

практическими интересами. В рамках такого понимания практики трактуются как поведенческие стратегии, направленные на использование этнических стереотипов в качестве стандартных значений для определения возможностей взаимодействия с другими. Солидаристские практики в таком исследовательском контексте могут интерпретироваться как стратегии, направленные на переконструирование традиций, на включение в традицию установок на кооперацию, открытость и доброжелательность. Другими словами, конструктивистский подход рассматривает этнос как нестабильные образования, как связку определенных смыслов и отношений, изменяющих лицо этноса. Трактовка солидаристских практик, таким образом, связывается с установлением границ толерантности, признания опыта других с тем, чтобы, включая схемы типизации, ориентироваться на изменения языка как кладезя коллективных седиментаций⁹.

Важным является также и то, что солидаристские практики зависят от унифицированности или плюрализма концептуализации этноса. Межэтническое взаимодействие может быть сферой навязывания традиционных представлений о неравенстве этнических групп, учитывая конкурирующие определения реальности. Можно сделать вывод, что солидаристские практики связываются с влиянием фактора унифицированности, насаждения этнических стереотипов, либо в качестве альтернативного образца предполагается отсутствие сегрегации, равенство с легитимацией институтов и символических универсумов на основе автономных этнокультурных установок.

Конструктивистский подход, исходящий из искусственности, из возможности переформатирования этноса как практической социальной группы, рассматривает возможности солидаристских практик, практик, ведущих к укреплению социальной солидарности как результата

⁹Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: "Медиум", 1995. С. 115.

изменений этноса в самом себе и представлений о других, через преодоление этнических предрассудков, негативных аутостереотипов и придание представлениям о себе нацеленности на взаимодействие с другими. Следует подчеркнуть, что в рамках конструктивизма, рассмотрения межэтнического взаимодействия как конфигурации, как пространства конкуренции различных смыслов, исходящих из практических интересов, акцент делается на выявлении языка межэтнических отношений, на исследовании семантических полей, на том, какие этические стереотипы доминируют в обществе, существует ли унифицированные процедуры, в какой степени проявляется отношение господства / подчинения или равенства.

Для конструктивизма характерно то, что этничность приобретает чисто культурный смысл и лишается какого-либо политического значения.¹⁰ Другими словами, конструктивистский подход лишает межэтнические отношения социального смысла и включает семантическое поле интегрирующих смыслов. Так, принадлежность к этнической группе можно поменять исходя из изменения культурных установок, из признания себя другим, если этноориентированные практики заменяются индивидуалистическим выбором. В этом контексте солидаристские практики, являясь культурно интегрирующими, включающими индивида в мир объединяющей культуры, обретают чисто политический смысл. Между сферой культуры и политической сферой, таким образом, отсутствует потребность в социальной деятельности. Миссия гармонии межэтнических отношений возлагается на институты культуры. Можно ли в таком случае говорить о том, что конструктивисты уверены в благоприятном разрешении межэтнических противоречий? Для них очевидным является табуирование культурной несовместимости, признание равенства и взаимодополнительности культуры, признание

¹⁰ Уолцер М. О терпимости / Уолцер М.; Пер.с англ. И. Мюрнберг; Общ.ред. М.А. Абрамова. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной кн., 2000. 159 с.

вклада конкретной культуры в развитие культуры гражданско-политической общности.

Между тем, проблема остается нерешенной, поскольку неясным остается вопрос о том, какие практики могут быть предпочтительными для того, чтобы межэтнические отношения пришли в стабильное положение. Предупреждая радикализацию этнокультурных установок, тенденции этноотчуждения и этноизоляции, конструктивистский подход исходит из того, что в сфере повседневных практик схемы типизации, контакта лицом к лицу практически делают невозможным межэтнические трения. При этом не учитывается, что межэтнические отношения могут складываться таким образом, что в силу незамечаемых социальных различий культура становится сферой самолегитимации этнической дистанции, конфликтности с другими этническими группами.

В конструктивистском подходе основной исследовательский акцент делается на выявлении условий, благоприятствующих или неблагоприятствующих осуществлению права на культурное своеобразие. Таким образом, приоритетом становится предупреждение этнодискриминационных практик, а совместные практики выпадают из поля зрения, становятся сугубо индивидуальным выбором. Для того, чтобы определить потенциал конструктивистского подхода в понимании логики межэтнических отношений, нужно исходить из того, что, исследуя схему этнизации как недискурсивные практики, конструктивисты полагают, что для налаживания практик на социальном макроуровне необходимо выяснить, какие группы делают ставку на поддержание статус кво, претендуя на монополию для закрепления наследственности этнического статуса, и какие группы нуждаются в изменениях дискурсивных практик, введении языка диалога и сотрудничества.

В этом смысле также важно отметить, что для конструктивистского подхода межэтнические отношения становятся сферой культуры, стимулирования культурных различий, поддержания тезиса о том, что

культурное разнообразие predetermined образом вызывает интерес другой культуры, что разнообразие культур формирует чувство толерантности, привыкания к другому. Можно сделать вывод, что конструктивистский подход ориентирует на принятие солидаристских практик в рамках толерантности, воздержание от дискриминационности, не подразумевая приглашения для других этнических групп участвовать в совместной деятельности. Существует риск того, что, воспользовавшись режимом толерантности, этническая группа сделает выбор в пользу этноизоляции, а конфликты в межэтнических отношениях будут трактоваться исключительно как проявление культурной несовместимости.

Такой подход подвергается критическому осмыслению и с радикальной позиции опровержения культурного расизма, и в рамках политики умеренной интеграции в общество этнических меньшинств. Можно говорить также о том, что исследовательский потенциал конструктивизма ограничен анализом этнокультурных установок, которые могут легко переконструироваться, анализом условий, позволяющих индивиду осуществить, реализовать право выбора на изменения, на этническую идентичность, включенность в определенную этническую группу. Главным является закрепление приоритета гражданских добродетелей, принятие формулы гражданской идентичности.

Таким образом, солидаристские практики могут проявляться только в рамках гражданской идентичности как следствие принятия гражданских добродетелей, согласия с тем, что, имея право на этнокультурное своеобразие, индивид в политической сфере является лояльным гражданином. Социальная ориентированность солидаристских практик, использование механизмов социальной интеграции выпадает из сферы исследовательского интереса. Это вынуждены признать и конструктивисты, работающие в дискурсе терпимости (Уолцер, Глейзер, Монишен). Можно говорить о том, что в контексте происходящих изменений в современном мире конструктивисты находят дополнительные

аргументы в ослаблении национальных государств, в усилении миграции, в появлении так называемой плавающей транснациональной идентичности, не привязанной к конкретным культурным и социальным реальностям, не предусматривающим территориализацию идентичности, прикрепление к определенному месту проживания и обитания.

Однако неясным остается, в какой степени на межэтнические отношения влияют социоструктурные изменения, что можно считать институциональными барьерами на пути гармонизации межэтнических отношений. Полагаясь на институты культуры и образования, конструктивисты упускают риски возникновения хабитуализации этнических предрассудков на уровне повседневных практик, считая, что недискурсивные практики позволяют индивиду делать выбор в пользу вынужденного или добровольного соседства. На этом фоне важно подчеркнуть, что конструктивистский подход имеет свое позитивное значение в борьбе против примордиалистских предрассудков, против процедур натурализации этнических отношений, создавая, с другой стороны, иллюзию легковесности преодоления диспропорции в межэтнических отношениях через признание права быть другим.

Рассматривая, таким образом, потенциал конструктивистского подхода, нацеленного на критику объективации межэтнических отношений, на то, что этническая группа является, по существу, конструируемой и задачи национальной политики состоят в том, чтобы, удовлетворяя запрос на этнокультурное своеобразие, на право быть иным, придерживаться позиции мягкой ассимиляции, нельзя констатировать, что конструктивистский подход содержит универсальный рецепт стабилизации межэтнических отношений. Основной упрек сводится к тому, что солидаристские практики, практики, связанные с формированием чувства взаимной ответственности и взаимных обязательств, готовности к включению в общие совместные, мобилизующие общество проекты, остаются вне внимания.

Можно говорить о том, что в рамках конструктивистского подхода социальные различия трансформируются в культурные. Но, таким образом, при сохранении несправедливых социальных неравенств, внесение утверждения о том, что можно путем «правильной» культурной политики внести гармонию в межэтнические отношения, является спорным. Также следует отметить, что создается практически единственная субъективная реальность, что в принципе противоречит конструктивистскому подходу, как писали П. Бергер и Т. Лукман, о объективации сферы значений, о переходе символического капитала в социальный капитал.

Конструктивистский подход в определенной мере можно назвать обратной реакцией преимущественного интереса к индивидуальному, что сейчас именуют методологическим индивидуализмом¹¹. Пренебрежение индивидом связывается не с влиянием объективированных социальных структур, а с тем, что необходимо реконструировать мотивации индивида и рассматривать межэтнические отношения как результат агрегирования индивидуальных действий, продиктованных этими мотивациями¹².

В сформулированном П. Бурдьё структурно-деятельностном подходе содержится акцент на снятие противоположностей объективного и субъективного, на то, что участие в представлении о конструировании реальности межэтнических отношений не является данностью, и множественность реальностей этнических групп не дает возможности говорить об относительном постоянстве или прерывности процесса межэтнического взаимодействия. Независимо от того, исходят ли эти позиции из структур классической социологии или конструктивизма, важным становится осмысление самого процесса межэтнического взаимодействия, в рамках которого возникают формы взаимозависимости.

¹¹ Коркюф Ф. Новые социологии / Пер. с фр. Е.Д. Вознесенской, М.В. Федоровой; науч. ред. Н.А. Шматко. М: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002. С. 21.

¹² Там же. С. 21.

П. Бурдьё отводит центральное место попытке соединения объективного и субъективного. Для него важным является, что в самом социальном мире существует объективная структура, независимая от сознания и воли агентов¹³.

Бурдьё, нацеленный на исследование двух аспектов – объективистского и субъективистского – определяя исследовательские задачи, рассматривает объективные структуры в интерпретации к межэтническим отношениям, что может быть осмыслено как институт, как совокупность норм и правил, заданных в конкретном социальном пространстве. Институты связаны с реализацией определенных практик, регулирующих межэтнические отношения. Эти практики выражаются в стратегиях субъектов акторов, которые, реализуя представления о структурах в габитусных состояниях, формируют свои приоритеты, свое видение и восприятие межэтнических отношений. Идет ли речь о коллективном представлении или индивидуальном выборе?

Не заявляя прямо о коллективизме социальных практик, Бурдьё не оставляет сомнений и в том, что социальные практики не могут быть агрегированием индивидуальных поступков. В недискурсивных практиках акторы действуют, не осознавая своей собственной идентичности, но, тем не менее, признавая влияние институтов, доступ к институциональным ресурсам и, по-существу, в своих субъективных представлениях исходят из того, что имеют общую социальную позицию. В этом смысле недостаточно быть собой, необходимо делать себя¹⁴. Если применить положение структурно-конструктивистского подхода П. Бурдьё, воспроизводство позиционных практик в социальном пространстве делает необходимым исследование индивидов в качестве агентов

¹³ Бурдьё П. Начало. Choses dites: Пер. с фр./ Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minit, 1987. Перевод Шматко Н.А. / М.: Socio-Logos, 1994. С. 181–182.

¹⁴ Шматко Н.А. Практические и конструируемые социальные группы: деятельностно-активистский подход // Россия трансформирующееся общество / Под редакцией В.А. Ядова. М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 112.

воспроизводства определенных действий, коммуникаций, ментальных структур, ситуаций¹⁵.

Тремя условиями воспроизводства позиционных практик является фактическое закрепление за агентами некой совокупности объективированных ресурсов (от юридических до моральных). Это означает, во-первых, что индивиды, принимающие формулу этнической идентичности, претендуют на определенную совокупность социальных благ. Во-вторых, в межэтнических отношениях социальное позиционирование ведет к привязке индивидов к некой системе диспозиций, выполняющих функцию воспроизводящей основы практики (габитусу). Важным третьим моментом можно считать, что этнические группы действуют и проявляют себя как практические, мобилизованные для совместных действий.

Иными словами, межэтнические отношения формируют запрос на солидаристские практики, при том что группа осознает общие интересы и обладает единством действия. Однако для этого требуется создавать ее путем постоянной целенаправленной работы, как через конструирование представлений о группе, так и через репрезентирующие ее институции. Таким образом, речь идет о том, что солидаристские практики как практики, реализующие идею общего блага, основываются на двух условиях: во-первых, на том, чтобы обеспечить равенство доступа к институциональным ресурсам, права группы быть презентированной в институциональном поле; во-вторых, чтобы создать механизмы социализации (внушения, заимствования) через конструирование представления и позитивного образа этнической группы.

Это напоминает о необходимости ревизии исторической памяти, о том, что ресурс исторической памяти может корректироваться, исправляться, что в схемы коллективного и индивидуального опыта вносятся коррективы, что ресурс исторической памяти поддерживается

¹⁵ Там же. С. 111.

соответствующими идеологемами, мифами и поэтому для повышения легитимации солидаристских практик требуется обращение к истории с нахождением позитива сотрудничества; о том, что в этнокультурных установках может долгое время сохраняться синдром исторического рецидива, что вне целенаправленной работы этнокультурные установки как процедура самолегитимации этнической группы могут сформировать устойчиво негативное отношение к межэтническому общению и сотрудничеству на основании мифа о врожденной враждебности или подавлении стремления этнической группы к суверенитету и равенству.

Важным в структурно-деятельностном подходе П. Бурдье является то, что предметом исследования становятся социальные институты, представленные группами давления, ассоциациями, обществами, партиями и социальными институтами. Изучение деятельности презентующих этническую группу институций дает возможность говорить о степени социального позиционирования группы, о том, какие объективированные ресурсы используются в процессе межэтнического взаимодействия. Следует подчеркнуть, что в этом контексте солидаристские практики могут трактоваться как практики, направленные на обеспечение равенства социальных благ, равенства доступа к институциональным ресурсам, на недопущение монополии на унифицированный подход к межэтническим отношениям.

Структурно-деятельностный подход, реализуемый в концепции П. Бурдье, требует принятия объективных параметров солидаристских практик как действия группы, мобилизованной для общих целей. В этом контексте солидаристские практики определяются двумя противоположными тенденциями: с одной стороны, серийными актами, наблюдаемыми на социальном микроуровне, с другой – объединением, осознанием того, что этнический статус недостаточен для реализации интересов индивидов, причастных к данной этнической группе. В этом смысле действует как логика присоединения, вынужденного или

имитационного подражания солидаристским практикам, так и логика выбора, определяющая ориентированность этнической группы на то, чтобы в процессе межэтнического взаимодействия возникало чувство коллективного «мы».

Характерно, что Бурдые обращает внимание и на то, что в межэтнических отношениях акторы могут быть представлены заместителями, активным меньшинством или институтом землячества, культурной автономии. Благодаря этому этническая группа узнает, что она существует и не находится в спящем состоянии, состоянии «для себя». Межэтнические отношения приобретают характер конкуренции представителей, заместителей, презентаторов этнических групп. Поэтому в национальной политике важно определить, каков потенциал заместителей, каким образом формируются интересы группы, какие собственные, автономные цели преследуют заместители, реализуя свои претензии на этническое представительство.

Важно, что, по Бурдые, межэтнические отношения могут расширяться за счет новых представителей, формирующихся в результате целенаправленной работы институтов или заместителей. Таким образом можно объяснить роль национальной интеллигенции в XIX веке по формированию нации (Чехия, Украина), в той же степени это относится и к политике государства: в Советском Союзе фактически были сформированы новые национальности из находящихся в локальном, спящем состоянии этносов (узбеки, таджики, туркмены, казахи).

Структурно-деятельностный подход исходит из того, что для обозначения влияния солидаристских практик в межэтническом отношении важно определить, какую направленность приобретают солидаристские практики, связаны ли с целенаправленной работой по созданию нового коллективного «мы» или определяются сознанием культурных различий как социальных, и в соответствии с этой формулой активно воспроизводятся позитивные этнические стереотипы. Важно, что

исследование акцентируется на том, что в системе межэтнических отношений референтными являются наиболее активные этнические группы, нацеленные на политическое и коллективное представительство, выступающие как практические группы. Поэтому необходимо проследить логику объективации этнических групп в институте, социальном корпусе или практической группе.

В этом контексте возникают три различных ситуации. Если представительство выражено слабо и группа находится в спящем состоянии, инициатива в межэтнических отношениях принадлежит институтам власти, осуществляющим монополию на регулирование этнических отношений и расширение возможности принятия процедур унификации. Если активность этнических групп является умеренной, а представительство связано с политикой соглашательства, присоединения, оппортунизма к доминирующим в обществе социокультурным установкам, можно говорить, что открываются институциональные возможности для позитивных солидаристских практик, ориентированных на баланс общих и особенных интересов, интересов общества и этнической группы. В этом смысле действует формула рационального представительства, использование методов легальной деятельности, правового оформления претензий группы и ее символизации в общественном пространстве. В ситуации агрессивного представительства межэтнические отношения испытывают влияние групп давления, борьбу за институциональные ресурсы. Характерно, что в межэтнических отношениях возникает конкуренция по поводу распределения ресурсов, что в этом контексте национальная политика либо должна провозгласить лозунг нейтрализации неумеренных претензий, либо идти на поводу, ситуативно реагируя на изменившуюся расстановку сил.

Солидаристские практики оказывают влияние на то, что может возникнуть консенсус в обществе по поводу противодействия этносепаратистским интересам, возникающим в силу неудовлетворенности

суверенистских или территориальных амбиций, так же, как и вектор солидаристских практик может быть направлен на переориентацию этнической агрессии в пользу умеренного курса, понимания того, что необходимо руководствоваться здравым смыслом, а не эмоциями и иллюзиями в межэтническом взаимодействии.

Можно сделать выводы, что, во-первых, структурно-деятельностный подход открывает возможности анализа и объяснения объективных параметров, связанных со структурными институциональными условиями субъективной реальности, определяемой этнокультурными (диспозиционными) установками группы на восприятие и изменение в межэтнических отношениях. В то же время, актуальным и обоснованным представляется включение исследовательского потенциала конструктивистского и институционального подходов, ориентированных на анализ и объяснение формирования статусных идентичностей и притязаний, связанных с этнической идентичностью, осознанием принадлежности, с этнической группой как социокультурной общностью.

Во-вторых, структурно-деятельностный подход становится основным в определении влияния солидаристских практик на состояние межэтнических отношений, степени их включенности в межэтнические отношения, поскольку связан с пониманием того, что практики продуцируются на уровне привязки к определенным (социального или этнического представительства) институтам, где индивиды участвуют в качестве агентов воспроизводства, действия, коммуникации ситуации, и в контексте привязки к определенным институтам, презентирующим группу, легитимируют представление общества об участнике межэтнического общения и самопредставления этих участников о себе через включение институциональных ресурсов на уровне представительства.

1.2 Солидаристские практики в межэтнических отношениях российского общества: теоретико-методологический конструкт

Отмечая, что структурно-деятельностный подход содержит адекватный потенциал социологического измерения солидаристских практик в развитии межэтнических отношений, следует говорить о том, что необходимо принимать социальный, культурный и исторический контексты, так как межэтнические отношения являются во многом результатом истории и культуры, что культурные различия в социологическом смысле определяются и привнесением, и влиянием, являясь переформатированными социальными различиями под воздействием диспозиционных установок, семантического поля, субъективной реальности, говоря языком конструктивизма. В связи с этим, трактовка состояния межэтнических отношений в российском обществе требует применения структурно-деятельностного подхода в качестве выявления единства, взаимообусловленности и разнонаправленности воздействия объективных и субъективных факторов.

В межэтнических отношениях в российском обществе заложен существенный примордиалистский момент. Имеется в виду, что сам тезис о многонациональности российского народа содержит указание на примордиализм, поскольку речь идет о коренных народах, привязанных к определенной территории, истории, культуре. Необходимо также отметить, что в рамках реализации целей исследования, теоретическая ситуация во многом складывается под влиянием примордиализма, что этничность является объективной реальностью¹⁶. Имеется в виду, что этнообразующее пространство есть сеть воронок, на стенках которых в зависимости от степени избирательности коммуникативных связей располагаются группы людей, неизменно построенные на различении «мы – они». Этнические отношения выступают как вертикальные,

¹⁶ Этнос и политика. Хрестоматия. М.: 2000. С. 30.

поддерживаемые соответствующими национальными ассоциациями. В этом смысле ассоциации выступают как этноориентированные, обладающие символическим капиталом.

Таким образом, характеризуя межэтнические отношения в российском обществе, следует говорить о логике саморасширенного воспроизводства, экспансии этноса и использование культуры как механизма групповой адаптации, заполнении и расширении этносом экологической и социальной ниши путем если не расширения этнической территории, то путем создания диаспоры¹⁷. Является ли данное положение квинтэссенцией опыта межэтнических отношений в российском обществе или претендует на универсальный смысл? Задаваясь этим вопросом, следует подчеркнуть, что межэтнические отношения в российском обществе определяются как инерционным фактором, примордиалистским пониманием этноса как нации, так и изменениями в социальной структуре российского общества, формированием новых базисных социальных институтов.

Осознавая, что на уровень этнических отношений влияют артикулируемые институтами этнического представительства территориальные, социальные, деловые интересы, можно отметить, что, во-первых, специфика межэтнических отношений в российском обществе определяется воздействием натуральных, природных факторов (территория, климат), то есть существованием собственного этнического пространства, привязанности этноса к территории, понимаемой как этническая родина. Как следствие, вторым фактором, не менее влияющим на развитие и состояние межэтнических отношений в российском обществе, можно считать политизацию этничности, ее вывод на уровень властного представительства.

Если бы речь шла об иной ситуации, о формуле гражданства в политической, экономической, культурной сферах, то, безусловно, можно

¹⁷ Там же. С. 32.

было бы заявлять о желаемой нормативной модели. Однако ситуация такова, что в межэтнических отношениях право на этнокультурное своеобразие выражается в рамках коллективных норм и говорить о ситуации, в которой может наблюдаться рост конструируемых этничностей, не приходится. В большей степени примордиалистская трактовка переносит упор на логику расширенного воспроизводства, а в качестве альтернативы – процесс мягкой или жесткой ассимиляции, способ адаптации к изменившимся условиям.

Влияние инерционного фактора заключается в том, что, несмотря на критику тезиса об официальном интернационализме советского периода, целью которого являлось формирование сначала идеологического, потом социального конструкта советского народа, и в этом смысле дружба и взаимопомощь народов трактовалась как поощряемые социальные практики, в современной России, пережившей период суверенизации, а также безвременья в системе гражданской социализации, проблематично заявлять о развитии процесса переконструирования этнических различий в культурные. В большей степени этнические различия выступают как социальные, так как связаны с тем, что в отсутствии горизонтальных связей между этносами как условия солидаристских практик, вертикальная интегрированность, политическое влияние этноса, занятие места в этнической иерархии влияют в большей степени, чем презентация этнокультурных установок. Поэтому ассоциации, претендующие на этническое представительство в форме культурно-символических притязаний, переходят к расширению этнических прав во властном и экономическом полях.

Такая ситуация содержит риск этнизации политики, конфликтного плюрализма интересов и требует вмешательства государственных (властных) структур. Поэтому, учитывая, что происходит переформатирование культурных различий в социальные, то есть процесс, имеющий смысл противоположный конструктивистской позиции, можно

говорить об ограниченности конструктивистского подхода в исследовании российской действительности, в анализе межэтнических отношений в российском обществе. Это подтверждается и позицией В.С. Малахова, который, исходя из логики конструктивизма, заявляет о том, что понимание этноса в натуралистических категориях приводит к этнической центрированности и создает условия для принятия анахроничных терминов как архетип¹⁸.

Между тем, конструктивистский посыл реализуется в том, чтобы, подвергая критике натурализацию этносов, ставить вопрос о социально-структурных факторах¹⁹. Однако в этой ситуации очевидны трудности с дефиницией этничности. Предлагая исходить из понимания нации в политико-правовом смысле, а этничности в культурно-историческом, предлагается отстаивать позиции либеральной демократии, сочетая защиту индивидуальных свобод и идеала всеобщего равенства. Проблематичность подхода выражается в том, что, предлагая учитывать социоструктурные факторы, их не связывают с реальной социальной стратификацией, с влиянием вертикально интегрированных связей, делающих этнический статус более значимым для индивида, чем социальная профессиональность.

В рамках реализуемого конструктивистского подхода акцент делается на негативных явлениях в межэтнических отношениях, так как в российском обществе примордиалистские акценты в межэтнических отношениях практически снижают возможность конструирования солидаристских практик на неэтнической основе. Имеется в виду, что вертикальная иерархия этничности, определяемая близостью или заслугами перед государством, вызывает стандарты подозрения в нелояльности, что социоструктурные обстоятельства в основном определяются позиционированием в поле власти. Так как социально-

¹⁸ Малахов В.С. Национализм как политический диалог. М.: КДУ, 2005. С. 222.

¹⁹ Там же. С. 223.

профессиональный статус не является достаточным для налаживания горизонтальных межэтнических связей, делается вывод, что межэтнические отношения можно регулировать преимущественно политическими методами. Остается в стороне вопрос о том, что через социальное позиционирование реализуются властные стратегии.

Если критически оценить исследование по мигрантофобии, ксенофобии и межэтнической неприязни в российском обществе, то их «сильным» аргументом является утверждение о воспроизводстве синдрома о конкуренции этноса за властные ресурсы. Это порождает, с одной стороны, стремление к суверенизации как приоритету межэтнических отношений, с другой – попытки вернуть межэтнические отношения в вариант унификации. Таким образом, конструктивистский подход, несмотря на внешнее признание социоструктурных факторов и обоснованные замечания в адрес культуры рейдерства, практически выявляет в качестве социоструктурных факторов только властные позиции.

Между тем, социальное позиционирование в российском обществе ориентировано на богатство, престиж и, в меньшей степени, власть. Также обоснованно утверждение о том, что россияне, ориентируясь на государство, не определяют свой властный капитал в категориях лояльности / нелояльности, близости / отдаленности от государства. Исходя из того, что в российском обществе культурные различия модифицируются в социальные, что социальное позиционирование определяется самолегитимацией этнической группы на основе наращивания символического капитала, конструирования новых мифологем и ревизией истории, следует подчеркнуть преимущества структурно-деятельностного подхода, представляющего этнические группы как практические социальные группы, включающие социальное позиционирование в рамках формирования социальной однородности.

Так как этнические группы неоднородны и на состояние внутри этнических групп действует социальная стратификация, для исследователя становится очевидно, что культурные различия играют своего рода роль громоотвода, отвлечения от реальных социальных противоречий, определяющихся процессами социальной стратификации группы, усиления социальной неоднородности этнических групп. В то же время в рамках контроля над этнической группой актуализируется тезис об этнокультурном своеобразии, особой этнической истории и судьбе. Следствием является то, что в межэтнических отношениях возникает ситуация соревнования по критерию сложности судьбы, стремление к достижению независимости, освобождению от подчинения государственному этносу.

Поэтому к основным объективным исследовательским критериям можно отнести степень социальной однородности / неоднородности группы, социальное поле, в котором группа реализует себя как этническая и относится как к собственному этническому пространству. Вторым существенным фактором и объективным показателем можно считать степень объективации социальных претензий этнической группы, стремление к привязке, присвоению институциональных ресурсов через расширение влияния на власть на уровне как непосредственного вхождения во власть, так и добровольных культурных ассоциаций. Практически это означает, что в межэтнических отношениях социальные различия предстают как культурные, как связанные с историей, с традицией.

В рамках реализации заявленной цели исследования важно определить, в каких формах наблюдается объективация межэтнических отношений, в какой степени предпочтение отдается представителям и заместителям или речь идет о стратегии индивидуализма. В этом смысле важно определить, какие социальные практики реализуются в межэтнических отношениях, какие группы наиболее подвержены

солидаристским и в какой степени в межэтнических отношениях воспроизводятся этноориентированные практики. Что же касается солидаристских практик, то структурно-деятельностный подход связывает их с логикой присоединения или использования институциональных ресурсов для «навязывания» своих позиций как позиций всеобщих интересов и всеобщего блага.

Другими словами, говоря о социальной референтности, о репутационном капитале в рамках межэтнического общения в российском обществе, мы наблюдаем ситуацию, в которой межэтническое общение не характеризуется претензиями на лидерство. Если понимать под этим отказ от советского наследия, мифа об эксплуатации и бремени русского народа, то для понимания состояния межэтнических отношений нужно учитывать добровольный характер солидаристских практик, то, что в рамках формулы равенства есть и аспект обязательств конкретного вклада в развитие страны и укрепление общества.

Имеется в виду, что солидаристские практики основываются на том, чтобы в зависимости от социального, культурно-образовательного, квалификационного потенциала реализовывалось право на соучастие, на совместные практики. Показательно также и то, что в солидаристских практиках не является приоритетным конкуренция по численности, политическому влиянию или историческим заслугам акторов. Речь идет о том, чтобы стремление к расширенному социальному воспроизводству, к самолегитимации этнической группы шло через включение в новые социально-профессиональные ниши, через освоение сложного семантического труда, через вклад в развитие интеллектуального и культурного капитала российского общества.

Так как на межэтнические отношения оказывает влияние социально-территориальная стратификация российского общества, интересно представить позицию Н.Я. Зубаревич, согласно которой Россия состоит из трех российских: россии больших городов, россии провинции и россии

национально-территориальных образований, которые квалифицируются как регионы с архаичной экономикой, традиционной культурой и авторитарной властью. Эта позиция проблематична с точки зрения формирования межэтнических отношений, так как задается определенный дискурс дискриминации, задаются недискурсивные практики снисходительности. Претензии на культурную специфику ведут к определенной социальной стагнации, к тому, что если лидером объявляется россия больших городов, то российская провинция и национально-территориальные образования выступают в качестве адресатов помощи, обречены на догоняющее развитие.

В том, что структурно-деятельностный подход определяет как социальное поле, есть определенная исследовательская значимость, так как для российского общества важна территориальная и профессиональная спецификация групп. Так как большинство населения России сосредоточено во «второй» и «третьей» России, важным представляется характеризовать степень вовлечения этнических групп в социальные практики на основе имеющегося социально-профессионального потенциала, дифференцировать этнические группы по занятию традиционными, индустриальными или инновационными профессиями.

Также важно отметить, что для понимания социального позиционирования важный исследовательский акцент приобретает привязка к институциональным ресурсам: армии, правопорядку, бизнесу, культуре, образованию. При этом важно учитывать, какие ресурсы используются для воспроизводства этноса как субъекта межэтнического общения, работы какими институциями ведутся по закреплению этнического пространства. Дело в том, что в российском обществе этническое пространство отождествляется с определенной территорией, отсутствует эффект надтерриториальности, населению России в целом присуща низкая территориальная мобильность. Исключение составляют только мегаполисы, где действуют противоположные процессы: с одной

стороны, образование этнических землячеств, этнических анклавов; с другой – возрастает этническая гетерогенность, включение в социально-профессиональные группы с определением этничности как приватного пространства.

В целом можно говорить о том, что социально-профессиональные связи в российском обществе выступают более слабыми, чем механизмы этнической интеграции. Солидаристские практики в этом контексте предстают как практики, снижающие влияние этнических барьеров и формирующие иерархии и новые структуры, связанные с социальной и профессиональной активностью. Поэтому важным является нахождение точек роста солидаристских практик в системе межэтнических отношений. Правда, учитывая то, что не наблюдается конкуренции за участие в совместных практиках, требуется подходить с иных позиций, вывести индикаторы низовой активности, совместные практики на уровне низовой инициативы, участие в социально полезных делах.

Между тем, на социальное позиционирование влияет уровень самопрезентации этнической группы, который фокусируется в основном в сфере политического представительства, определяется включенностью во властную иерархию. Учитывая этот момент, можно говорить о том, что необходимо выявить механизмы конвертации властного капитала в социальный. Так как социально-профессиональный капитал и поле профессиональной деятельности не оцениваются в качестве стартового условия совместных практик на социальном макроуровне, следует подчеркнуть, что важным является критерий частоты и векторности во взаимодействии с властными институтами, что мы можем назвать особенностью солидаристских практик в российском обществе, требующих взаимодействия и поддержки со стороны государства.

Общественные ассоциации как институты в основном нацелены на этноориентированные практики, на накопление символического капитала, на занятие властных полномочий и повышение конкурентности

этнических групп во властном пространстве. Учитывая это обстоятельство, можно говорить о том, что для реализации целей исследования важным представляется описание социального позиционирования в рамках статуса акторов межэтнических отношений: как следствие – готовность к совместным практикам как альтернативе этноориентированным, этноцентрированным позициям.

Рассматривая субъективные параметры солидаристских практик в межэтнических отношениях российского общества, следует отметить, что в контексте происходящих разнонаправленных процессов этнизации и формирования гражданской идентичности возникают диспропорции, связанные с тем, что, с одной стороны, этноэлиты пытаются в той или иной степени осуществлять политику суверенизации, создания квазигосударственности в рамках РФ и реализации через формулы титульной нации своих суверенных претензий; с другой стороны – прослеживается логика формирования общегражданской идентичности, перехода от государственной к гражданско-правовой сопринадлежности к российскому обществу.

Это важный момент, поскольку речь идет о расширении стартовых условий солидаристских практик, ориентированных на то, чтобы закрепить общегражданскую солидарность в российском обществе. Отмечая, что российское общество социально поляризовано, что возникло понятие параллельных социальных миров со своими институтами, образом жизни, поведенческими стратегиями, мы не должны как переоценивать, как и недооценивать значение этого факта. Речь идет о том, что в нынешних условиях важным становится переформатирование языка межэтнического взаимодействия, выход на первый план не конфликтологического тезауруса, а смыслов совместного проживания.

При том, что в российском обществе на межэтнические отношения оказывает негативное влияние историческая память, что в 90-е годы XX века усилиями представителей этнических интеллектуалов была

переписана, ревизована российская история, в той или иной степени в массовом сознании воспроизводятся стереотипы колонизации и унижения, в российском обществе эта проблема не выходит в публичный дискурс на основе притязаний на национальный суверенитет. В то же время уместно отметить, что сформировавшиеся этнические установки несут определенный заряд исторического негатива, реабилитируют и конструируют исторические обиды в виде национальной традиции.

Также следует говорить и о том, что позитивным смыслом солидаристских практик предстает необходимость реконструкции исторической памяти, актуализации того, что объединяет, а не разъединяет российские народы. В этом контексте солидаристские практики включают разнообразный спектр деятельности, в целом направленный на то, чтобы культурные различия способствовали не усилению социальных диспропорций, а снижали их влияние на состояние межэтнических отношений. Имеется в виду, что в рамках дискурсивных практик прослеживается только тенденция, связанная с политическим аспектом межэтнических отношений, в то время как межэтнические отношения как особый вид социальных отношений в российском обществе характеризуются фокусированностью на социальных различиях, на том, что можно назвать доступом к социальным благам.

Так как государство является центром социальной жизни, что вне государства, как отмечал в свое время В.А. Ядов²⁰, общество рушится, необходимо отметить, что для понимания субъективных условий можно сказать о существенном ограничении сепаратистских тенденций. Какие бы претензии, какие бы критические стрелы не выпускались по отношению к государству, не подвергается сомнению тот факт, что вне российской государственности, вне общего социального и политического пространства при всех обидах и трениях не существует формулы этнического

²⁰ Ядов В.А. А все же умом Россию понять можно // Россия трансформирующееся общество. М., 2001. С. 16.

сепаратизма, уверенности в том, что можно самостоятельно развиваться в современном глобализируемом мире.

Учитывая тот факт, что этноэлиты, высказывая политические амбиции, в то же время осознают предел своих претензий не могут взять на себя ответственность за развитие собственной государственности вне рамок российского государства, ресурс исторической памяти в большей степени используется для того, чтобы сохранить определенную самостоятельность, суверенность по отношению к федеральному центру, разыгрывая историческую карту.

Принимая во внимание этот момент, для исследования и выявления субъективных параметров в межэтнических отношениях, отношениях в рамках влияния солидаристских практик, следует выявить такие критерии, как структура этнокультурных установок, их направленность, соотношение актуального и исторического компонентов, степень актуализации ресурса исторической памяти и обращение к культуре, включение этнокультурных установок в процесс формирования и расстановку сил в этническом пространстве. Можно говорить о том, что в российском обществе межэтнические отношения, испытывая влияние примордиализма, ориентированы на то, чтобы повысить статус этнической группы на уровне коренной (претензии на территорию, ресурсы, права и свободы).

Такая позиция содержит высокий риск и конфликтогенный потенциал и связана с сегментацией политико-правового пространства. Можно говорить о том, что субъективная реальность, сфера этнокультурных установок ориентированы на конвертацию в социальные позиции, на занятие этнической группой более высокого положения в сложившейся этнической иерархии и расширении каналов восходящей социальной мобильности в рамках общероссийского социального пространства. Как следствие, этнизация, внесение этничности в

социальные позиции становится фактором, осложняющим формирование солидаристских практик на уровне гражданских добродетелей и качеств.

Речь идет о том, что в нынешней ситуации опривычены схемы давления, схемы этнического дистанцирования, а институты презентации выступают как группы давления, претензий на исключительный этнический статус. В этом смысле солидаристские практики становятся инструментом, направленным на преодоление барьеров этнического обособления и этнического дистанцирования. Поэтому в рамках реализации заявленной цели исследования становится логичным выявление факторов, способствующих социальной консолидации и препятствующих ей.

Исходя из вышеотмеченного фактора исторической памяти, можно сказать, что актуалистское сознание, направленное на выработку формулы конструирования новой социальной реальности, в качестве условия предполагает формирование массового проективного сознания и уверенности в будущем, в том, что необходим переход от адаптационных стратегий к поведенческим моделям опережающего действия, к тому, чтобы на социальном макроуровне реализовались проекты, затрагивающие интересы всех россиян, чтобы локальные социальные проекты могли быть приняты в качестве модальных для остальных российских регионов, имели значение не только в рамках определенной этнической или локальной общности, а содержали возможности социальной инклюзии.

В рамках структурно-деятельностного подхода, реализуемого М.К. Горшковым, Ю.Г. Волковым, выясняется, что солидаристские практики в российском обществе воздействуют на состояние межэтнических отношений в рамках процесса социальной консолидации, где проявляется негативное влияние избыточных социальных неравенств, но при этом поведенческие стратегии, связанные с эффектом социальной полезности на социальном микроуровне, создают условия для преодоления чувства

социальной ущемленности и пассивности, формируя группы взаимопомощи.

Разумеется, движения социальной инициативы в основном развиваются в больших городах, где действуют сетевые контакты. На состояние межэтнических отношений это оказывает влияние в том смысле, что чем выше уровень пользователей интернета, включенности в социальные сети, тем больше возрастает и уровень включенности в солидаристские практики. Однако, учитывая присутствие в интернет-пространстве различных групп и производителей социальной информации, следует учитывать и риски распространения радикальных взглядов. К сожалению, наблюдается специализация по этническим и конфессиональным признакам: возникновение православных, мусульманских, буддистских сайтов.

Это имеет позитивное значение в том смысле, что удовлетворяются этнокультурные традиции, осуществляется общение в рамках сложившихся регламентаций, норм и представлений, и в то же время возникает и может усиливаться эффект межэтнического отчуждения. Так, в частности, сайты знакомств по конфессиональному признаку ведут к упрочиванию формулы желательности брака или контактов с представителями своих национальностей или единоверцами. Учитывая это обстоятельство, можно говорить о том, что для реализации исследовательских задач следует рассматривать и возможные позитивные последствия, и риски происходящих перемен в системе межэтнических отношений и интеграции в эти структуры солидаристских практик.

Согласно позиции сторонников структурно-деятельностного подхода, диспозиционные установки, воспринимаемые как опривыченные схемы действия, срабатывают в ситуации социальной стабильности и испытывают эрозию и кризис в рамках возникновения новых неординарных ситуаций. Для того, чтобы структурно-деятельностный подход реализовался полностью, необходимо определить специфические

характеристики в каждом конкретном поле деятельности, нужно ясно понимать, что межэтнические отношения, хотя и являются историческими продуктами, тем не менее изменчивы и могут в большей или меньшей степени меняться с течением истории²¹.

Рассматривая солидаристские практики как действие практических социальных групп, групп, которые действуют по формуле «делать для себя», нужно показать, каким образом обладание различными видами социального права переводятся в сферу межэтнических отношений, что можно квалифицировать как распределение владения и доступа к благам и услугам. Если этноориентированные практики порождают стремление к обладанию благами, которые считаются дефицитными, то есть недоступными для других, солидаристские практики направлены на равное распределение средств и шансов их удовлетворения.

Говоря об этом, следует подчеркнуть, что в российском обществе солидаристские практики находятся на предварительном этапе по пути к институционализации, они связаны не с институтами презентации, а с интересами этнических групп. Деятельность ОНФ, связанная с осуществлением и контролем над реализацией социальных проектов в сфере образования, здравоохранения, профессиональной подготовки, развития социальной инфраструктуры, а также привлечение к участию граждан в социальном и правовом контроле свидетельствует о том, что фактором, осложняющим деятельность, является не только эффект бюрократического сопротивления, но и намерения присвоения функции исключительного представительства интересов населения или этнических групп.

Показательно, что солидаристские практики нуждаются в зонтичной, координирующей структуре, что существующие институты общественной палаты наладили позитивное сотрудничество с органами и структурами

²¹ *Бурдые П.* Социология политики. Пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко / М.: Socio-Logos, 1993. С. 87.

представительной и законодательной властей, поэтому для исследования важно выявить, в какой степени солидаристские практики связаны с институтами, представляющими интересы этнических групп. Можно также говорить о том, что необходим определенный путь для того, чтобы доказать, что социальная сплоченность оказывает больший позитивный эффект, чем этническая, что людей может определять общая преданность универсальному набору верований и ценностей. Это требует определенного уровня культурного взаимопонимания и наличия общепринятых средств коммуникации²².

При этом следует согласиться с тем, что межэтнические отношения в российском обществе требуют придания русскому языку реального статуса межнационального общения, то есть создания общего семантического поля. Вопрос состоит не в том, чтобы изолировать или подавить культурные импульсы идентификации по этническим или конфессиональным признакам. Однако следует понимать, что культура как интегрирующая сила, если рассматривать конкретные механизмы ее объективизации, наследования или распространения, зависит от степени социальной однородности общества.

В этом смысле, критически относясь к политике навязывания ценностей, можно говорить о том, что солидаристские практики содержат заряд самолегитимации участников межэтнического взаимодействия. Поэтому субъективные параметры исследования должны рассматривать то, каким образом формируется язык межэтнического взаимодействия, какой вклад вносят СМИ и образование. Иными словами, необходимо развивать позитивное самовосприятие и восприятие других групп. Не удивительно поэтому, что структурно-деятельностный подход исходит из того, каким образом формируется готовность к совместным практикам в российском обществе. Разумеется, эта готовность дифференцируется в

²² Этнос и политика. Хрестоматия. М.: 2000. С. 95.

соотнесении с фоновыми социальными условиями, с традициями политической культуры, культуры социального общения.

Ясно, что формула толерантности, которая применима как культурный стандарт, не может насаждаться в российском обществе. Учитывая существование титульных народов, что несет, безусловно, примордиалистский момент, нужно говорить о том, что практики толерантности в основном использовались как инструменты погашения конфликтов в связи с изменением этнического состава обществ через миграционные потоки. Речь идет о культурализации общественных отношений. Поэтому, учитывая эту ситуацию, необходимо в реализации целей исследования сделать акцент на выявлении влияния факторов этничности как культурных факторов на солидаристские практики. Дело в том, что солидаристские практики нагружены социальными смыслами и значениями и поэтому для определения влияния солидаристских практик надо измерить, в какой степени их реализация позволяет определить последствия на снятие искажающих этнические отношения семантических значений.

Нельзя рассматривать солидаристские практики как символическую компенсацию социально уязвленным группам или как политику признания их прав. Важно отметить, что в условиях, когда структурная дискриминация связана не с этническим, а социальным статусом, и неинтегрированность индивида определяется неравными стартовыми условиями и неблагоприятными обстоятельствами жизненной карьеры, солидаристские практики ориентированы на актуализацию жизненного потенциала человека, его возможностей и способностей, что особенно ясно из необходимости привлечения к солидаристским практикам бедных слоев населения.

В российском обществе солидаристские практики осуществляются представителями среднего класса и, учитывая сложность социально-экономической ситуации, если не найти способы вовлечения других слоев

населения в солидаристские практики, можно получить ситуацию сужения социальной базы. Перенос социальных проблем из культурной области в социальную, само понимание бедности как феномена, возникающего в силу наличия культуры патернализма и подчинения, не является удобным для надежд на развитие социальной солидарности. Де факто, реально общество создает стигматизированный образ бедности, где отсутствие необходимых социальных благ, даже первичных, выдается за следствие социальной пассивности, привычки надеяться на власть. Поэтому в контексте выявления субъективных параметров готовности к солидаристским практикам акторов межэтнических отношений следует обратить внимание на то, что парадигмой публичных дискуссий в России были и остаются межнациональные отношения²³.

Действительно, соглашаясь с автором этого высказывания, можно сказать, что разные социальные напряжения и противоречия, от бытовых конфликтов до криминальных разборок, в рамках этничности являются следствием нежелания рассматривать реальные группы интересов и реальные организации. В этом смысле структурно-деятельностный подход требует определять акторов межэтнических отношений как состоящих из групп с различной подготовкой к социальному участию с присущими данным группам социальными конфликтами и социальными ожиданиями. В данной ситуации объяснительная схема состоит в следующем: необходимо определить степень интегрированности или неинтегрированности в солидаристские практики конкретной группы и то, как она определяет свое отношение к совместным действиям с представителями других этносов.

Вероятно, что понимание и анализ солидаристских практик в контексте выявления способностей акторов межэтнического процесса участвовать в совместных начинаниях является инструментарием, который

²³ Деминцева Е. Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 136.

может быть приложим к солидаристским практикам в российском обществе. Чтобы избежать оценочного или конвенционального характера соглашений, необходимо отказаться от выведения социальных параметров из этнокультурных особенностей. Подтверждением тому служит тот факт, что в советский период, несмотря на дискурс официального интернационализма, наблюдались этнические конфликты, связанные с тем, что этнические проблемы представлялись как обоснованные с точки зрения прав этносов на социальную справедливость, на социальное и правовое равенство.

Сложность теоретической ситуации заключается в том, что гражданское общество, которое могло бы стать пространством солидаристских практик, в России связано с противопоставлением государству, с подчеркиванием роли свободного индивидуального выбора²⁴. Как следствие, роль гражданских ассоциаций берут на себя институты этнопредставительства, которые проводят разнообразную целенаправленную работу по конструированию национальных мифологем и исторических схем. Поэтому так важно в рамках реализуемого исследования выявить то, каким образом солидаристские практики взаимодействуют с государством на уровне добровольного соглашения, как общество автономных индивидов, но тем не менее предполагающих отношения с государством.

Речь не идет о конвенциональной установке, а о встраивании в социальные изменения российского общества. Если для периода официального интернационализма было характерно, как писал Т. Мартин, практическая политика, связанная с огосударствлением русского языка и культуры и отказом русских от проявления национальной идентичности²⁵,

²⁴ *Кирдина С.Г.* Гражданское общество: уход от идеологемы. // Новые идеи в социологии. М., 2013. С. 100–101.

²⁵ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 624.

то вспыхнувшие в постперестроечный период конфликты были во многом провозглашены как процесс деруссификации. Здесь важно понять, какие риски несет в себе культурация социальных отношений, определение социальных институтов в рамках представительства интересов групп, где достаточно высок риск реализации латентных, скрытых функций. Этнизация социальных отношений практически ведет к тому, что реальное взаимодействие в этнических отношениях переносится в сферу политической жизни, где возможны конфликты по поводу близости и присвоения властных институтов или использования механизмов институциональных ресурсов для этнического лоббирования.

В таком методологическом ключе структурно-деятельностный подход исходит из того, что межэтнические отношения в российском обществе основаны на коллективных представлениях, что в социальной жизни формируются серийные группы, которые, несмотря на риск распада, претендуют на то, чтобы достичь социальной однородности и состояния мобилизованности, актуализации для себя. В этом смысле солидаристские практики сталкиваются с традицией присвоения, монополии на осуществление функций мобилизации обществом институтов этнического представительства, которые в рамках отношений с государством пытаются завоевать зону приоритета или фактически представить себя как гражданское общество.

В этом смысле важным представляется исследовать логику перерастания институтов этнического представительства в социальные ассоциации. Необходимо и то, чтобы практики, реализуемые в контексте этнического представительства, соотносились с социальным солидаризмом, чтобы локальная деятельность стала восприниматься как этноориентированная, так как этноориентированные практики часто не воспринимаются как локализованные действия, оказывающие влияние на политическую стабильность. Однако вместе с тем этническое напряжение как состояние межэтнических отношений определяется тенденцией

расползания локальных конфликтов. Понятно, какими последствиями это обернется для россиян, не случайно обеспокоенных проблемой межэтнических отношений наряду с возникшими социальными проблемами. Представление о межэтнических отношениях как о социальных требует сделать шаг «от альфы до омеги», то есть выявить культурные и социальные различия, порождающие напряженность в межэтническом взаимодействии.

Можно констатировать, что для структурно-деятельностного подхода важна критическая рефлексия этнокультурных установок, перевод на язык социального взаимодействия, выяснение того, какая социокультурная группа задает референтность в формировании семантического поля этноса. Таким образом, следует говорить о том, что теоретико-методологический конструкт исследования включает как выявление объективных параметров, связанных с социальным позиционированием этносов, с уровнем присвоения институциональных ресурсов и степенью социальной мобилизованности, так и субъективных факторов, связанных с формированием этнической идентичности, переходом от спящего к активному состоянию.

Важным моментом является определение соотношения с социальными стратегиями и этнокультурными установками, выявление того, каким образом этнокультурные установки в качестве диспозиций влияют на жизненные стратегии, что делает возможным или невозможным реализацию солидаристских практик, включающих использование этнокультурного компонента как языка кооперации.

В целом можно говорить о том, что солидаристские практики в российском обществе, хотя и не являются доминирующим сегментом общественной активности, но им принадлежит значительное влияние в переходе к модели нового российского коллективизма, к формированию общегражданской идентичности. В связи с этим важно подчеркнуть, что солидаристские практики расширяют инновационную среду современного

российского общества и, следовательно, актуализируют на индивидуальном уровне проблему творческого самовыражения, которая может приходиться в противоречие с навязываемой институтами этнического представительства приверженностью исключительно традиции, изобретаемому коллективному²⁶.

В рамках реализуемого диссертационного исследования целесообразно выявить ключевые моменты влияния солидаристских практик на состояние межэтнических отношений в российском обществе. Во-первых, речь идет о том, как объективация институтов этнического представительства, связанная с присвоением определенных институциональных ресурсов, влияет на социоструктурные изменения, на принятие или отклонение солидаристских практик в контексте межэтнических отношений. Во-вторых, определить, каким образом и в какой степени этническая группа может стать группой социального действия, практической социальной группой. В-третьих, определить характер этнической мобилизации, способности перехода к солидаристским практикам или противостояние им. В-четвертых, выявить то, каким образом солидаристские практики, направленные на достижение общего интереса, создают новые субъективные смыслы, утверждаются в качестве стереотипов социального общения и взаимодействуют или замещают институты этнического представительства.

Можно сделать выводы, что в этом контексте важным представляется, во-первых, чтобы теоретико-методологический конструкт выявил основные узловые моменты влияния солидаристских практик на систему межэтнических отношений. Следует подчеркнуть, что, во-вторых, межэтнические отношения в российском обществе сконцентрированы в сфере политики, что практически государство, являясь ведущим актором национальной политики, сталкивается с влиянием групп этнического

²⁶ Новые идеи в социологии: монография / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 119.

давления, можно говорить о наборе модальностей, на которые распадается целостность этнических отношений. В-третьих, исходя из того, что солидаристские практики испытывают влияние прежде всего традиции российской государственности, новые социокультурные качества, формируемые в рамках солидаристских практик, могут быть прослежены в рамках формирования в массовых настроениях солидаристских предпочтений и нельзя не признать, что с этим связывается формирование ориентаций и социального поведения, результирующего разнонаправленные тенденции межэтнических отношений. Таким образом, целесообразным представляется реализация теоретико-методологического конструкта исследования, который включает понятие межэтнических отношений как отношений между социокультурными общностями, ориентированными на артикулирование статусных позиций и социальных притязаний на основе культурных различий, различий в системе ценностей, норм, образа жизни. Формируя данное понятие как ключевое, операционализируются категории этноориентированных и солидаристских практик, действующих альтернативно в социальном пространстве. Это проявляется в том, что этноориентированные практики связываются с мобилизацией этнической общности для социального позиционирования и легитимации социальных притязаний на основе этнической идентичности и этнической солидарности. Солидаристские практики нацелены на принятие формулы социального участия в рамках интеграции на социальном макроуровне. Из данного положения следует, что основными критериями реализуемого исследования являются, во-первых, влияние этнокультурных различий на формирование социально-статусных позиций на коллективном уровне, характер закрепления за этносами (этническими группами) совокупности институциональных ресурсов (властных, экономических, социальных, символических). В контексте определения данных критериев, исследовательские процедуры связаны с эмпирической идентификацией солидаристских практик, содержащих коридор

возможностей для реализации социальных притязаний через взаимодействие в сфере межэтнических отношений на условиях формулирования общих целей и общих интересов. Критериями исследования выступают степень включенности солидаристских практик в межэтнические отношения, векторность их влияния на определение границ участия этнических групп через усиление социальной мобильности, способствующей ослаблению этнических границ. В рамках исследования, определяется классификация солидаристских практик по критерию воздействия на правовую и социальную сферы жизнедеятельности российского общества. Аккумулирующее значение придается критерию гражданской идентичности, как состояния межэтнических отношений в режиме диалога властных институтов, гражданских ассоциаций в целях преодоления синдромов этнократии и этносепаратизма, и доминирования в государственной национальной политике межэтнического согласия, содержащей перспективы становления российской (гражданской) нации.

Резюмируя, сделаем следующие выводы:

Во-первых, сложившиеся социологические подходы к анализу межэтнических отношений определяются пониманием особого характера этих отношений, который выражается в том, что межэтнические отношения как отношения, связанные с этнической идентичностью, самоопределением в рамках этноса, модифицируются на уровне социальных взаимодействий в рамках либо врожденности этнических параметров (примордиализм), либо конструирования в схемах типизации. Структурно-деятельностный подход содержит установку на преодоление объективированности этнических позиций и интерпретации в рамках исключительно субъективных смыслов, что позволяет говорить о том, что по сравнению с примордиалистским и конструктивистским подходами содержится объяснительный потенциал на основе конструкта

межэтнических отношений в рамках действия социальных субъектов, включающих солидаристские практики. Анализируя аналитический, объяснительный, прогностический потенциалы легитимированных в исследовании межэтнических отношений подходов, можно констатировать, что конструктивистский и институциональный подходы ориентированы на описание и квалификацию межэтнических отношений, связанных с динамикой этнического самосознания и инструментализмом, борьбой конкуренции этносов в освоении и обладании институциональными ресурсами, что имеет преимущественно аналитическое содержание, в то время как целесообразно реализовать структурно-деятельностный подход для избежания методологических сложностей в определении этноориентированных и солидаристских практик, а также рассмотрения сферы межэтнических отношений как основанных на достиженческих статусных позициях, подвергающихся влиянию процессов социальной мобилизации и социальной стратификации.

Во-вторых, исследование состояния межэтнических отношений в российском обществе дает основание полагать, что на межэтнические отношения влияют факторы примордиализма, а именно: закреплённость за этносом территориального статуса и воспроизводство этнокультурных различий, встроенных в иерархию этнокультурной самобытности. С другой стороны, в российском обществе в рамках социоструктурной стратификации этносы, как социокультурные общности, характеризуются социальной неоднородностью и воспринимаются как обладающие идентичностью, но не представляющие социальную сплочённость, консолидированные группы. В этом контексте солидаристские практики, ориентированные на актуализацию потенциала межэтнического согласия на основе усиления восходящей социальной мобильности через определение социально-профессиональной и гражданской идентичностей, актуализируют в качестве многокритериальной системы такие индикаторы

в сфере межэтнических отношений, как структурные и институциональные условия включенности солидаристских практик в межэтнические отношения, степень и направленность влияния на уровень этнического отчуждения и готовности к межэтническому сотрудничеству, а также идентификации с носителями солидаристских практик, путем вовлечения в «политику» социально полезных дел.

ГЛАВА 2. СОЛИДАРИСТСКИЕ ПРАКТИКИ: СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОМПОЗИЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Говоря о влиянии солидаристских практик на систему межэтнических отношений, можно предположить, что движение к становлению новой гражданской нации сопряжено в российском обществе с учетом таких факторов, как традиция государственности, примордиализм в конструировании титульных наций, активная роль институтов этнического представительства, что влияет на социальное поле и определяет многомерную систему координат и социальные диспозиции как систему векторных перемещений.

Отмечая, что для анализа стартовых условий солидаристских практик как влияющих на систему межэтнических отношений необходимо делать акцент на новые формы социальной дифференциации, интеграции, социального расслоения, влияния формальных и неформальных институтов, следует говорить о том, что российское общество осознает последствия радикальных реформ, как и порожденные им значительные социально-экономические издержки, повлекшие высокий уровень социально-экономического неравенства и дисфункциональность базовых социальных институтов.

Важным исследовательским моментом является определение логики социального позиционирования в системе межэтнических отношений, что связано с влиянием социальной стратификации на перспективы солидаристских практик как образцов смягчения, мягкой интеграции. Также актуальным можно считать то, что в российском обществе сложившаяся институциональная композиция, иерархия социальных институтов выводит в приоритет институты безопасности и порядка, что характеризует теневое положение институтов этнического

представительства, тем не менее, создающих неординарные ситуации в пространстве межэтнических отношений.

Важно, таким образом, определить структурные и институциональные параметры воздействия солидаристских практик на систему межэтнических отношений.

2.1 Структурные условия влияния солидаристских практик на пространство межэтнических отношений

Определяя межэтнические отношения как особый вид социальных отношений, воспроизводящих этнос, этническую группу как социальную целостность, следует обратить внимание на тот факт, что в рамках культурации социальных отношений снижается внимание и в стороне от исследования могут остаться процессы социальной стратификации. Между тем, в российском обществе выстроилась четкая иерархия того, каким образом проявляются неравенства. И основным является то, что 82 % россиян признают неравенство в доходах. В степени убывания говорится о неравенстве в доступе к медицинской помощи (59 %), неравенства в доступе к хорошим рабочим местам (48 %), неравенство жилищных условий (61 %), неравенство возможностей для детей из разных слоев общества (31 %)²⁷.

Данные позиции выявляют тенденцию восприятия сложившейся структуры российского общества как страдающей избыточными социальными неравенствами. Иными словами, речь идет о различиях в социальной ресурсности. Это влияет на уровень межэтнических отношений, когда введение в публичный дискурс таких проблем вызывает конкуренцию в доступе к распределению социальных благ. Одной из

²⁷ Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 2. / Горшков М.К. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. С. 117.

причин межэтнической конфликтности является складывающееся под воздействием СМИ впечатление, что есть богатые и бедные республики, что федеральный центр в неодинаковой степени уделяет внимание социально-экономическому развитию национально-территориальных образований. Это создает фон напряженности в необоснованной оценке состояния межэтнических отношений и целей национальной политики.

Но это явление лежит на поверхности. Более существенным показателем можно считать то, что в российском обществе, где насчитывается до 20 % бедных, также как и до 20 % представителей среднего класса, где существует разрыв между бедными и богатыми, где причинами бедности наряду с таким социальным фактом, как длительная безработица, (41 %) объявляется алкоголизм, наркомания (39 %) и недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению (32 %), – объяснения бедности могут принять диффамационный характер и направленность, когда наличие бедности объясняется высоким уровнем алкоголизма, наркомании или неприспособленности к жизни, нестабильности семейных отношений (31 %), что приводит к упрочиванию негативных этнических стереотипов, которые могут повышать социальное самочувствие определенного этноса за счет насаждения стереотипов чужих.

В этом контексте важно выявить роль солидаристских практик в устранении культурных барьеров, нейтрализации социальных барьеров, которые обосновываются этническими стереотипами. Можно констатировать, что нынешняя ситуация с социальным неравенством связывается, и это отмечает М.К. Горшков, с общеэкономической ситуацией в стране, а также с личными качествами самого человека или с государственной социальной политикой. Таким образом, существует определенный разрыв между логикой понимания, восприятия социальных неравенств как основного параметра структурных изменений и тем, что эти изменения трактуются как факторы микро- или мезоуровня, исключая

сферу межэтнических отношений, которая и может продуцировать деформирующее влияние.

Поэтому так важно в рамках реализации заявленной цели исследования говорить о том, какая группа населения в состоянии реализовать солидаристские практики, ориентированные на принятие гражданских добродетелей как альтернативы негативным этническим стереотипам. Характерно, что в основном на такую роль может претендовать российский средний класс, чья самооценка положения и статуса в обществе как хорошего превосходит в 2,5 раза показатель остального населения (51 % : 20 %) ²⁸.

Однако ситуация не так проста, как это кажется. Дело в том, что российский средний класс еще не сформировался как класс гражданских добродетелей, выделяемый не только по уровню доходов, но уровню политической и правовой культуры, позитивного воздействия на социальное общение, создание общественных ассоциаций. Поэтому можно говорить об ограниченном влиянии среднего класса, в то время как отмечалось: у бедных слоев населения наблюдается тенденция к социальной самоизоляции. В этом контексте социальное позиционирование через язык этничности имеет последствием стремление ориентироваться на собственный этнос как гарант благополучия, как пространство коллективной поддержки или патерналистской опеки со стороны этнических элит.

В связи с этим обстоятельством можно говорить о том, что важным для реализации солидаристских практик является не только улучшение социально-экономической ситуации, но и формирование инновационной творческой социальной среды, когда возможен реальный диалог представителей различных культур. В нынешних условиях срабатывает традиция проведения декад дружбы, поскольку официальный дискурс нельзя считать проигрывающим по эффективности формированию сетей

²⁸ Там же. С. 66.

социального и профессионального общения, созданию творческих форумов интеллигенции, молодежи.

Другими словами, для россиян очевидна иерархия приоритетов, в которых могут найти применение солидаристские практики, волнующие всех россиян: сфера здоровья, образования, борьбы с бедностью, здравоохранение, наука, социальная инфраструктура. Говоря об этом, следует подчеркнуть, что социальное позиционирование связано, если быть приверженным нормативной модели, с формированием среднего класса. Но, как отмечалось, есть определенные ограничения, связанные с его спецификой, с тем, что до сих пор в российском обществе средний класс воспринимается по доходам. Учитывая высокую степень дифференциации, можно говорить о том, что повышенная социальная самооценка и позитивное социальное самочувствие формируются под влиянием не столько социально-экономической ситуации, сколько оценки жизненных шансов.

Несмотря на то, что 69 % россиян считают, что произошли значительные и некоторые перемены к худшему²⁹, в обществе накопился в благополучный период достаточный ресурс прочности, чтобы перемены к худшему воспринимались не так обостренно. Если рассматривать перспективы солидаристских практик как долговременные, то очень важно, чтобы в общественной жизни доминировало спокойствие, уравновешенность, присущие 44 % россиян³⁰.

Неким несоответствием между оценкой перемен в стране и сохранением позитивного самочувствия можно объяснить и определенный подъем патриотизма, и осознание трудностей, связанных с введением санкционного режима, и то, что представляется вступлением в новый ресурсный цикл, от которого зависит состояние российской экономики.

²⁹ Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 2. / Горшков М.К. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. С. 16.

³⁰ Там же. С. 21.

Есть и причина структурного характера, которая связана с тем, что россияне, ориентированные на сохранение стабильности в стране, демонстрируют спокойствие для того, чтобы не стимулировать рост проблем и прежде всего в сфере межнациональных отношений, где социальное самочувствие определяется коллективными представлениями о жизни этнической группы, о том, в какой степени реализуется ее коллективный выбор.

Разумеется, солидаристские практики в этом отношении испытывают давление со стороны этноориентированных амбиций. Группы давления, провозглашающие заботу о конкретном этносе, вызывают эффект сопротивления солидаристским практикам. Важно, что, несмотря на социальные различия в российском обществе, достаточно сильным является ресурс исторической памяти, то есть вне зависимости от социально-имущественного расслоения российское общество в основном солидарно. Между тем, данные социологических исследований свидетельствуют о том, что российскому обществу свойственна логика ограничений, готовность пойти на некоторые лишения. В частности, прежде всего это связано с импортом товаров и услуг из стран, введших санкционный режим.

Сложности начинаются в сфере распределения материальных благ: не готовы к замораживанию заработных плат и пенсий 84 % респондентов³¹. Очевидно, что основным источником доходов большинства россиян остается государственный сектор – государство выступает основным агентом социальной политики. В связи с этим обстоятельством в системе межэтнических отношений возникают новые риски, связанные с распределением благ государством. Это снижает потребность в инициативе на местах, в той же степени не способствует

³¹ Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М.К. Изд. 1-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. С. 94.

созданию инновационной среды, способной ослабить прессинг на социальные обязательства правительства и государства.

Учитывая то, что социально-профессиональная структура пореформенного российского общества имеет определенные поселенческие особенности, что наиболее квалифицированные группы сосредоточены в мегаполисах³², можно предположить, что на состояние межэтнических отношений влияет этнотерриториальный фактор, что в рамках социоструктурных изменений в национальных регионах следствием деиндустриализации было уменьшение доли высококвалифицированных слоев населения, а это, в свою очередь, вызвало определенную архаизацию этнокультурных установок под видом возвращения к традиции, реконструкции исторической памяти, воссоздания нации.

Характерно и то, что интеллектуальная элита сосредоточилась в структурах этнопредставительства. Иными словами, создалась ситуация, когда привлекательность в группах этнопредставительства являлась более существенной, чем в ориентированных на достиженческие стратегии социально-профессиональных группах. Этот фактор влияет на то, что в дикуurse межэтнического общения часто встречаются этнополитическая семантика, что происходит этнизация и культурализация социальных проблем, проблем, которые могли бы объединить, точнее решение которых являлось бы объединяющим для большинства россиян.

Характерно, что в рамках социоструктурных изменений, где наибольший состав – это высококвалифицированные беловоротничковые работники (29 %), можно видеть узость социального позиционирования. Но особенно это характерно для этнических групп с преобладанием среднеквалифицированного, неквалифицированного труда или сельской

³² Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 2. / Горшков М.К. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. С. 62.

занятости. Среди представителей этнических групп доминируют предприниматели и самозанятые в качестве новых социальных групп и слоев. Составляя в целом 4 % в социально-профессиональной структуре российского общества³³, предприниматели могут явиться базой социальных этноориентированных практик, осуществлять так называемый этнический бизнес, предусматривающий создание особых социально-профессиональных ниш по этническому признаку.

В российском обществе эта тенденция несколько ослаблена по сравнению с зарубежными государствами, так как успешные предприниматели сосредоточены в крупных мегаполисах, а занятые в сфере малого и среднего бизнеса, как правило, не претендуют на отчетливые этнополитические позиции. Вместе с тем, происходит самолегитимация этнических групп. В социальной структуре российского общества это связано с определенными успехами по доходности, социально-имущественному положению, владению наиболее прибыльными отраслями бизнеса. Не заостряя на этом внимание, следует учитывать, что состояние межэтнических отношений зависит от того, какой вклад вносят те или иные конкретные социально-профессиональные группы в положение этноса, в векторность его социальных амбиций и интересов.

Этнокультурные установки переносятся в социальную сферу под видом требований социальной справедливости, законности, порядка, возвращения исторических прав. Таким образом, социальное позиционирование связано в определенной степени с легитимацией этнических установок, с тем, чтобы через практику возвращения прав или получения преференций повысить социальный статус. Это важный момент для понимания того, что в российском обществе состояние межэтнических отношений, определяемое государственно-национальной политикой, во многом зависит от такого фонового фактора как позиционирование

³³ Там же. С. 62.

этнических групп. Социальная неоднородность, присутствующая в этносе, может быть нивелирована требованиями этнической мобилизации, внушением чувства, что ущемлены все одинаково, все нуждаются в расширении правового суверенитета.

Если же говорить о том, что в российском обществе в межэтнических отношениях делается упор на достижение равенства этнических групп, о том, что акторы межэтнических отношений должны быть включены в процесс конструктивного взаимодействия, тем не менее остается проблематичным, каковы параметры социального участия в ситуации, где этнические установки выдаются за общие интересы этноса. Исходя из представлений о коллективном будущем, в нынешних условиях актуальным является перенацеленность межэтнических отношений на солидаристские практики. Однако это возможно, если распределение акторов межэтнического отношения может быть охарактеризовано социальными позициями его членов, процентом дисперсии этих позиций, наконец, степенью ее социальной интеграции вопреки дисперсии³⁴.

В данном исследовательском контексте важно обратить внимание на то, что солидаристские практики возникают при сконцентрированности этнических групп на направлениях, связанных с реализацией позиций семантического труда. Если сохранять ситуацию, в которой группой считается только гуманитарная интеллигенция, то могут возникнуть сложности, связанные с тем, что этническая солидарность может казаться более привлекательной, чем социальная, так как связана с мифами, историческими преданиями. Социальная же солидарность достигается налаживанием мостов и контактов между различными социальными группами, что затруднено в условиях общества с высокими социальными диспропорциями.

³⁴ Бурдые П. Социология политики. Пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко / М.: Socio-Logos, 1993. С. 94.

Социальное позиционирование акторов межэтнического взаимодействия, таким образом, связано и с дисперсностью, разбросанностью социальных позиций, их неоднородностью, и с тем, в какой степени в рамках межэтнического взаимодействия реализуются социальные притязания. Очевидно следствием культурализации социальных отношений является то, что на основе возвращения к этнической идентичности, истории, культуре, происходят процессы, которые характеризуются борьбой за социальные ресурсы. В то же время нельзя не отметить позитивного значения этноориентированных практик в том, что, возрождая интерес к истории, освобождаясь от униформизма и делая упор на этнокультурное своеобразие, тем самым расширяют возможности для культурного взаимообогащения и взаимоузнавания.

Межкультурный диалог устанавливает рамки межэтнического сотрудничества, и в этом смысле обращение к совместимости и принятию инокультурных ценностей является важным моментом при подходе к солидаристским практикам. Иными словами, можно предположить, что интерес к культурному разнообразию, к принятию «иных», делает более возможным принятие социальных ценностей и социальных проблем общего характера, возникающих в обществе, и сужает возможности самолегитимации в социальном пространстве путем провозглашения собственной уникальности, непохожести на других, исторических заслуг.

Именно поэтому в исследовании социального позиционирования важно отметить не только распределение по основным социально-профессиональным группам и поселенческим особенностям, но и делать упор на то, каким образом межэтнические отношения влияют на социальное самочувствие каждой социально-профессиональной группы. Исходя из того, что в российском обществе межэтнические отношения проблематизируются, выносятся в сферу межнациональных отношений, создается впечатление о преимущественно политических акцентах и в

меньшей степени – социальном поле, о влияниях, которые оказывают на состояние межэтнических отношений социоструктурные сдвиги.

В рамках влияния солидаристских практик важно отметить, что число активного типа в современном российском обществе практически сопоставимо с численностью инертного населения³⁵. Для солидаристских практик, характеризующихся высокой степенью социально-творческой активности, создаются благоприятные условия, которые могут быть реализованы в рамках стремления к самовыражению, инициативности и достижению достаточного и приемлемого уровня социальной ресурсности.

Особенностью влияния этничности на социальное позиционирование является использование семантического поля. Речь идет о языке общения как инструменте укрепления социальных позиций. Во-первых, самолегитимация происходит потому, что определенный социальный слой выступает носителем и хранителем языка или борцом за его частоту. Во-вторых, владение языком коренной национальности может служить фильтром на пути более высокой социальной мобильности и блокировать карьерное продвижение. Говоря о состоянии межэтнических отношений в российском обществе, следует заметить, что языковая политика не декларирована официально, но в ситуации, когда обостряется борьба за социальные ресурсы и доступ к высоким социальным позициям, возможно использование языка, особенно в сферах, где высока конкуренция на рынке труда, а социальная группа в рамках социальной легитимации, санкционирования собственных претензий на власть может определять свое позиционирование через использование языка в качестве преимущества перед конкурентами.

Также следует говорить о том, что в нынешней ситуации солидаристские практики основываются на принятии фактора двуязычия

³⁵ Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М.К. Изд. 1-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. С. 132.

или языка межнационального общения в рамках социального общения. Характерно, что русский язык в этом смысле становится «франко лингва» для высокопрофессиональных социальных групп. Дело и в привязке к международной технической терминологии, и в устоявшейся культурно-образовательной традиции, и в том, что знание русского языка повышает территориальную и социальную мобильность. При этом наиболее очевидным моментом становится то, что в рамках социального позиционирования ведущими становятся не критерии доходности, а образование и профессия.

Итак, проблема российского общества заключается в том, что при осознании важности профессионального ресурса даже средний класс нацелен на потребительские, а не инвестиционные стратегии (67 %) ³⁶. В российском обществе, таким образом, существует разрыв между признанием приоритетности профессиональной реализации и инвестиционными практиками, которые употребляют 1 % остального населения и 6 % представителей среднего класса. Это свидетельствует о том, что солидаристские практики не имеют пока ресурса прочности, и в этом смысле в межэтнических отношениях потребительские стратегии, являясь внешне уравнивающими, нацеливают на конкуренцию в сфере доступа к социальным ресурсам и использования вариантов от государственного патернализма до попыток суверенизации.

Позитивное влияние инвестиционных стратегий заключается в том, что важным фактором межэтнических отношений становится повышение профессионального и общекультурного уровня населения, что право на этническое своеобразие, на сохранение собственной культуры и языка связывается с социальной интеграцией в российское общество. Иными словами, инвестиционные стратегии обязывают избегать конфликтности,

³⁶ Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 2. / Горшков М.К. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. С. 75.

работать на долгосрочные жизненные проекты. Подобная линия поведения определяется тем, что требует реформирования общественных настроений в сторону инвестиционности и сберегательности. С учетом этого важным становится формирование практических социальных групп, действующих по сравнению с сильными стабильно, выявляющих интерес к созданию рациональных экономических условий.

Статья 19 Конституции РФ говорит, что каждый вправе определять и указывать свою национальность, и никто не может быть принужден к определению, указанию своей национальной принадлежности³⁷. Это означает, что солидаристские практики имеют преимущество в том, что мы можем назвать добровольным признанием своей национальной принадлежности. Однако межэтнические отношения связаны не с индивидуальными правами, а с коллективными представлениями о том, что собой представляет этнос, интересы этноса и каким образом этнос может реализовать право на культурное своеобразие, культурное многообразие.

Важным моментом является существующая социальная неоднородность этносов, дисперсность социальных статусов в этносе, что, как отмечалось ранее, создает ситуацию, когда этнос трансформируется в социальную общность, когда якобы этническое происхождение и этническая культура создают неравные условия по социоструктурным условиям. Имеется ввиду, что этнос как культурно-историческая общность может пониматься в качестве социальной, если в обществе существуют условия для трансформации этнических неравенств в социальные. Однако, если взглянуть на этот вопрос с точки зрения структурно-деятельностного подхода, социальное позиционирование определяется стремлением за счет этнического статуса повысить социальный статус, использовать несоциальные факторы для обеспечения социальной мобильности.

³⁷ Конституция Российской Федерации. Серия: Законы и кодексы. М., Издательство: Эксмо, 2016. С. 22.

Характерно, что дискурс официального интернационализма, который существовал в предшествующий период, определяет инерционное отношение к этносу как предшествующую нации ступень развития. В этом смысле показательны суждения респондентов, которые доверие между людьми относят к позднесоветскому, брежневскому периоду (61 %). И это связывается во многом с возникновением многонационального советского народа. Что же касается нынешней ситуации, когда на первое место выходят богатство, криминал, межнациональные конфликты (37 %) ³⁸, то следует вспомнить слова Т. Мартина об исчезновении империи позитивной направленности. Но при этом замечена ностальгия по советским временам, объяснимая тем, что тогда межнациональные конфликты не выходили наружу, а были заморожены или искусственно профилактировались при помощи угрозы насилия, что заставляет задуматься о причинах межэтнических конфликтов, о том, какие социальные факторы влияют на то, что в рамках социального позиционирования могут возникать межэтнические трения, когда культурные различия трансформируются в социальные противоречия.

По этому поводу можно сказать, что социальное позиционирование включает в себя как обретение ресурсности, самосознания и самолегитимации как группы, так и процедуры социального номинирования, признания в обществе. Говоря об этих параметрах, важно указать на то, что перевод этноса в практическую группу имеет неоднозначные последствия. Для солидаристских практик важно, чтобы этническая группа воспринимала социальные проблемы как универсальные и, учитывая конкретный исторический, социально-бытовой контексты, выходила на понимание социальных противоречий как

³⁸ Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М.К. Изд. 1-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. С. 146.

обусловленных не особым этническим статусом, а имеющим место в социальных неравенствах.

Иными словами, перевод этнических амбиций в социальную несправедливость или традиций в аскриптивный социальный статус, содержит немалые риски. Что касается негативных характеристик перевода социального позиционирования в контексте этноориентированных практик, наиболее значимым представляется использование механизмов этнической сегрегации, обособления для достижения более высоких социальных и профессиональных позиций. Тогда возникает ситуация кастовости и, как отмечалось выше, новые фильтры, которые разделяют индивидов на «своих» и «чужих» и становятся основой для этноцентризма.

В позитивном смысле этноориентированные практики могут служить основой солидаристских практик, если это соответствует идее единения России с целью ее возрождения как великой державы (42 % в 2013 г.)³⁹. Разумеется, здесь стоит разделить политическую сферу, привязанность к государству и веру в способность политических институтов самостоятельно решить межнациональные проблемы и солидаристские практики, которые могут стимулироваться идеей единения России с целью ее возрождения как великой державы, но в своем развитии связываться с повседневными практиками. Иными словами, следует различать, с одной стороны, демонстрацию приверженности идее возрождения, с другой – готовность участвовать в конкретных делах, связанных с кропотливой работой по возрождению страны.

Если же рассматривать особенности перевода этноориентированных практик, для социального позиционирования это означает включение индивидов в социальное творчество для утверждения позитивного образа собственной этничности. К новым тенденциям, относящимся к социальному позиционированию, к воспроизводству и развитию

³⁹ Там же. С. 149.

социального статуса, можно отнести мысль о том, что для солидаристских практик важно отношение россиян к различным историческим периодам, а именно: каковы их предпочтения в этом вопросе. Опять же, интересным, но объяснимым совпадением являются годы застоя (55 %) ⁴⁰: также отсутствие межнациональных конфликтов и воспоминания о лучшем образе жизни закрепляются за этим периодом, как ни парадоксально, именно по определению застойности, т.е. того, что можно было назвать стабильностью социальной жизни. Также и латентные процессы, связанные с амбициями местных республиканских элит и локализацией националистических настроений, накапливались под влиянием исторического опыта репрессий. С другой стороны, социальное позиционирование облегчалось тем, что действовала восходящая социальная мобильность через систему образования, хотя ее значение преуменьшалось, а также территориальная мобильность, которая обеспечивала в рамках плановой экономики более равномерное давление на рынке труда, что было связано с гарантией трудоустройства.

Введение рыночных регуляторов существенно изменило ситуацию. Если ранее социальные проблемы, в частности, трудоустройство, являлись обязанностью государства, то в нынешних условиях индивид вынужден решать эти проблемы и адаптироваться к жизни самостоятельно или используя механизмы соседской взаимопомощи, этнические связи, то есть надеяться на помощь земляков или представителей собственной национальности. Это существенный момент, который нужно учитывать в социальном позиционировании, когда речь заходит о влиянии этноориентированных практик на перспективы социальной мобильности. В этом смысле этническая мобильность, повышение социального статуса через этническую мобильность может восприниматься как более легкий, удобный или доступный путь, чем реализуемые достиженческие стратегии, исходя из социальной ресурсности личности.

⁴⁰ Там же. С. 153.

Также следует подчеркнуть, что вектор социального позиционирования может быть направлен на солидаристские практики, если состояние восходящей социальной мобильности превосходит по влиянию этническую мобильность. Здесь имеется в виду, что в рамках обретения социально-статусных позиций важно выявить те приоритеты, которые считаются приемлемыми в обществе для позитивной социальной самооценки. Как отмечалось ранее, таковым является сфера доходов, хотя на втором и третьем местах находятся такие факторы, как образование, репутация и власть.

Солидаристские практики в контексте социального позиционирования, таким образом, становятся поведенческими стратегиями, направленными на достижение целей, связанных с социальным, социально-профессиональным, гражданским статусом. Учитывая то, что в России основным источником доходов является зарплата по основному месту работы (77 %), пенсии и другие трансферты (34 %), подсобные хозяйства, дачи, приусадебные участки (22 %), разовые приработки (15 %), совместительство (7 %), помощь, получаемая от родственников, друзей, соседей (7 %), подобная иерархия свидетельствует о том, что для россиян значимыми являются источники доходов, определяемые местом работы. Учитывая это обстоятельство, можно говорить о том, что этничность может выражаться в создании этнолокализованного бизнеса. Не думается, что имеет место дискриминация по доходам, по этническому статусу, но фактом остается то, что солидаристские практики ограничены прикреплением к месту работы, что трансферты от государства, занимающие второе место, переориентируют население на патерналистские ожидания. В связи с этим этничность может переводиться в фактор социальной конкуренции.

Для солидаристских практик важно, чтобы для индивида имелся коридор возможностей, чтобы были созданы «подушки безопасности» и собственные ресурсы, иными словами, существовала уверенность в

будущем. В условиях, когда у большинства россиян⁴¹ отсутствуют таковые ресурсы, этнические связи могут восприниматься как гарантия: благодаря принадлежности к определенной этнической группе можно рассчитывать на то, что эта принадлежность и является ресурсом безопасности, что индивид в случае неблагоприятной ситуации может рассчитывать на определенную поддержку на уровне этноса со стороны общественных организаций или помощь друзей.

Отмечая это обстоятельство, можно сказать, что складывается неравновесное состояние факторов, влияющих на социальное позиционирование. С одной стороны, очевиден рост социально-профессиональной ресурсности в шансах трудоустройства, карьерного роста и высокой самооценки; с другой – узость возможностей социального позиционирования, зависимость от зарплат и отсутствие иных значимых возможностей заработка в виде акций. Дивиденды, вклады делают личность достаточно зависимой и от помощи государства, и от работодателей. В этом контексте ощутимым становится влияние внешних факторов, отношение руководителей к социальной активности работников, а также то, что можно назвать социальными гарантиями солидаризма со стороны государства.

В контексте межэтнических отношений это имеет последствием рост влияния наиболее обеспеченных слоев, использующих солидарные связи для укрепления зависимости внутри группы и тем самым претендующих на роль выразителей ее интересов. Разумеется, данная схема имеет уточнение: речь не идет о прямом социальном давлении, но для возможности влияния солидаристских практик на межэтнические отношения существует препятствие. Другими словами, практики становятся зависимыми от того, каково соотношение социальных групп, какова степень социальной структурированности этноса, каким образом и в какой степени интегрированности он находится.

⁴¹ Там же. С. 42.

Это важный момент, учитывая тот факт, что в рамках социального позиционирования может наблюдаться тенденция к этнизации. Имеется в виду, что фокусирование на проблемах межэтнических отношений, неучастие определенных групп в солидаристских практиках может вызывать диффамационную аргументацию. Между тем, солидаристские практики как форма социального участия наиболее характерны для молодого поколения, 16 % которого участвуют в интернет-сообществах, 7% в деятельности волонтерских движений, по 4 % в экологических и благотворительных организациях. Отмечается, что в целом активность понижается с возрастом, но необходимо иметь в виду и то, что существуют схемы восприятия социального участия, когда для старших поколений более приемлемыми и узнаваемыми являются профсоюзы, благотворительные организации, местное самоуправление, ТСЖ⁴².

Влияние этнических установок на солидаристские практики таково: крен делается на участие в правозащитных организациях, объединениях по защите памятников культуры, архитектуры, религиозных организациях исходя из влияния конфессионального фактора, фактора исторической памяти на настроения людей. Можно предположить, что наибольшую роль в выборе форм активности играет то, каким образом конкретная форма участвует в социальном позиционировании, наращивании репутационного капитала, в какой степени это совпадает с этническими традициями и этнокультурными установками.

Можно сказать, что интерес к религиозным и правозащитным организациям хотя и имеет противоположный смысл, связан с традицией и современностью, в то же время содержит определенный этнический подтекст, закрепляя использование этнического фактора не только для повышения престижности в своей среде, но и для определения собственной зоны социальной активности в общесоциальном пространстве. Вероятно, для расширения солидаристских практик важно

⁴² Та же. С. 160.

занятие лидерских позиций вне привязки к этнической ориентации, создание условий, в которых социальное участие рассматривалось бы как наиболее приемлемая, открытая форма межэтнического общения.

В этом смысле наметились два принципиально разных подхода. Первый концепт связан, как отмечал М.К. Горшков, с инкорпорацией гражданских институтов во властные структуры, прежде всего, на местном уровне. Здесь можно отметить определенный риск в усилении институтов этнического представительства, разрыве складывающейся инфраструктуры солидаристских практик. При этом следует учитывать и позитивные моменты, связанные с тем, что формируется опыт нового социального контракта, в котором акторы солидаристских практик могут выработать кодекс поведения.

Другой традиционный подход, связанный с альтернативными государству институтами и структурами⁴³, хотя внешне привлекателен перспективой автономности, освобождением от этноцентристской направленности, имеет особенность, так как не учитывается фактор связи с государством, рост патерналистских настроений в обществе и то, что солидаристские практики далеки от институционализации, что требует диалога с властными структурами⁴⁴.

В рамках реализации солидаристских практик можно говорить о том, что для российского общества важно налаживание диалога, где ведущее место должны занять гражданские институты, лидеры общественного мнения, новые формы коммуникации. В частности, 21 % полагают, что в разрешении межэтнических и религиозных конфликтов важно активное участие граждан, в то время как в сфере здравоохранения такой позиции придерживается 49 %, а в защите окружающей среды 43 %, трудоустройстве на работу – 42 %, защите прав человека 41 %, что показывает постоянство, инвариантность тревоги по поводу

⁴³ Там же. С. 161.

⁴⁴ Там же. С. 161.

межэтнических и религиозных конфликтов в российском обществе, которые то возрастают, то идут на спад при артикуляции, открытости конфликтных ситуаций.

По сравнению с Европой, где такую позицию занимают только 12 %, Россия может казаться страной с нестабильными межэтническими отношениями. Однако следует учитывать тот факт, что межэтническая конфликтность трактуется отдельно от социальных проблем, относится к сфере действия государственных регулирующих органов, и участие граждан, таким образом, представляется неясным для многих россиян. Это свидетельствует о том, что культурация межэтнических конфликтов значительно понижает потенциал социальной заинтересованности. На первое место в тревогах, вызванных межнациональными конфликтами, выходят этнократия, сепаратизм, в то время как есть проблема дефицита солидаристских, объединяющих россиян практик.

Если сравнивать зоны общественного внимания, то при разной степени привлекательности для гражданского участия проблема межэтнических и религиозных конфликтов присутствует в схемах восприятия россиян с постперестроечного периода. Позитивная оценка в отношении брежневского застоя свидетельствует о том, что межэтнические конфликты при введении в публичный дискурс воспринимаются особенно остро. Поэтому в рамках солидаристских практик важно определять зоны совместного действия, каковыми и могут быть здравоохранение, защита окружающей среды, трудоустройство, принимающие при их неразрешенности и закрытости этническую направленность⁴⁵.

Понятно, что в своих оценках россияне не претендуют на то, чтобы стать главными участниками этого процесса. Важно, чтобы общество имело достаточный уровень информированности о причинах конфликтов и, главное, о путях выхода из них, о структурах своевременного

⁴⁵ Там же. С. 162.

реагирования на конфликтные ситуации. В социальном позиционировании это сказывается в том, что межэтнические отношения, хотя и определяются параллельными социально-структурными условиями, в реальности межэтническая напряженность или стабильность сказываются на социальном самочувствии общества, и межэтнические конфликты могут восприниматься как свидетельство углубления социально-экономического и социально-политического кризиса, неспособности власти справиться с валом возникших проблем или умолчания по поводу явных или возможных конфликтных ситуаций.

Социальные преобразования в российском обществе затронули сферу межэтнических отношений, так как наблюдаются разнонаправленные тенденции, связанные с вступлением в эпоху осовременивания, перехода к дискурсу защиты прав этнических меньшинств. Одновременно усиливается архаизация, наделение коллективными правами и представлениями представителей этноса в отношении сфер, не имеющих этнокультурный контекст. Имеется в виду, что не существует особых этнических прав, укладываемых в систему гражданских и трудовых прав граждан. Любопытно, что процесс социализации политических движений высвечивает эту существенную переменную.

Можно сделать следующие выводы: во-первых, социальное позиционирование, которое до определенного времени не включало социального участия, социальной активности, выстраивается по иерархии таких приоритетов, как возможность защитить свои права, права своих близких (18 %), возможность общаться с людьми (18 %), борьба за идеалы, стремление сделать мир лучше (12 %), желание поучаствовать в конкретных делах, желание приобщиться к общественно-полезной деятельности (11 %) ⁴⁶.

⁴⁶ Там же. С. 155.

Во-вторых, исходя из этого положения можно говорить о том, что социальная активность рассматривается как условие роста репутационного капитала, при том, что количество идеалистов равняется количеству прагматиков, главным остается позиция тех, кто сочетает возможности включения в сеть коммуникации с защитой личных прав.

В-третьих, формируется фон, на котором социальное позиционирование может быть связано с солидаристскими практиками, с социальным участием как расширение коридора возможностей на основе роста символического и социального капитала.

2.2 Институционализация солидаристских практик как регулятора межэтнических отношений

Отмечая, что сфера межэтнических отношений подвержена социализации, что проблемы культурного взаимодействия и межкультурного диалога могут быть интерпретированы в качестве социальных проблем как проблемы межэтнической конфликтности, можно говорить и о другой стороне этого процесса, связанного с тем, что наличие этноориентированных практик, направленных на воспроизведение и формирование этноса, влияет на разнообразие социальных практик в обществе. Во-первых, можно говорить об адаптационной ориентированности на межэтнические отношения, которые воспринимаются как механизм приспособления к изменившимся формам межэтнического взаимодействия – это позиция пассивной адаптации. Во-вторых, активная адаптация заключается в том, что вносятся определенные элементы в изменения, но в целом ситуация остается воспроизводимой и инвариантной. В-третьих, если оценивать воздействие солидаристских практик, очевидным становится, что на первое место выходит изменение характера межэтнических отношений, но для этого, если исходить из

положений структурно-деятельностного подхода, необходимо, чтобы носители солидаристских практик, социально-профессиональная группа, обладающие высоким уровнем социальной активности, присвоили себе право представительства и делегирования интересов этноса. Иными словами, чтобы этнокультурные ориентации реализовались в контексте солидаристских практик, находили свое воплощение в конкретных делах или в реализации более общей идеи – Россия как дом народов.

Можно выделить три типа отношений между солидаристскими практиками и межэтническими отношениями, зависящими от институционального фактора. Во-первых, это конвенциональные отношения, отношения, связанные с тем, что солидаристские практики символизируют обоснованность и укорененность этнокультурных установок, что с социальной активностью связываются этнонациональные традиции. Во-вторых, отношения могут заключаться в том, что солидаристские практики адаптируются к условиям межэтнического взаимодействия, уподобляются им. Это означает, что в солидаристских практиках присутствует момент целесообразности, актуализации только тех практик, которые соответствуют накопленному опыту межэтнических отношений. В качестве ограничивающего условия выступает невозможность реализации солидаристских практик в зонах повышенной конфликтности, во взаимодействии народов, имеющих комплекс накопленных исторических обид. Однако и это положение нуждается в уточнении, поскольку необходим разрыв порочного круга и инициативы на социальном микроуровне, стратегия малых полезных дел способна стимулировать или усиливать межэтническое общение и постепенно повышать уровень межэтнического доверия. Такой оппортунизм оправдан, так как в системе межэтнических отношений важно представлять, какие институты претендуют на выражение интересов этноса, какие ресурсы

имеют фактическое закрепление за агентами, из которых складывается группа⁴⁷.

Полагая, что в российском обществе сложилась институциональная схема, направленная на стабилизацию межэтнических отношений, требуется внимательно определить то, какие варианты солидаристских практик могут возникнуть в этих условиях. Переход российского общества в состояние неравновесности межэтнических отношений определяется тем, что не существует механизмов, встроенных в систему межэтнических отношений так, чтобы они работали по критерию социального позиционирования. Призывы к санкционированию моральных норм создают определенные проблемы, так как они должны идти от морального авторитета и исходить из того, что общество должно иметь практическое отношение к моральным ценностям.

Хотя в российском обществе и испытываются тревоги по поводу моральной деградации, в большей степени следует говорить об эффективности правовых норм. Но формальные институты, хотя и фиксируются как приоритетные, часто расходятся с действующими социальными практиками. Показательно, что в рамках оценки институционального доверия на первое место выходят институты президента, безопасности и порядка, что имеет и позитивную, и негативную акцентацию, так как при высокой степени доверия президенту России (78 %) ⁴⁸, достаточно ощутим разрыв с другими государственными и общественными институтами. Особенно на этом фоне тревожным является низкий уровень доверия к органам местного самоуправления (27 %), политическим партиям (17 %), полиции (32 %), прессе (30 %), что

⁴⁷ Россия: трансформирующееся общество / Под редакцией В.А. Ядова. М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 112.

⁴⁸ Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир». Кн. 2. 2015. С. 135.

осложняет включение этих институтов в регулирование межэтнических отношений.

Складывается достаточно нестабильная ситуация, связанная с тем, что ответственность за состояние межэтнических отношений фактически возлагается на институт президентства. Можно говорить и об использовании авторитета этого института для разрешения межэтнических конфликтов, но если говорить о более необходимом направлении в установлении долговременной межэтнической стабильности, то это общественные организации, имеющие 35 % доверяющих, некоторые пока слабо задействованы в этом процессе. Говорилось о тенденции определенной этнической спецификации, но более глубокая проблема заключается в том, что не определены границы диалога общественных и властных структур в процессе межэтнического взаимодействия в системе межэтнических отношений.

Активное использование в нынешних условиях понятия нации как государственно-политического сообщества, политической нации⁴⁹, ориентирует на значимую роль влияния институтов государственных и властных структур во взаимодействии с институтами гражданского общества. Заданная идеологема «сильная Россия – сильное государство», «единое государство Россия» не выходит из дискурса державности, понимаемой в позитивном смысле, и включает наряду с социальными моментами и межэтнические, признаваемые как характеристика многонациональности, многоконфессиональности России.

В силу этого обстоятельства и провозглашения культурного разнообразия, важным является выстраивание институциональных условий солидаристских практик. Вероятно, этого недостаточно для того, чтобы провозглашать культурное разнообразие ресурсом ускорения и единства

⁴⁹ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 209.

страны. Важно, чтобы этническое взаимодействие через практики культурного разнообразия воплощалось в росте социальной солидарности в российском обществе. Пока же речь идет о том, чтобы снизить накал этноориентированных притязаний, создать условия для равного развития этносов⁵⁰.

Разумеется, важным смыслом является то, что новая Россия – это модернизированная инновационная экономика плюс социальное государство и демократия. Проблема создания инновационных ниш как преодоление неиспользования формулы этноцентризма в социальном позиционировании уже поднималась. Следует обратить внимание на тот факт, что для российского общества важным становится развитие форм социального участия, что расширение и углубление солидаристских практик привязывается к реальным идеологемам «Россия как сильное государство» и «Россия – единый народ», что склонность к потребительству, желание видеть в государстве только источник экономических и социальных благ делает необходимым переосмысление значимости социальных и государственных институтов российского общества.

Отмечая, что государственные институты успешно лидируют в сфере институционального доверия, мы видим совмещение двух тенденций: с одной стороны, недостаток активности институтов гражданского общества; с другой – воспроизведение традиций патернализма. Это помогает снизить издержки от ослабления доверия к государственным институтам, недовольства теми или иными действиями государственной власти, и в то же время определяет необходимость становления солидаристских практик в диалоге с государственными структурами. И дело не только в финансовой несамостоятельности, но и в росте ресурса авторитета, репутационного капитала гражданских ассоциаций при поддержке государства, при взаимодействии с государством. В схемах

⁵⁰ Там же. С. 217.

массового восприятия россиян социальные ассоциации оцениваются как структуры частных интересов, способные к порождению группового эгоизма в ущерб общегосударственным.

Характерным обстоятельством является то, что институты этнического представительства, как правило, копируют государственные институты, фокусируют свое внимание на политическом дискурсе. Также следует отметить, что в российском обществе на этнорегиональном уровне фигурирует дискурс дружбы и возникающая межэтническая напряженность связывается с социально-экономическими причинами, недостатками организации взаимодействия общества и власти⁵¹. Это показательный момент для исследования институциональных параметров солидаристских практик.

Обоснованно считая, что межэтнические различия не могут служить фактором возникновения межэтнических конфликтов и не преувеличивая их влияния на стабильность межэтнических отношений, достаточно проблематичным выглядит сведение межэтнических конфликтов к отсутствию социальной справедливости. Как выявлено ранее, на уровень межэтнической конфликтности действует эффект социализации межэтнических отношений, т.е. то, что в социальную сферу межэтнические различия могут продуцироваться как социальные, как связанные с этносоциальной дистанцией. В том, что называется возмущением социальной несправедливостью, можно видеть следствие разнонаправленных причин, связанных как с эффективностью управления межэтническими процессами, так и с состоянием с правами человека, общепсихологическим климатом в стране. Это подтверждается тем, что при оценке положения дел в разных сферах общества, сфера

⁵¹ Там же. С. 229.

межнациональных отношений значительно уступает другим сферам в позитивной оценке (17 %) ⁵².

Упрек к властным институтам выражается в том, что власть слабо взаимодействует с населением, что в управлении межэтническими процессами слабо учитывается общественное мнение, что запаздывают оперативные решения. Если же рассматривать ситуацию в контексте сложившейся институциональной системы российского общества, то очевидным становится достаточно низкий уровень доверия к институтам, которые бы могли выполнять роль партнеров государства в этом процессе, а также и то, что состояние межэтнических отношений определяется оценочно, в то время как отсутствуют модальные институциональные схемы, позволяющие конвертировать этнические различия в солидаристские практики.

Между тем, опрос, проводимый в рамках исследования «Развитие этнических культур как инструмент национальной политики на Юге России», показывает, что этнокультурное развитие рассматривается респондентами параллельно по отношению к институтам социального развития и порядка; в восприятии населения этнокультурные ориентации связываются с такими институтами, как национально-культурные центры, национальные школы, этноориентированные СМИ, этнокультурные фестивали (в среднем позитивно оценивают их значение 40-42 % респондентов) ⁵³. Это свидетельствует о том, что этнические отношения заключены в рамки культурных различий, что приводит к эффекту институционального вмешательства, к тому, что социальные и властные институты оказываются выключенными из зоны этнической проблематики и им отводится роль гарантов, а не пространства воспроизводства

⁵² Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М.К. Изд. 1-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. С. 173.

⁵³ Денисова Г.С. «Развитие этнических культур как инструмент национальной политики на Юге России». По материалам социологического опроса. Ростов-на-Дону. 2016 г.

институциональных практик. Иными словами, возникает риск конкуренции этноориентированных институтов, включающих механизмы воздействия на формирование институциональной среды, как автономных этнических пространств. Несомненно, в восприятии респондентов институты этнопредставительства могут сыграть позитивную роль в процессе взаимопонимания и взаимообогащения этнических культур. В данном контексте использование рычагов социальной консолидации ограничивается декларацией намерений, тем, что можно назвать реализацией формулы нейтральной толерантности, не стимулирующей процесс совместного социального участия. Очевидно, что в этих условиях институты этнопредставительства могут эволюционировать к гражданским ассоциациям, если будет сформирована атмосфера межэтнического доверия, а также в том случае, если властные институты возьмут на себя ответственность за включение институтов этнического представительства в дискурсивное пространство гражданской идентичности.

В этом контексте солидаристские практики имеют пока еще узкую институциональную базу, не закреплены системой ресурсов, от правовых до моральных, действующих в этноориентированных практиках. Реализуя идею многоконфессиональности и многоэтничности общества, следует подчеркнуть, что для большинства россиян это связывается с тем, что является интеграторами гражданской идентичности. Для большинства это общее государство (66 %), территория (54 %), государственный язык (49 %), историческое прошлое (49 %), общие символы (37 %). Исходя из оценки интеграторов, подтверждается мысль о лидирующей роли государственных институтов, реализующих функцию безопасности и целостности страны. Территориальный фактор в этом смысле, хотя и обеспечивает единое социальное физическое пространство, но риск этнизации существует, особенно в условиях снижения территориальной мобильности, ослабления социальных связей, локализации населения. Государственный язык, как мы видели, не имеет официального статуса, в

РФ не существует официального государственного языка, действует принцип реального двуязычия в сфере межэтнических отношений, и русский язык в большей степени воспринимается как семантика межэтнического общения. Поэтому и в этой сфере могут возникнуть конфликтные ситуации. Это же касается и интерпретации исторического прошлого.

Поэтому так важно, чтобы наряду с государственными институтами развивались институты культуры, культурно-образовательные ассоциации. На первый взгляд кажется, что наряду с государственными институтами важнейшим условием является развитие и поддержка культурных, языковых, исторических ассоциаций, однако, если исходить из логики присвоения институциональных ресурсов, это вызвало бы противоположный эффект ослабления деятельности решающих социальные проблемы организаций. Дело в том, что этнокультурное образование вызывает неоднозначные оценки у респондентов в ходе вышеприведенного исследования. В основном позиция респондентов характеризуется оценкой «в большинстве случаев достаточно», что говорит о средней степени удовлетворенности, о том, что этнокультурное образование имеет символическое, но не инструментальное значение для жителей региона. Несомненно, институт этнокультурного образования имеет перспективы для стабилизации межэтнических отношений, но необходимо помнить как о реализации принципов вариативности и добровольности, так и том, чтобы этнокультурное образование не содержало риски этнообособления и этноцентризма, было включено в более широкий общегражданский контекст и служило расширению культурных и образовательных горизонтов личности. В этом смысле показательно то, что респонденты полагают достаточность в установлении «полезных пропорций» между этнокультурным и общепрофессиональным образованием, различия между которыми заключается в том, что, с одной стороны, этнокультурные потребности удовлетворяются, с другой –

формирование этих потребностей должно ориентироваться на повышение социальной ресурсности (профессиональной и образовательной), на формирование достиженческих стратегий личности, не заключенной в рамки жесткого этнического пространства (в среднем 24 %) ⁵⁴.

Если отметить, что степень согласия с гражданской солидарностью определяется большинством россиян (в среднем 78 %) ⁵⁵, то можно говорить о том, что имеется в виду и установка: «Я никогда не забываю свою национальность». Этническая солидарность на 3 % превышает гражданскую, и этот минимум важен в понимании того, что, хотя 91 % респондентов, для которых характерна актуализированная этническая идентичность, ассоциируют себя с гражданами России, этническая составляющая является существенной в формировании солидаристских практик: во-первых, для респондентов важно, чтобы в солидаристских практиках не содержался дискурс отрицания этничности, чтобы они, ощущая себя гражданами России, одновременно чувствовали и принадлежащими к собственной национальности. Это в большей степени символический капитал, который может уменьшаться в связи с ростом образовательного, культурного, репутационного. Вместе с тем, во-вторых, среди тех, для кого актуализирована этническая солидарность, важным моментом является ее диапазон действия, так как гражданская солидарность не проявляется или не срабатывает в определенных сферах общественной жизни, связанных с межличностными отношениями, социальными коммуникациями, культурой. Поэтому, в-третьих, для понимания логики институционального влияния на роль солидаристских практик в межэтнических отношениях важно определить, что институты культуры, образования, которые внешне относятся не к лидирующим в

⁵⁴ Денисова Г.С. «Развитие этнических культур как инструмент национальной политики на Юге России». По материалам социологического опроса. – Ростов-на-Дону. 2016 г.

⁵⁵ Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир». Кн. 1. 2015. С. 303.

российском обществе, работают на социальном мезоуровне и социальном микроуровне, формируют повседневное социальное самочувствие. Для понимания перспектив солидаристских практик следует подчеркнуть, что нельзя ставить границы между общероссийским и этническим самосознанием, тем самым predetermined образом выключая носителей этнического самосознания из солидаристских практик. Как свидетельствуют результаты регионального опроса, проводимого ростовскими учеными, степень соотношения этнического и гражданского самосознания устанавливается в контексте их развития (средний показатель 54 % респондентов)⁵⁶. Таким образом, бинарность этнического и гражданского самосознания не отражает настроение, но, вместе с тем, расцениваются возможности развития этой бинарности в векторе сближения и отсутствия доминирования – подчинения. Поэтому можно сделать вывод о том, что солидаристские практики укрепляются на уровне влияния этнических культур и языков как повышение интереса к общегражданскому сознанию, к принятию формулы гражданской ответственности и актуализации этнического самосознания в качестве символического капитала личности, признания ее культурной индивидуальности как участника солидаристских практик. На коллективном уровне это выражается в том, что солидаристские практики актуализируются в рамках стимулирования этнических культур, как культур, входящих в общекультурное достояние народов России.

Примечательно, что, устанавливая взаимозависимость между этнической солидарностью, и сторонниками возрождения страны как великой державы, и тех, кто выражает приверженность к западной

⁵⁶ Денисова Г.С. «Развитие этнических культур как инструмент национальной политики на Юге России». По материалам социологического опроса. Ростов-на-Дону. 2016 г.

демократии⁵⁷, можно ввести объяснительную схему, связанную с тем, что великая держава понимается как многонациональное государство, в то время как с демократией ассоциируется космополитизм, отсутствие национального патриотизма, равнодушие или дистанцированность от государства. Любовь, гордость и уважение, которые испытывают 67 % русских и 65 % нерусских россиян⁵⁸, показывают, что данные чувства являются не врожденными, а формируются целенаправленной работой, их определенный спад связывается с тем, что прекращается деятельность по социализации, воспитанию патриотизма, а в своем позитивном приятии в основном россияне исходят из ресурса исторической памяти.

Таким образом, институциональные параметры солидаристских практик в межэтнической среде регулируются как конкуренцией между социальными и этническими институтами, так и степенью соотношения гражданских и властных институтов. Если говорить о дискурсе межнационального взаимодействия, который проявляется в национальных республиках, то важно отметить политику добровольного освоения государственных языков, но на действии в семантическом поле. В дискурсе же межэтнического общения, где идея государственного двуязычия постепенно закрепляется, необходимо определить властный дискурс, связанный со статусом русских на региональном уровне⁵⁹.

Можно предположить, что взаимосвязь межэтнического согласия с солидаристскими практиками представляется бесспорной, но при этом необходимо признать, что русский этнос полагается в качестве интегрирующего для титульных народов. В этом есть и позитивный смысл, связанный с необходимостью сохранения русского языка и

⁵⁷ Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир». Кн. 1. 2015. С. 304.

⁵⁸ Там же. С. 304.

⁵⁹ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 232.

противодействия дискриминации русских, их вынужденному исходу из республик. Есть и достаточно спорный момент, заключающийся в следующем: продолжается политика позитивной направленности, связанная с тем, что за русскими не признается роль этноса, а русская культура воспринимается как культура, не имеющая этнических особенностей, и ее роль обозначается официальным дискурсом.

На такой незавершенности играют националисты, для которых языковая политика, также как и сохранение культуры, может стать разменной картой, либо борьбой за сохранение языка и культуры, либо тем, что деэтнизация, воспроизводство, с одной стороны, этнических различий среди представителей титульных национальностей, с другой – признания за русскими или роли этнических меньшинств, или некоренных народов, или народа, не имеющего этнических установок, выводит на политику возвращения России для русских, и на негативные настроения, связанные с тем, что в рамках становления гражданской идентичности народы теряют свое этническое своеобразие.

В таком контексте важно определить, что государственные институты, которые пользуются институциональным доверием как гаранты безопасности, целостности страны, могут испытывать сложности функционирования, связанные с тем, что ставки на доверие определяются предоставлением социальных благ, толерантностью к процессу суверенизации и политикой перехода на стандарты титульной нации. Это бы означало процесс постепенной, но неуклонной фрагментации российского социального пространства и замещением сегментированным этническим пространством.

Солидаристские практики, которые развиваются по горизонтальным социальным отношениям и предполагают правовое равенство при сохранении права на этническое своеобразие, возникает ситуация неравновесного партнерства, попадание под избыточный контроль региональных властных институтов. В этой ситуации важно использовать

потенциал социальных ассоциаций, универсализировать проблемы, которые волнуют большинство россиян как стимулы к социальной консолидации общества. Относительно того, что позиция «нравится жить в меняющемся обществе», характерная для 52 %, совпадает и у русских, и у представителей других национальностей, говорит о том, что сохраняется достаточно высокий уровень ориентации на институциональные изменения, на модернизацию социальных институтов, связанных с тем, чтобы реализовать стремление жить в едином государстве через развитие социального участия. Это подтверждается тем, что участники регионального социологического опроса не удовлетворены ситуацией, в которой этническое представительство используется в качестве эффективных неформальных норм, особенно, что касается доступа к властным ресурсам, в среднем 46 %, устройство на хорошую работу – 35 %, справедливого правосудия – 23 %⁶⁰. Таким образом, формируется альтернативный запрос на солидаристские практики, в рамках которых действуют неформальные нормы, закрепляющие правовое равенство и новые возможности для доступа к властным и экономическим ресурсам через участие в различных социальных ассоциациях. Вероятно, сегодняшняя ситуация с использованием механизмов этнического предпочтения, инструменталистской интерпретации этнической идентичности вносит элементы конфликтности в межэтнические отношения и при этом необходимо обеспечить гражданское равноправие, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности. Такая задача представляется сложной и практически невыполнимой, если не включить механизм солидаристских практик, действующих как альтернатива нормам этнического представительства.

⁶⁰ Денисова Г.С. «Развитие этнических культур как инструмент национальной политики на Юге России». По материалам социологического опроса. Ростов-на-Дону. 2016 г.

Учитывая высокий уровень индивидуализированности интересов (57 % русских и 54 % представителей других национальностей)⁶¹, стоит говорить о том, что, определяя рамки возможностей коллективизма в солидаристских практиках, следует привлекать ресурс этнической сплоченности, переводя его в социальный коллективизм, в инициативу по выдвижению социальных проектов, вызывающих общероссийский резонанс. При этом не следует забывать, что влияние этнической солидарности возрастает в зависимости от уровня повышения индивидуализма, так как этническая солидарность часто носит символический, не обязывающий характер, в то время как солидаристские практики означают ответственный добровольный выбор. Для индивидуалистов приоритетность личных интересов может иметь последствием и обращение к этническим установкам как способу самолегитимации социальной позиции, утверждения того, что личность живет по модели традиционного образа жизни.

Институциональные условия солидаристских практик характеризуются преодолением абсолютизации этничности и формирования социальных практик на этнической основе. Как писал Ж.Т. Тощенко, многоликость, проблематика этнизма и этноцентризма выглядит следующим образом: связь личных черт с усилением просвещения в данной сфере неравенства, социология этничности, типы развития, этническая идентичность. Согласно позиции Ж.Т. Тощенко, этнократия выражается в клановости и кастовости, этнократические тенденции часто обнаруживают себя в снятом виде, неявно, скрыто⁶². По его мнению, речь идет о гипертрофировании этнических сторон власти, суверенитета этноса, сопровождающихся ущемлением интересов и прав отдельных народов.

⁶¹ Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир». Кн. 1. 2015. С. 150.

⁶² Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 50.

Особое значение в этом контексте имеет то, что этнократия ведет к обострению межнациональных отношений, потому что преследует эгоистические, корпоративные, узкогрупповые интересы⁶³. Если исходить из того, что солидаристские практики направлены на достижение соответствия формальных институтов и моделей социального поведения⁶⁴, солидаристские практики предполагают появление такого социального феномена, как субъективность, как взаимосвязь между институтом и социальной структурой общества.

В рамках структурно-деятельностной концепции важно понять, что этническая идентичность является партикуляристской характеристикой по отношению к профессии, гражданскому самопониманию, критериям самостоятельности, ориентирам жизненного успеха⁶⁵. Поэтому институционализация солидаристских практик возможна на пути осознания общенациональных приоритетов и оценки различных аспектов собственной жизни в рамках устремления общества к общенациональным интересам. В свою очередь, размытость соответствующей готовности включиться в совместные практики диктует определенный умеренный скептицизм. При том, что 19 % россиян являются сторонниками возрождения страны как великой державы на основе исторических и духовных ценностей, а 19 % – сочетания сильного государства и рыночной экономики⁶⁶, выявляется, что в обществе практически поровну сформировались группы умеренных и сильных государственников.

Как отмечалось выше, сильные государственники, как правило, связаны с признанием этнической идентичности и рассматривают государственные институты как гарантирующие право на этническое удовлетворение. Сторонники умеренного подхода придерживаются

⁶³ Там же. С. 51.

⁶⁴ *Дискин И.* Россия, которая возможна. М.: «Юрист», 2011. С. 33.

⁶⁵ Там же. С. 38.

⁶⁶ Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир». Кн. 1. 2015. С. 123.

позиции, что межэтнические отношения включаются в солидаристские практики, так как для общества важны не только такие параметры, как приверженность традициям и артикулирование духовности, но и включение механизмов социальной мобильности, социального достижения. Другими словами, гражданская идентичность как ресурс солидаристских практик связана с универсальными характеристиками профессии, образования.

Исследуя влияние институциональной структуры общества на состояние и динамику массового сознания и поведения россиян, необходимо учитывать особенности институционального доверия. В этой связи важно отметить, что освоение определенных институциональных ресурсов как условие формирования практической группы имеет условием ожидания по отношению к социальным институтам. Так как приоритетное значение имеют властные институты, то это означает, что для россиян до сих пор проходит раздел между социальной ресурсностью, вырабатываемой в совместных практиках, и личностными ресурсами. Как следствие, институциональное доверие выражается к институтам, не влияющим на личностную жизненную траекторию.

Очевидно, что рост влияния институтов развития и модернизации, бизнес-структур, института образования, института социального участия, являясь легитимизируемым, повышает уровень позиционного доверия. Это важно в связи с тем, что, как отмечалось выше, этнические партикуляристские интересы апеллируют к государству, выступая по логике присоединения для реализации групповых интересов. Следует подчеркнуть, что для совмещения этнической и социальной солидарности необходимо включение правил игры, при которых институты развития оказывают универсальное воздействие. Баланс между этнической и гражданской солидарностью выражается в том, что гражданская солидарность артикулируется и легитимизируется в публичном дискурсе, а

этничность определяется личностным выбором индивида, правом на этнокультурное выражение.

Это не означает, что отрицается роль этнокультурных ассоциаций, их авторитет повышается на уровне включения в социальный мейнстрим, стремления, чтобы сохранение и забота о культуре отдельных народов стала заботой о духовности российского общества. В этом смысле очевидна обоснованность высказывания Ж.Т. Тощенко, что делегитимация этнократизма возможна в контексте присвоения институциональных ресурсов на основе гражданственности. Для гражданства очень важны такие универсальные параметры, как профессия, образование, репутация.

Очевидно, что институциональная система в российском обществе ориентирована на поддержание авторитета государства, что является вполне объяснимым в историческом и актуальном контекстах, но содержит определенные риски, так как государство может оказаться наедине с группами, осуществляющими этнократические (узкогрупповые) интересы в условиях отсутствия демпфера между государством и этнократией в виде социальных ассоциаций. Вот почему следует говорить о том, что защита этнической самостоятельности в рамках межэтнического взаимодействия является конструктивной, если связана с равенством возможностей. Эта идея поддерживается 68 % россиян⁶⁷.

Данную позицию следует трактовать следующим образом: необходимо создание условий, при которых бы суверенитет или угроза суверенизации не являлись процедурой добиться больших возможностей, чем другие. В контексте солидаристских практик доказывается значимость отдельного индивида, его личностный потенциал. Характерно, что национальность имеет значение только для 8 % россиян, а для 69 % – хорошее образование, для 67 % – упорный труд⁶⁸. Таким образом, можно

⁶⁷ Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир». Кн. 1. 2015. С. 131.

⁶⁸ Там же. С. 142.

предположить, что солидаристские практики имеют большую поддержку в обществе, чем ориентация на этнократизм, на узкогрупповые интересы, ориентированные на то, чтобы выиграть за счет других.

Тот факт, что 32 % россиян считают, что современный период жизни России, «путинская эпоха», наиболее соответствуют их представлениям о том, какой должна быть Россия, свидетельствует не только об адаптации, опривычивании в современном периоде, но и содержит надежды на решение острых социальных проблем, к каковым относится в качестве инвариантной межнациональные (межэтнические) отношения⁶⁹. Кроме того, большинство россиян считают, что важным является социальный активизм, личностная ответственность: 55 % склоняются к такой позиции. При этом практически этническая самопомощь, этническая солидарность возникают только в конфликтных ситуациях, в повседневных практиках большинство респондентов, хотя и считаются с поддержкой родных и друзей, но не делают этническую принадлежность условием реализации собственных мечтаний и собственных целей (рассчитывают на родных 22 %).

Излагаемая картина свидетельствует о том, что для российского общества важным становится обращение к российской идентичности, которая, как справедливо полагает М.К. Горшков, способствует успешному интегрированию России в мировое сообщество, а на личностном плане – утверждению жизненных ориентиров, формированию чувства защищенности в рамках своего общества, подавлению тревоги фрустрации⁷⁰. Этническая солидарность может выполнять компенсирующую роль, но в контексте межэтнических отношений важны универсальные качества защищенности и уверенности в будущем.

В связи с этим особую значимость обретает институционализация солидаристских практик в контексте межэтнических отношений как

⁶⁹ Там же. С. 261.

⁷⁰ Там же. С. 299.

практик, принимающих массовый, регулярный характер, основанный на соблюдении формальных и неформальных норм российского общества. Если для россиян значимым в этнической консолидации является религия, культура и язык, то на уровне социальной консолидации прослеживается установка на общие социальные идеалы, связанные с процветанием государства, созданием достойной жизни для всех. В этом смысле характерным и важным является выросший в обществе критический настрой по отношению к назначению людей с точки зрения национальной принадлежности и даже клановости⁷¹.

Настроениям в российском обществе не свойственен этнический радикализм, и можно говорить о маргинальности групп, поддерживающих такую оценку. Но официальный дискурс на республиканском уровне, часто связанный с проблемой собственного национального суверенитета, с тревогами по поводу централизации, может усиливать радикальные настроения. Очевидно, что для российского общества, где главным достижением было и остается позитивное состояние межэтнических отношений, двумерного взаимодействия и сотрудничества представителей различных этнических групп, солидаристские практики снимают напряженность. В рамках диалога с властью различных социальных групп и ассоциаций снимается вопрос о централизации, который приобретает актуальность, если межэтнические отношения встроены в государственную политику и не связаны с поддержкой, информированностью, пониманием и готовностью к участию населения.

В российском обществе обязанность консолидироваться вокруг национального суверенитета страны является рефреном отношения общества к власти. И в этом смысле официальный дискурс может быть повернут к стратегическим целям развития страны, к тем проблемам,

⁷¹ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробизижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 234.

которые волнуют россиян. Отмечая выше, что эти идеи созрели и отрефлексированы в общественном сознании, следует подчеркнуть, что в рамках происходящих процессов индивидуализации и возникновения нового коллективизма важно подчеркнуть влияние солидаристских практик как практик, которые уже имеют позитивный эффект, связаны не только с историческими достижениями и глобальными политическими событиями, но и, как показывает динамика отношений России с респондентами, имеет в качестве перспективного направления уважение (19 %) ⁷².

В целом это касается прежде всего внешнеполитического аспекта, места России в современном мире, но имеет влияние и на межэтнические отношения, так как повышение международного авторитета страны нейтрализует стремление к этнизации, с одной стороны, с другой – возникает заинтересованность внести большой вклад в укрепление престижа страны, вложить реальное содержание в понятие «гражданин России». В этом смысле важным представляется то, что солидаристские практики не этнизируются, а становятся частью жизни этноса, включаются в этнокультурные установки как изобретенная традиция. Так, исходя из приведенных данных, можно сказать, что достиженческая мотивация превалирует над приверженностью к традиционным этнокультурным ориентациям. Так, согласно опросу 2014 – 2015 гг., 19 % россиян стремились повысить уровень материального положения, что соответствует потребительским стратегиям, но важным становится, что формируется коллективное представление об улучшении ситуации в социальных сферах: дошкольные детские учреждения (27 %), ситуация с терроризмом (19 %). Хотя большинство стоят на позиции, что ситуация осталась прежней, важно, что внимание и государства, и социальных

⁷² Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 2. / Горшков М.К. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. С. 184.

ассоциаций к острым проблемам, в частности, обеспеченность детскими садами, дает ощутимые для общества результаты⁷³.

Поэтому влияние солидаристских практик связано с оценкой их позитивного эффекта, связей инициативы граждан с изменениями в социальной политике. Градус напряженности, связанный с внешними угрозами, нейтрализуется, коррелируется положительными оценками россиян разных сфер жизни. Хотя приоритетными остаются семейные отношения, немаловажное место занимают место, регион, в котором живут люди, что включает понимание сопричастности к локальности проживания в этнорегиональном пространстве⁷⁴.

Таким образом, институциональные факторы влияния солидаристских практик на систему межэтнических отношений воплощаются в расширении коридора возможностей для реализации жизненных планов по сравнению с этнической солидарностью, так как гражданский статус предоставляет больше преимуществ для социальной солидаризации, нежели замыкание в рамках этнической традиции. Также следует учитывать, что солидаристские практики, ориентированные на общенациональные, общесоциальные цели, являются более предпочтительными в рамках укрепления единства российского государства.

Республиканский дискурс межэтнических отношений в нынешних условиях, хотя и предполагает в основе дружбу и сотрудничество народов, содержит концепт титульной нации, согласно которому именно титульная нация по молчаливому уговору обладает большими правами на территорию, властную карьеру, что имеет этническую подоплеку. Примордиализм в понимании этноса приводит к тому, что этнокультурные установки становятся политическими. Сложность происходящих процессов состоит в том, что при создании политико-правового и

⁷³ Там же. С. 146.

⁷⁴ Там же. С. 151.

культурно-информационного пространства неизбежным встает вопрос о том, каким образом соблюсти приоритеты этносов, как сделать так, чтобы не возникла конфликтная напряженность, связанная с реализуемыми претензиями по поводу языка, статуса, коренной национальности, территории.

Можно в качестве вывода сказать следующее: этот вопрос имеет исторический контекст, напоминая о замороженных конфликтах предыдущего периода, опыт которого показывает, что для поддержания стабильности межэтнических отношений необходимо не только утверждение официального дискурса, но и укрепление гражданского единства страны, постоянный диалог власти и общества, возрастание ответственности республиканских руководителей за состояние межэтнических отношений и реализацию формулы демократии участия в разработке основных направлений национальной политики.

Резюмируя, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, социоструктурные изменения в российском обществе привели к возникновению новых социальных групп, ориентированных на социально-профессиональную и этническую идентичность. Этническая идентичность, связанная с этноориентированными практиками, приводит к самолегитимации групп, использующих этничность как социальный ресурс. Солидаристские практики выступают альтернативой, исходя из перехода от социально-профессиональной к гражданской идентичности. В этом контексте солидаристские практики рассматриваются как расширение коридора возможностей по сравнению с этноориентированными, нацеленными на воспроизводство социальной неоднородности путем включения механизмов этнической солидарности. Можно говорить о том, что социальное позиционирование этнических групп отражает социальную дифференциацию российского общества с влиянием этнической

дифференциации, как конвертацией символического капитала (этнокультурных установок) в инструменталистские цели, связанные со стремлением в контексте социального позиционирования удовлетворить статусные и ресурсные притязания. Подчеркивая это обстоятельство, следует отметить, что солидаристские практики пока «проигрывают» этноориентированным в контексте расширения возможностей для реализации социального позиционирования. Вместе с тем, в этноориентированном представительстве проявляется дисбаланс социальности и этничности, когда от имени этноса действуют группы интересов, которые, по выражению Ж.Т. Тощенко, узурпируют право на представительство этноса, действуя как этнократические корпорации⁷⁵. Из вышеизложенного следует вывод, что структурные условия солидаристских практик характеризуются ростом культурного, образовательного, профессионального капитала, и новые социально-профессиональные группы, обладающие социально престижным статусом, сужают влияние этноориентированных практик, как способа восходящей социальной мобильности.

Во-вторых, сложившаяся институциональная система российского общества характеризуется влиянием институтов этнического представительства, направленных на освоение ресурсов властных институтов в рамках сохранения позиций республиканских элит. Однако отмечая это обстоятельство, не должно складываться впечатление, что институциональная система укрепляет и развивает этнопредставительства. Сохраняется в большей степени иерархия «этнокультурной самобытности», что создает неравенства в доступе к социальным и властным ресурсам. Иными словами, властные и социальные институты используются латентно, через присвоение ресурсов включения механизмов давления, конструирования рисков и неумеренных ожиданий. На

⁷⁵ Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С.51.

сложившуюся ситуацию влияет и то, что до сих пор сохраняется синдром «национального суверенитета», согласно которому этнос воспроизводится в контексте суверенности, его признания как источника власти на определенной территории.

В рамках развития солидаристских практик, очевидным становится ограничение этничности, перевод энергии этноса в конкуренцию по достиженческим параметрам в сфере образования, науки, культуры, экономики. Вместе с тем, солидаристские практики основываются на институтах развития и порядка, формируя сферу диалога с властными структурами. Важно отметить, что солидаристские практики не предлагают иерархию этносов по их близости или удаленности к властным и экономическим ресурсам, а связаны с созданием институционального порядка, в котором правовое равенство обеспечивается равенством участия этноса в социальной и политической жизни. Институциональная ситуация в российском обществе позволяет говорить о мощном потенциале интеграции солидаристских практик в межэтнические отношения путем включения механизмов равных стартовых условий, того, что мы можем охарактеризовать как понимание равенства возможностей на личностном и коллективном уровне. При этом очевидным становится актуальность перевода этничности как символического капитала в ресурс социальной мобилизации этнических групп, как этнических общностей. Это означает самовоспроизводство этноса, как сферы, включающей деятельность социальных институтов по формированию норм сотрудничества этнических групп и осознания этносом своей принадлежности к многонациональному российскому народу (гражданской нации).

ГЛАВА 3. ПРЕОБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЛИДАРИСТСКИХ ПРАКТИК В РАЗВИТИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Межэтнические отношения в российском обществе являются тем оселком, на котором проверяется будущее страны. Действительно, для России как многонационального государства, как культурно-цивилизационной общности, где пересекаются различные этнокультурные и этноконфессиональные установки, важным является поддержание интегрированности россиян в общественную жизнь на индивидуальном и коллективном уровне. Как отмечалось ранее, ведущую роль в институциональной иерархии по критерию доверия имеют институт президента, институты безопасности и законности. Это понятно с позиции трактовки России как сильного государства, так как россияне адекватно оценивают исторический опыт, памятуя о внешних и внутренних угрозах единству и суверенитету страны.

Вместе с тем, для стабильности межэтнических отношений как инвариантных в российском обществе следует обратиться к тому, каков потенциал социальной самоорганизации, какие солидаристские стратегии реализуются в конкретном контексте межэтнических отношений, как солидаристские практики изменяют векторность и способы реализации национальной политики.

3.1 Солидаристские практики в межэтнических отношениях: опыт классификации

Определяя солидаристские практики как поведенческие стратегии, направленные на реализацию идеи общего блага и равенство возможностей, социальную защищенность россиян независимо от этнического статуса на основе гражданской идентичности, следует сказать,

что 68 % россиян скептически относятся к тому, что в ближайшем будущем справедливое общество может быть достигнуто⁷⁶, но для россиян вполне реальными являются реализация принципа свободы (53 %), солидарности (39 %), социальной защищенности (34 %), равенства перед законом (32 %), равенства возможностей (28 %)⁷⁷.

Исходя из этих позиций можно говорить о том, что понимание свободы как условия самореализации, собственного жизненного выбора внушает уверенность в том, что перемены в общественных настроениях, связанные с позитивной оценкой свободы, с тем, что совместные практики возможны только при условии признания прав и свобод других, что в рамках совместных действий приоритетным является принцип добровольности, определяют субъективные условия реализации солидаристских практик. В той же степени важно, что понятие свободы не исключает понимания солидарности, то есть того, что для реализации собственных прав и свобод важно ощущать социальную эмпатию, проникаться заботами и тревогами других и понимать, что есть проблемы и ценности, которые в одинаковой степени волнуют всех, привлекательны для всех россиян.

Поэтому солидаристские практики в сфере межэтнических отношений через понимание общезначимых проблем и целей, через развитие гражданского самосознания переформируют этнокультурные и этноориентированные установки. Общеизвестно, что после периода смятения и потери территориальной целостности страны, российское общество отрицательно реагирует на этносепаратистские тенденции, что период парада суверенитетов прошел, что этносепаратисты, если и формулируют собственные требования, то в осторожной форме, пытаясь протолкнуть идею суверенизации легитимными способами или играя на

⁷⁶ Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 2. / Горшков М.К. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. С. 139.

⁷⁷ Там же. С. 140.

лакунах, пустотах в российском правовом пространстве. Наряду с верой в будущее России как единого государства растет и этническое сознание. Согласно исследованиям ИС РАН, позицию «никогда не забываю о своей национальности» полностью поддерживают 47,2 %, еще 35 % симпатизируют ей⁷⁸.

Можно говорить о том, что интерес к этнической идентичности, с одной стороны, связан с исчезновением советской идентичности, с другой – проявлением попытки определить этническую идентичность как добровольный выбор, как выражение свободы личности для влияния на гражданскую идентичность, для того, чтобы в формировании общенациональной политики учитывались интересы отдельных этносов и не применялись формулы унификации.

Обратим внимание на тот важный факт, что солидаристские практики в республиканском дискурсе осуществляются прежде всего как направленные на реализацию прав свободы, на поддержание усилий по созданию культурных ассоциаций населяющих республики народов. Также в нынешних условиях важное значение стал приобретать конфессиональный фактор. Так, например, в Татарстане обозначает свое вероисповедание практически 90 % населения. Нельзя говорить о религиозном ренессансе, в большей степени речь идет о символическом капитале, о том, чтобы в рамках обозначения статуса внутри республик использовать конфессиональный фактор в качестве фактора и различия, и взаимоузнавания.

Следует отметить этногрупповую солидарность, обладающую значимым мобилизационным статусом. Так, Всероссийский опрос 2011 г. показал, что 41,1% россиян испытывают сильное чувство групповой сопричастности к единоверцам⁷⁹. Для солидаристских практик поэтому

⁷⁸ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 142.

⁷⁹ Там же. С. 144.

важно, чтобы практики, связанные только с этнической солидарностью, приобретали качества гражданской солидарности, чтобы идеал свободы сопрягался с чувством взаимной ответственности и социальной эмпатии. В качестве примера можно привести существующую в российском обществе иерархию общественных структур, таких как Общественная палата и Общероссийский национальный фронт, которые акцентируют внимание на проблеме прав и свобод всех граждан, осуществляют социальный и правовой контроль над деятельностью администраций различных уровней с целью недопущения этнической и конфессиональной дискриминации, но главное, что они усиливают готовность к тому, чтобы социальная солидарность интегрировала общегрупповые солидарности.

Важно констатировать, что большинство россиян привлекает демократия и возможность установления такого социального порядка, который бы обеспечивал реализацию социально-экономических прав граждан. Данного мнения придерживается 79 % опрошенных⁸⁰. Поэтому правовые практики, как можно их назвать, направлены на реализацию свободы, подразумевая под этим отстаивание демократических институтов и ценностей для обеспечения условий развития личности. Поэтому включение солидаристских практик с правовой проблематикой в систему межэтнических отношений оправдано, поскольку речь идет о том, чтобы через идеи прав и свобод, правопорядка, отстаивать принципы верховенства закона, правового равенства. В этом контексте солидаристские практики получили свое развитие в Татарстане, Башкортостане, Республики Бурятия.

Характерным моментом нынешней ситуации является спад влияния националистических, этноцентристских, сепаратистских организаций, которые в 90-е годы нарастили политический капитал на неразрешенности

⁸⁰ Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М.К. Изд. 1-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. С. 336.

проблем межэтнических отношений. В этом смысле показательна история Татарского национального фронта, некогда влиятельной организации, претендующей на представительство татарского народа во всемирных ассоциациях, а ныне пребывающего в состоянии анабиоза, то есть активности, которая проявляется спорадически, не являясь свидетельством активности организации. Конечно, не следует преуменьшать опасность национализма, можно говорить о том, что в нынешней ситуации правовые практики нацелены не на расширение суверенитета, а на правовую защищенность граждан, на реализацию принципа равенства всех перед законом.

Деятельность Общественной палаты, в которой 45 % отводится правозащитной проблематике, показывает не только то, что перехвачена инициатива у грантозащитников, но и формируются институциональные площадки для включения солидаристских практик в сферу межэтнических отношений. Примечательно также отметить, что есть очевидная корреляция между уровнем социального благополучия и демократических свобод.

Иницилируемая в российском обществе формула демократии участия предполагает создание инфраструктуры зонтичных организаций типа НФ по всей стране. Речь идет не только о политическом, но о социальном и этническом представительстве, о том, что зонтичные организации рассматривают сферу межэтнических отношений как залог будущего страны. Иными словами, в системе межэтнических отношений создается гражданское общество, то, что привлекает россиян в контексте ответственности за общее государство и судьбу страны.

В процессе изучения данной проблемы возникает вопрос о том, каким образом солидаристские практики формируют отношение к правовым институтам, как переломить ситуацию правового негативизма и сделать правозащитную деятельность деятельностью, направленной на благо общества, а не отдельных лиц и отдельных структур. Говоря об этом,

следует отметить, что в рамках осуществляемых солидаристских практик ясно проявляется тенденция к закреплению успеха в налаживании диалога с властью, поиску собственных ниш в реализации собственных практик, их правовому обеспечению.

Сформулированное в свое время как адекватное суждение «ценностью является свобода без ответственности и активной позиции при доминирующем и лимитирующем эту свободу государстве»⁸¹, не является бесспорным в нынешней ситуации. Во-первых, формируется чувство ответственности и сопричастности к власти; гражданская компетентность и голосование россиян становится вполне рациональным, связанным с осознанием ответственности за судьбу страны, необходимости поддержания стабильности и порядка. В этом смысле правовые солидаристские практики направлены на обеспечения равенства возможностей всех граждан, проживающих в республиках, включение в понятие титульной нации ответственности за укрепление российского государства, за мир и национальное согласие. Имеется в виду, что само понятие должно быть лишено дифференцирующего статуса, дающего особые привилегии, что понятие «титульная нация» должно означать принадлежность к определенной территории и ответственности за общеисторическую судьбу.

Как показывают данные социологических исследований, правовые солидаристские практики в основном развиваются на социальном мезоуровне, но характерно, что импульс их развитию был дан на социальном микроуровне (движение обманутых вкладчиков, ТСЖ). Для россиян значимым становится принятие прав и свобод в качестве инструмента решения социальных проблем. Защита прав человека, когда, как отмечают россияне, наиболее активно должно участвовать население

⁸¹ Пути России: существующие ограничения и возможные варианты [Текст]: Междунар. симпозиум 15-17 января 2004 г. / под общ. ред. Т. Е. Ворожейкиной. МВШСЭН. М.: МВШСЭН, 2004. С. 134.

(граждане)⁸², имеет целью развитие демократических институтов как создание условий для социальной активности.

Рассматривая возможности участия в разрешении межэтнических и религиозных конфликтов в корреляции с защитой прав человека, нельзя не обратить внимание на определенное несоответствие, но это несоответствие вполне объяснимо тем, что межэтнические религиозные конфликты часто рассматриваются вне социально-правового аспекта, хотя, как показывает анализ межэтнической напряженности, часто это является следствием конфликтов на социально-бытовой почве или определяется осознанием ущемленности прав по коллективному признаку, даже в случае индивидуальных конфликтов. Если говорить о зоне влияния, то солидаристские правовые практики являются перспективными в контексте прямого непосредственного осуществления населением местного самоуправления, использования таких форм, как местный референдум, муниципальные выборы, сходы граждан; также следует упомянуть правотворческую инициативу граждан⁸³.

Поэтому со всей определенностью можно констатировать, что в системе межэтнических отношений ведется активный поиск наиболее эффективных форм участия граждан в накопленном опыте солидаристских практик, связанных с расширением роли граждан в местном самоуправлении, решении неотложных социально-бытовых проблем, что является достаточно сильным стимулом для вымывания из сфер межэтнических отношений негативного контекста, а деятельность структур, заинтересованных в этническом представительстве, ограничивалась заданными правовыми рамками.

С учетом демократии беспорядка, стихийной демократии, можно говорить о плодотворности данного процесса при налаживании диалога с

⁸² Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир». Кн. 2. 2015. С. 162.

⁸³ Там же. С. 166.

властью, с целью создания группы совместного реагирования на нарушения законности и порядка. Об этом свидетельствует тот факт, что при большой этногрупповой мобилизации проявлением, среди определенной части, населения готовности к насильственным мерам урегулирования межэтнических противостояний, в целом преобладают установки на ненасильственное урегулирование возможных межэтнических напряжений⁸⁴.

Справедливо отмечая, что существует необходимость формирования общегосударственной и республиканской политики, нацеленной на формирование солидарных установок и ценностей, сопряженных с символами гражданской идентичности политики⁸⁵, можно говорить о выработке совместной позиции общественных и властных структур по поводу используемого дискурса в рамках стимулируемого процесса межэтнической интеграции.

В этом смысле важно преодоление таких чувств, как общее достоинство. Характерно, что объединяющим началом является общее государство. В этом смысле солидаристские правовые практики, нацеленные на диалог власти и общества, формируют мобилизующий потенциал гражданской идентичности.

Показательно, что правовые практики охватывают только 2-4 % населения, но заинтересованность россиян в состоянии правопорядка в российском обществе, в осуществлении принципа правового равенства, свидетельствуют о немалом потенциале правовой активности россиян. Здесь важное место занимает правовая инициатива, особенно в системе межэтнических отношений. Действующее российское законодательство не испытывает недостатка в правовых механизмах, позволяющих гражданам оказывать влияние на систему межэтнических отношений. Другое дело,

⁸⁴ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 62.

⁸⁵ Там же. С. 63.

что институциональное доверие к институтам права достаточно низкое. И это связано не столько с институциональными дефектами, сколько с существующими правоприменительными практиками. В этом смысле необходимо говорить о повышении доверия к институтам и, в частности, основному из них – судебной системе. В настоящее время ей доверяют только 26 % граждан и не доверяют 50 %⁸⁶.

На первый взгляд, главное, что граждане больше доверяют институтам, чья деятельность воспринимается ими как забота об общем, коллективном благе. Отмечается своеобразная вертикаль доверия к власти: до сих пор по традиции распорядительное право принадлежит властным структурам, и можно говорить о том, что недостаточно задействован потенциал профсоюзов, общественных и научных организаций. Можно говорить и об актуализации такого института, как телевидение, 35 % населения высказывают ему доверие⁸⁷.

Показательно и то, что в условиях нынешнего социально-экономического кризиса вырос уровень доверия ко всем институтам. Это связано с отношением к государству как гаранту безопасности, независимости и порядка, а вот структуры, призванные играть активную роль, такие как политические институты, до сих пор не достигли минимальной точки доверия (38 % в 2015 г.)⁸⁸. Положение правовых институтов характеризуется тем, что через них в обществе формируется реальное понимание и оценка состояния права в обществе, то, каким образом правовые регуляторы будут использоваться вместо насильственных в разрешении межэтнических конфликтов.

Здесь сложился своеобразный консенсус, поскольку большинство россиян концентрируется вокруг идеи верховенства права. Другими

⁸⁶ Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир». Кн. 2. 2015. С. 132.

⁸⁷ Там же. С. 135.

⁸⁸ Там же. С. 135.

словами, солидаристские практики имеют потенциал влияния на уровни институционального доверия, и главная проблема здесь – подготовить практические группы, которые могли бы заявить о себе как о способных совместно действовать в этой сфере, осуществлять правовой контроль. Между тем ситуация такова, что солидаристские практики перемещаются в правовой сфере с проблем межэтнического взаимодействия на социальное, на проблемы, связанные с правовой защищенностью граждан.

Приходится констатировать, что для этой модели, чтобы стать характерной повседневностью, требуется формирование соответствия между правовым поведением граждан, их правовой компетентностью и реализуемостью их прав. Успешность в достижении тех или иных целей в солидаристских правовых практиках зависит от того, насколько действует согласованность государственных и общественных ассоциаций, как повседневные ориентации россиян соотносятся с моделями правового поведения. В целом солидаристские правовые практики демонстрируют свою устойчивость. Расширяется общественная база правовой деятельности с 4 % до 6 %, что свидетельствует о том, что необходима экспансия правовых практик вглубь, охват республиканского пространства. Концентрация в больших городах дает необходимый информационный и демонстративный эффект, но реальная работа заметна непосредственно на местах, в том числе в этнических пространствах.

Важно в этой связи преодолеть разрыв между неписанным правом и нормами права, чтобы не возникало эффекта параллельных правовых пространств, как это наблюдается в ряде западноевропейских государств, таких как Великобритания, где семейно-брачные отношения среди мусульман фактически регулируются шариатскими судами. Также приходится констатировать, что основанием для развития правовых практик является ориентированность на поддержку государства, государственную ответственность за состояние правопорядка. Интересно, что для россиян важным является равенство возможностей при проявлении

способностей каждого (65 %) ⁸⁹. Реальным последствием такой позиции можно считать то, что при уважении к сложившимся обычаям и традициям (68 %) важным являются правовые горизонты, установление правовых условий для реализации личности. Восприятие традиций и обычаев изменяется со временем, наполняется новым содержанием, и в этом смысле необходима плодотворная работа по реконструкции обычаев и традиции, адаптации к сложившимся социальным и правовым реальностям. Причем в этом общество солидарно: опираясь на традиции, необходимо двигаться вперед.

К сожалению, мы нечасто сталкиваемся с примером изобретенной традиции – традиции, которая бы отвечала общим интересам россиян в системе межэтнических отношений. Рассматривая солидаристские правовые практики, следует обратить внимание на то, что в обществе признают противоречия между русскими и нерусскими придерживаются 24 % населения ⁹⁰. Нельзя говорить, что это есть прослойка убежденных националистов. В большей степени такая позиция вызвана тем, что эти противоречия конструируются в процессе предписывания им особого этнического и этнически неискоренимого характера и что может быть представлено как ущемление прав определенной этнической группы.

В этом смысле можно также говорить о том, что в иерархии противоречий основное место занимают противоречия между властью и народом, между чиновниками и гражданами, что свидетельствует о необходимости ответственности власти и общества за поддержание стабильности в обществе. Солидаристские правовые практики в этом смысле могут снизить уровень противоречий, интерпретируемых как межэтнические.

⁸⁹ Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 2. / Горшков М.К. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. С. 78.

⁹⁰ Там же. С. 82.

Средний класс российского общества, численность которого хотя и сократилась, но сохранилась на уровне 2013 г. – 40 – 42 %⁹¹, является в потенциале основным носителем солидаристских практик правовой направленности. При этом следует учитывать, что потребность в таких практиках актуализируется не только на уровне личной защищенности, но включает важным условием гарантии соблюдения прав личности работника. В контексте межэтнических отношений можно говорить о том, что важными составляющими социального самочувствия становится как своевременная выплата заработной платы (82 %), так и официальное оформление на работу (62 %)⁹².

Поэтому правовой дискурс в межэтнических отношениях смещается с вопросов соотношения власти на уровень правового самочувствия населения. Главное, чтобы ни одна из этнических групп не чувствовала себя ущемленной именно по этническому признаку, хотя в этом аспекте прослеживается тенденция взаимосвязи между защищенностью прав и обострением этнических чувств. Имеется в виду, что часто в условиях кризиса возникает вопрос о равном распределении федеральных дотаций республикам, и известно, что некоторой частью несистемных сил обыгрывается вопрос о незаслуженных привилегиях той или иной республике, о снисходительном отношении центра к попыткам суверенизации, к ущемлению прав некоренного населения.

Данные факты, имея место, гипертрофизируются, объявляются чуть ли не тенденцией, и межэтнические отношения рассматриваются в контексте диспаритетов в получении материальных благ и политических прав различными этносами. Характерно при этом, что микшируется вопрос о защищенности граждан, о том, что почти треть россиян (29 %) за последнее время сталкивалось с проблемами, связанными с их социально-

⁹¹ Там же. С. 166.

⁹² Там же. С. 168.

экономической уязвимостью⁹³. Хотя этот вопрос относится к сфере личной жизни, имеются серьезные общественные последствия, связанные с тем, что неудовлетворительное социальное самочувствие вызывает желание найти врага, «козла отпущения», что социальная напряженность может искусственно педалировать в сторону этнической напряженности, конструирования незаслуженных благ и привилегий отдельной этнической группой.

Неудивительно, что в таких условиях важным становится и актуализация солидаристских практик правовой направленности как фиксирующей успешность россиян в достижении различных целей. Учитывая, что в обществе невелико количество людей (всего лишь 21 %), стремящихся занять высокое положение в обществе, а гораздо больше (78 %) – стать профессионалами⁹⁴, солидаристские практики правовой направленности имеют перспективу, так как могут послужить важным символическим капиталом, возмещающим материальные трудности и приобрести истинно демократический характер, так как не связаны с политическим карьеризмом и поддерживаются государством в обеспечении контроля и соблюдения правопорядка и законности.

Делая вывод о том, что 41 % хотели бы жить не так как другие, выделяясь из общей массы⁹⁵, понимаешь, что имеется в виду не богатство, власть или карьера, а способность к самореализации. Солидаристские практики правовой направленности дают возможность мобилизовать личностные ресурсы, действуя при поддержке общественных организаций и властных структур по принципу изменения действительности, а именно соблюдения прав и свобод личности. В этом смысле солидаристские практики повышают авторитет правовых институтов, интерпретируют их влияние как расширение коридора возможностей.

⁹³ Там же. С. 169.

⁹⁴ Там же. С. 178.

⁹⁵ Там же. С. 175.

Важным моментом является и то, что на уровне солидаристских практик правовой направленности наблюдается повышение авторитета институциональной системы в целом и важно то, что 52 % заявляют о необходимости бороться за свои интересы и права⁹⁶. Это является признаком социальной правовой компетентности, становления активных самостоятельных групп. Солидаристские практики правовой направленности проявляются более активно в больших городах, когда речь заходит о планах градостроительства, изменения тарифов на коммунальные услуги, защите экологии. Влияние правовых практик достаточно ощутимо, если иметь в виду, что встроенность в систему межэтнических отношений предполагает поддержку общества и государства, что на смену патернализму, понимаемому как позиция «я не могу выжить без поддержки государства» приходит осознание необходимости действовать во взаимоотношении с правовыми институтами.

Правовые практики отходят от конфронтационной модели, от предзаданности характеризовать политику федерального центра как направленную на поправление прав отдельных этнических групп. Память о недавнем историческом опыте депортации народов приводит часто к разыгрыванию популистской, опасной по последствиям карты. Однако, солидаристские практики правовой направленности дают возможность различать рецидивы прошлого и попытку за счет обыгрывания прав этноса разрушать российское правовое пространство. В то же время значимость правовых практик трудно переоценить в контексте многообразия общественных интересов, выражения различных позиций в контексте укрепления правового государства.

Анализируя такие факторы, как высокую социальную активность россиян, готовность к защите своих личных прав, нельзя не отметить определенный перекокс индивидуализма. 57 % россиян понимают свободу

⁹⁶ Там же. С. 176.

как возможность быть самому себе хозяином. И в этом есть риск неправовой свободы – игнорирование правовых норм как неэффективных, избыточных для реализации жизненных стратегий⁹⁷. Поэтому так важно через солидаристские практики привить чувство правовой культуры, трактовать свободу как содержащую выбор и правовую ответственность личности за свое поведение.

Современный вектор самореализации предполагает, что в рамках межэтнических отношений правовые институты должны восприниматься как инструмент целевого социального действия, так как защита прав и свобод личности не является индивидуальным достоянием, а имеет практическое воплощение, легитимируясь в обществе, если связана с освобождением от материальной зависимости. Вывод о том, что демократические (правовые) институты поддерживаются относительно благополучными слоями населения, можно признать достоверным при условии, что в российском обществе перевернута связь между правовыми и социальными установками, что в большей степени присутствует понимание прав как приложения к материальному благополучию.

Между тем анализ состояния межэтнических отношений, в которых принцип прав и свобод личности соблюдается как фундаментальный принцип национальной политики, указывает на необходимость рассматривать социальные правовые практики в контексте актуализации противоречий между светским и религиозным и в инкорпорировании правовых смыслов как необходимых для обеспечения ценностного единства и стабилизации социальной системы. Поэтому правовые практики, нацеленные на ненасильственное цивилизованное решение межэтнических проблем, воздвигают барьеры на пути терроризма,

⁹⁷ Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М.К. Изд. 1-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. С. 161.

насилия, оскорбления этнических и конфессиональных чувств отдельных групп населения.

Солидаристские практики социальной направленности отличаются от практик правовой направленности тем, что артикулируют социальные проблемы, в которых правовой аспект присутствует в качестве обеспечивающего условия. Данные практики, в отличие от практик правового уровня, зародились как деятельность инициативных групп граждан и лишены влияния официального дискурса. В нынешней ситуации значение этих практик определяется тем, что на их уровне фиксируется решение социальных проблем в контексте малых дел, что благодаря практикам социальной направленности в обществе поддерживается волонтерское движение, охватывающее 12 % россиян, развиваются общественные фонды содействия материнству и детству, молодежь приобщается к здоровому образу жизни.

Немаловажный вклад солидаристских практик социальной направленности состоит в том, что, по сравнению с правовыми, их влияние проявляется на уровне локальных общностей, совместного проживания людей различных культур и вероисповеданий. Важно подчеркнуть, что влияние солидаристских практик социальной направленности обусловлено таким субъективным фактором, как оценка россиянами изменения положения в различных сферах жизни российского общества, в частности, как позитивную социальную обстановку оценивают 33 % населения, а как напряженную – 53 %⁹⁸.

В корреляции с межнациональными отношениями мы видим предпочтение отрицательных оценок над позитивными, и в этом смысле солидаристские практики проигрывают. Как отмечалось выше, в оценке межэтнических отношений важны схемы восприятия, особенно под воздействием СМИ. Солидаристские практики актуализируются и фигурируют на уровне социальных сетей. В этом смысле СМИ уделяет им

⁹⁸ Там же. С. 15.

мало внимания. К сожалению, работает правило «чем больше негативных новостей, тем больше интерес к изданию».

Между тем, нуждаясь в информационной поддержке, солидаристские практики социальной направленности выявляют тенденцию снижения интереса к большой политике в рамках актуализации неполитического гражданского активизма⁹⁹. То, что для каждого девятого важным является возможность поучаствовать в конкретных делах, принести пользу, а 8 % отмечают возможность личностного роста и развития, возможность почувствовать себя свободным, которые дают им гражданские практики¹⁰⁰, имеет немаловажное значение. В обществе, несмотря на инертную массу, при формировании ядра активных граждан возможно возникновение широких движений, связанных с социальной солидарностью.

Также следует отметить, что для понимания солидаристских практик социальной направленности, которые основываются на социальной солидарности, этническая солидарность является не альтернативной, а дополняющей при условии, что границы между социальной и этнической солидарностью не определяются как безусловная альтернатива. Имеется в виду, что в рамках солидаристских практик диапазон проявления этничности достаточно широк, если связать с ними возрождение народных ремесел, реконструкцию инфраструктуры туризма, проведение профессиональных форумов и создание молодежных инновационных площадок.

Вероятно, актуальным является то, что, рассматривая солидаристские практики социальной направленности как наиболее удобную форму социального участия, компенсирующую интерес к большой политике и одновременно открывающую возможность

⁹⁹ Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир». Кн. 1. 2015. С. 153.

¹⁰⁰ Там же. С. 154.

приобщиться к ней в диалоге с властными структурами, в контексте межэтнических отношений можно говорить о постепенном замещении этнического дискурса гражданским. В этом смысле в обществе есть понимание безальтернативности целостности страны и общеисторической судьбы, и, главное, закрепление бесценного позитивного исторического опыта в актуальных практиках совместной активности. Речь не идет о возвращении к эпохе великих интернациональных строек, на современном этапе важным является формирование многонациональных коллективов, усвоение передового социального опыта на уровне регионов и республиканских образований.

Актуализация солидаристских практик социальной направленности связана с определением места социально-профессиональной, гражданской и этнической идентичности. Это далеко не праздный вопрос, так как М.К. Горшковым отмечалось, что в условиях утраты советской идентичности, чувства гражданина великой державы¹⁰¹, на первое место выдвинулась социально-профессиональная идентичность. Поэтому солидаристские практики, проявляясь прежде всего как групповые, связанные с социально-профессиональным статусом, обретали черты корпоративизма.

В качестве альтернативы выдвигалась этническая идентичность, которая закрепляла чувство малой родины, принадлежности к этносу в смысловом значении, замещающим большой советский народ. Как отмечает М.А. Васьков, в нынешних условиях существует важный конфликт между гражданской идентичностью и этнической идентичностью. Он отмечает, что данные виды идентичностей, несмотря на наличие формально отличающихся уровней социальной идентификации, претендуют практически на одну и ту же

¹⁰¹ Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М.К. Изд. 1-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. С. 188.

идентификационную нишу, и оба вида идентичностей могут стать основой для происходящих в городской среде коллективных действий¹⁰².

С позицией автора можно согласиться только отчасти, поскольку этническая идентичность, как правило, связана с сохранением и воспроизводством этнической диаспоры, национального землячества и имеет охранительный характер. Солидаристские практики социальной направленности ориентированы на то, чтобы этническая идентичность принимала характер гражданской, способствовала не столько укреплению, сколько расширению базы общественной жизни и порождала массовое ощущение того, что социальные совместные практики проводятся прежде всего в интересах массовых слоев населения.

Характерно, что солидаристские практики социальной направленности зародились в среде высокопрофессиональных слоев общества, «белых воротничков» с высшим образованием, той группы, в которой существует уверенность в будущем. Этническая идентичность постоянно нуждается в состоянии напряженности, чтобы подтвердить необходимость сопричастности этносу. Иными словами, в этнической идентичности если и есть предпосылки социальной направленности, то связаны они с разделением на «своих» и «чужих», с целью рассматривать общество как состоящее из различных этнических групп.

В качестве основной для солидаристских практик гражданская идентичность включает и социально-профессиональную, и этническую, вернее, социально-профессиональная идентичность становится замещающей по отношению к этнической и происходит самолегитимация гражданской идентичности, ее принятие как интегративной. Социально-профессиональная идентичность в большей степени определяет возможность участия в солидаристских практиках социальной

¹⁰² «Мир Кавказу». Результаты исследований и материалы всероссийского научного форума / Отв. Ред. А.В. Сериков. Ростов н/Д; Изд-во «Фонд науки и образования» 2014. С. 63.

направленности, поскольку соотносится с конкретным вкладом социально-профессиональной группы, задействованием ее социальных ресурсов.

М.К. Горшков отмечает, что в российском обществе идентичность складывалась не на основе идеологем, а ценностных систем и механизмов самоидентификации. В условиях, когда этническая и социально-профессиональная идентичность становятся таковыми, важно определить значение солидаристских практик как закрепляющих взаимовлияние идентичностей, снижение претензий на занятие одной и той же ниши и разведение в этнокультурной сфере и массовых социальных действиях. Речь идет о том, что в нынешних условиях для общества важна приверженность идеалу равных возможностей (75 % опрошенных)¹⁰³. Так как социально-профессиональная и этническая идентичность фиксируют различия, гражданская идентичность основывается на праве участия в совместных практиках и демократична, так как исходит из того, что при разности социальных ресурсов можно говорить о стремлении определенной социально-профессиональной группы быть социально полезной, служить обществу.

Можно согласиться с тем, что настоящая демократия требует не только эффективно функционирующих институтов, норм и правил, но и такой организации общественной жизни, которая бы позволяла каждому человеку выбирать жизненные стратегии в соответствии с собственными представлениями о том, что для него является важным: политика, семья, работа, творчество, досуг¹⁰⁴. В этих условиях важен выход демократии за рамки политической сферы, распространение ее принципов на корпоративный сектор жизнедеятельности общества.

В условиях, когда не получила распространения демократия соучастия, когда россияне испытывают тревоги по поводу уже

¹⁰³ Там же. С. 187.

¹⁰⁴ Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010. С. 156.

перечисленных социальных проблем, важно, что гражданская идентичность повышает уровень уверенности в будущем, переформатирует статус гражданина как участника работающей демократии. В этих условиях принципиально важно, чтобы у активной части населения был стимул для социально полезной деятельности.

Так как в нынешних условиях коридор институциональных возможностей становится уже, что снижает уровень трудовой мобильности, солидаристские практики социальной направленности предполагают широкое обсуждение всех более или менее важных для общества проблем¹⁰⁵. Дело в том, что речь идет не только о решении конкретных социальных и материальных проблем, но и стимулировании людей к общению, созданию предпосылок к выходу через групповую идентичность в рамках локальных сообществ на более широкие социальные и общественные институты¹⁰⁶.

Особое внимание уделяется институту местного самоуправления как наиболее доступной и непосредственной форме демократии. Солидаристские практики способствуют деэтнизации локального пространства и поэтому, как видно из исследований коллектива, возглавляемого Л.М. Дробижевой, критерии гражданской идентичности включают социальную активность и межгрупповое, межэтническое доверие. В частности, замер социокультурной дистанции по отношению к народам и конфессиям показал, что 89,2 % татар заявляют о близости по отношению к русским¹⁰⁷.

На динамику позитивного самочувствия влияют как малые дела, так и вовлечение населения в дискуссии, значимые в целом для локальной общности. Разумеется, государство, общая территория, историческая

¹⁰⁵ Там же. С. 158.

¹⁰⁶ Там же. С. 158.

¹⁰⁷ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 130.

судьба играют интегрирующую роль, закрепляя символическое измерение гражданской идентичности. В солидаристских практиках социальной направленности символический капитал конвертируется в социальный. Демократия участия как работающая демократия предполагает, что этническая идентичность как механизм самоидентификации не является препятствием, барьером на пути вовлечения в межэтническое общение. Одно дело, когда речь идет об интересах этноса по формуле «свои – чужие», другое – об интересах локальной общности или профессиональной группы, объединенной иными интегративными критериями, включающими в качестве условия межэтническое общение.

Характерно, что для понимания солидаристских практик как стимулируемых идеей работающей демократии, можно говорить о том, что, в отличие от большой политики, где межэтнические проблемы постоянно воспроизводятся на уровне урегулирования территориальных, экономических, правовых проблем, демократия участия демонстрирует высокую включенность в решение этих проблем и отдельных социально-профессиональных групп, и представителей различных социально-профессиональных групп. От групп одного требования солидаристские практики социальной направленности переходят к резонансному действию, увлекая на добровольной основе представителей различных групп к интерпретации собственных проблем как общезначимых, имеющих значение для других групп населения. Так, из движения автомобилистов или обманутых пайщиков и дольщиков жилищных пирамид может возникнуть организованный эффект при условии диалога с властными структурами, с обсуждением вариантов выхода из создавшихся проблем. Стихия в этом смысле замещается нормальной, включением правовых механизмов.

Таким образом, открывается путь новым социальным субъектам, влияющим на широкую политику, так как формируется определенное общественное восприятие и уровень доверия к властным и социальным

институтам, определяющим сферу межэтнических отношений как сферу социального общения. Иными словами, во-первых, солидаристские практики социальной направленности позволяют разгрузить национальную политику от искусственных или выдаваемых за этнические социальных проблем.

Во-вторых, можно говорить о том, что через солидаристские практики правовой и социальной направленности происходит закрепление способа совместной жизни, передача коммуникативного опыта и расширение общего пространства публичной политики.

3.2 Солидаристские практики в формировании стратегии государственной национальной политики Российской Федерации

Как отмечалось ранее, солидаристские практики, основываясь на гражданской самоидентификации, способствуют актуализации этнической и социально-профессиональной идентичности в пропорциях, необходимых для решения социально значимых проблем путем участия и обсуждения, привлечения представителей различных социально-профессиональных и этнических групп, составляющих российское общество. В этом смысле и социально-профессиональная, и этническая идентичность занимают собственные ниши в солидаристских практиках, способствуют социальной активности различных социально-профессиональных групп в зависимости от их мобилизованности и потенциала, и этнических групп на основе актуализации их исторического и хозяйственного опыта, многообразия культурных ценностей и традиций.

Стратегия национальной государственной политики Российской Федерации разработана в целях обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, сочетания

общегосударственных интересов и интересов народов России. Это важное положение в преамбуле стратегии национальной политики указывает на то, что национальная политика, регулирующая сферу межэтнических отношений, основывается на достижении баланса между единством и целостностью российского общества и сохранением этнокультурной самобытности ее народов.

В данном контексте социально солидаристские практики согласуются с приоритетами стратегии национальной политики, так как выражают общегосударственные интересы и интересы российских народов (этносов) как граждан. Что же касается этнокультурной самобытности, то речь идет о том, что в солидаристских практиках этнокультурная самобытность понимается не как свойство отдельных, нуждающихся в защите народов с уникальной культурой, а как культурные традиции и ценности, характеризующие ментальные и социальные практики этнических групп.

Рассматривая национальную политику как политику, связанную с культурным и языковым многообразием народов, можно говорить и о духовной общности, о едином историко-культурном наследии, едином культурно-цивилизационном коде. В представленной стратегии культурное разнообразие рассматривается как основа для межэтнического общения, для взаимопонимания народов России. Однако это положение не реализуется автоматически, а связано с актуализацией объективных и субъективных факторов. Речь идет о том, чтобы национальная политика переключилась с предупреждения этнической конфликтности на стимулирование межэтнического общения, в котором задействованы механизмы интегрирования лучших достижений народов России в единую российскую культуру.

Между тем, заслуживают внимания результаты исследования «Оценка населением Юга России характера межэтнических отношений в период реализации Стратегии национальной политики» под руководством

Г.С. Денисовой (2016 г.). Фиксируя, в целом, что отношения «хорошие» и люди не обращают внимания на национальность друг друга (средний показатель 26,5 %), следует подчеркнуть, что позитивная оценка отношений связана с их восприятием на публичном уровне, на том, что можно охарактеризовать как уровень социально-политической проблематики, то, что зависит от действий властных структур. Однако на межличностном уровне наблюдается параллелизм общения, преимущественно с представителями своей национальности, что признает каждый третий респондент. Из этого можно предположить, что сфера межэтнических отношений сужена публичным дискурсом, связана с показателями системной стабильности, но не затрагивает укрепление межэтнического согласия на коммуникативном уровне, на том, что формирует повседневные практики в обществе. Таким образом, ощущается дефицит совместных практик, способных переломить ситуацию межличностного отчуждения, которая может превращаться в межэтническую напряженность, интерпретируемую, как несовместимость поведенческих кодов, как следствие этнических отрицательных стереотипов¹⁰⁸.

Говоря об этом, следует отметить, что в рамках укрепления интеграционных процессов необходимое со стороны государства политическое и правовое воздействие может быть плодотворно дополнено влиянием солидаристских практик. Во-первых, солидаристские практики расширяют диапазон межэтнического общения, переводят из сферы высокой политики на повседневный уровень. Во-вторых, в рамках формирования общероссийского гражданского самосознания национальное согласие достигается за счет кропотливой, целеустремленной работы, направленной на реализацию совместных

¹⁰⁸ Денисова Г.С. Оценка населением Юга России характера межэтнических отношений в период реализации Стратегии национальной политики». Ростов- на- Дону: 2016 г.

действий по повышению экономического, социального, духовного, оборонного потенциала Российской Федерации.

Отмечая это обстоятельство, можно говорить о том, что в целом развитие межэтнических отношений в российском обществе включено в приоритеты общественного внимания и формирует общественные настроения россиян, но в форме озабоченности. Между тем наметился новый дискурс межэтнического общения, связанный как с укреплением единства общества под влиянием внешних вызовов и угроз, так и с тем, что перед российским обществом стоят задачи перевода экономики и социальной жизни в русло социокультурной модернизации. Солидаристские практики являются стартовыми площадками для развертывания интеграционных процессов.

Если в политико-правовой сфере этот процесс в основном завершен, то социальная сфера представляет собой наложение различных этнических пространств. И так как на уровень межнациональных, межэтнических отношений влияют такие негативные факторы, как высокий уровень социально-имущественного неравенства, регионально-экономической дифференциации, размывания традиционных нравственных ценностей народов Российской Федерации, правовой нигилизм и проявление этнодискриминации, следует отметить, что солидаристские практики, хотя и не проявились в той степени, чтобы говорить о преодолении негативных факторов, их влияние существенно, особенно когда речь идет об укреплении нравственных ценностей народов Российской Федерации, недопущении этнодискриминации.

В этом смысле, показательно, что источниками межэтнической напряженности респондентами в процессе регионального социологического исследования называются такие факторы, как несовместимые нормы и правила поведения представителей различных этнических групп (средний показатель 41,2 %), вызывающие формы бытового повседневного поведения молодежи (28, 9%), конкуренция за

рабочие места (26,2 %), доминирование этнической группы в определенной сфере занятости (19,3 %) ¹⁰⁹. Очевидно, что акцент на этнокультурное развитие имеет негативным следствием актуализацию культурной и поведенческой несовместимости, что осложняет политику наведения мостов между представителя различных этнических групп. Когда данные параметры воспринимаются, как предписанные, наследственные, социальные факторы, связанные с конкуренцией за рабочие места и доминирование в сфере занятости, ассоциируются с этническими притязаниями и теряют восприятие, как социальной проблемы. Поэтому в рамках солидаристских практик, где реализуется принцип меритократии, вклада социально профессиональных групп в преумножение общественных благ, конкуренция и занятость обретают иной смысл, основываются на том, чтобы деэтнизировать социальные и социально-трудовые отношения, предоставить этническим группам действовать в рамках социальной ресурсности, акцентировать социальную энергию на установление стандартов профессионализма и образования.

Для реализации солидаристских практик востребованы такие качества, как социальный активизм, социальная и правовая компетентность, гражданская ответственность. В предшествующий период влияние негативных факторов во многом связывалось с тем, что проблемы социально-имущественных диспропорций, духовного кризиса пытались преодолеть в одиночку, созданием кода этнонациональных ценностей, поведенческих кодов, закреплением традиций адата как традиций взаимопомощи. Но данные усилия, несмотря на достижение внешней стабильности, не стали рецептом от излечения болезней постреформенной России.

¹⁰⁹ Денисова Г.С. Оценка населением Юга России характера межэтнических отношений в период реализации Стратегии национальной политики». Ростов- на- Дону: 2016 г.

Поэтому в стратегии национальной политики указывается на то, что преодоление данных факторов связано с возникновением новых задач и приоритетных направлений, к которым можно отнести и солидаристские практики. Их легитимация возможна в тех сферах, где реализуется диалог властных структур и общества, где межэтнические отношения характеризуются высокой социальной напряженностью, формированием запроса на совместное участие. В этом смысле, как отмечалось ранее, российские граждане готовы принимать заинтересованное участие в разработке и регулировании межэтнических отношений, в реализации национальной политики.

Дело не идет о процедурах совещания с народом, а о том, чтобы суждения экспертов в сфере национальной политики, специалистов стали предметом публичного обсуждения, для того чтобы внести как необходимые позитивные изменения, так и корректировать задачи и цели национальной политики, а также предложить оптимальные способы достижения этих целей. Показательно, что стратегия национальной политики Российской Федерации предполагает, констатируя негативные факторы, достичь гармонизации межэтнических отношений на основе принципов единства, патриотизма и социальной справедливости. Судя по результатам регионального социологического исследования, респонденты согласны с тем, что на воспроизводство негативных факторов в межэтнических отношениях влияют некомпетентность и недостаточное внимание к вопросам межэтнических отношений органов власти (28,5 %). Такая позиция свидетельствует о том, что национальная политика, объектом которой является сфера межэтнических отношений, воспринимается в обществе как сфера ответственности властных институтов, что объяснимо в рамках доминирующего представления о межэтнических отношениях, как сфере согласования автономных этнических интересов, где в такой инструменталистской интерпретации трудно ожидать оценку респондентами ответственности самого населения

и гражданских ассоциаций, претендующих на представительство интересов определенных групп населения. Иными словами, претензии обращены преимущественно к властным структурам, в то время как межэтнические отношения не могут регулироваться исключительно на основе правовых и административных норм, они включают активность населения в рамках социальной солидарности.

Принимая во внимание сосредоточенность населения на этакратическом дискурсе, можно констатировать конструктивность солидаристских практик, утверждающих формулу взаимной ответственности власти и общества в межэтнических отношениях и легитимацию форм гражданского контроля за их состоянием. Респонденты признают, что на состояние межэтнических отношений действует негативно и влияние радикального ислама (22 %), но это как раз и является благоприятным условием для того, чтобы включать диапазон взаимодействия с властными структурами в создании режима неприятия этнического и конфессионального радикализма и, в рамках участия в формировании межэтнических отношений, предъявлять обоснованные претензии к власти по поводу некомпетентности или коррупционности принимаемых решений (26,5:25,3 %). Очевидно так же и то, что солидаристские практики учитывают тот факт, что в условиях сложной экономической ситуации и дефицита рабочих мест, когда возможен рост межэтнической конкуренции, социальная напряженность может конвертироваться в этническую, поэтому важным становится реализация проектов, связанных с социально инновационным сектором, с развитием регионального рынка труда и эффективностью экономической кооперации¹¹⁰.

¹¹⁰ Денисова Г.С. Оценка населением Юга России характера межэтнических отношений в период реализации Стратегии национальной политики». Ростов- на- Дону: 2016 г.

Это важный момент, совпадающий с ценностями и механизмами самоидентификации российского общества, так как чувство сопричастности к многонациональному народу России, приверженность принципа равных возможностей делают ясными приоритеты национальной политики. Гармонизация межэтнических отношений в этом контексте понимается как достижение сотрудничества, согласия этносов, населяющих Российскую Федерацию, в движении к реализации заявленных принципов.

Можно сказать, что солидаристские практики включают представителей различных этнических групп в зависимости от социально-профессиональной структуры в рамках сложившихся социально-профессиональных групп, территориальных особенностей, влияния традиции и ценностей. Иными словами, солидаристские практики не могут быть унифицированными и иметь одну и ту же организационную форму, так же как и способы рекрутирования в Москве, Санкт-Петербурге, Башкортостане или Кабардино-Балкарии.

Динамика оценки межэтнических отношений в российском обществе в основном отмечена оценкой «отношения остались на прежнем уровне». Это свидетельствует об относительной стабилизации, однако далекой от состояния гармонизации, поскольку лишь 9 % россиян полагают, что отношения стали более терпимыми¹¹¹. Речь идет не столько о налаживании сотрудничества и кооперации, сколько о дистанцированном, но неконфликтном отношении к представителям других национальностей.

Таким образом, можно констатировать, что солидаристские практики имеют позитивную направленность в том, чтобы этническое не превратилось в национальное, и проблемы, связанные с трудоустройством, карьерным ростом, справедливым судебным решением, не

¹¹¹ Добрынина Е. Нелюбовь / Российская газета. 24.05.2010 г. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2010/05/24/socio-site.html> (дата обращения: 03.05.2015).

воспринимались как свидетельство этнической дискриминации или необоснованных этнических льгот, не стимулировали запрос на неограниченный этнический суверенитет, связанный с тем, чтобы реализовать формулу превосходства «титულიной» нации. Солидаристские практики сильны тем, что содержат неформальные нормы, действуя как алгоритмы взаимного доверия людей в социальных и социально-трудовых отношениях, что важно для закрепления формальных, правовых практик, нейтрализующих этнопредставительство, как институт социальной мобилизации и социальной мобильности.

Характерно, что в оценке межэтнических отношений сформировалась иерархия симпатий к народам России: лишь каждый десятый респондент одинаково относится ко всем и не отдает предпочтения ни одной национальности, что является наиболее благоприятным для развития солидаристских практик, а треть граждан не обнаруживает достаточной компетентности в этом вопросе, полагает, что межнациональные отношения являются проблемными в российском обществе, исходя из стандартного восприятия, руководствуясь опытом негативной ситуации позднеперестроечного и раннего постсоветского периодов.

Можно полагать, что в этом контексте приоритеты межнациональной политики включают равноправие и самоопределение народов России как условия включения в солидаристские практики, в реализацию демократии участия. Не следует преувеличивать раскол российского общества в национальном отношении. Более точным можно считать следующее определение: российское общество имеет локальные очаги межэтнической напряженности, которые часто стимулируются не этническими, а социальными причинами, ошибками на уровне местного и регионального управления. В этом смысле межэтнические отношения требуют гражданского согласия, консенсуса единодушия, согласованности между различными силами общества, потому что вне достижения данного

условия сложно говорить о гармонизации межэтнических отношений как сферы государственной политики, деятельности властных институтов.

Поэтому солидаристским практикам отводится роль формирования субъективных предпосылок гармонизации межэтнических отношений. Практики толерантности явно недостаточны, потому что в российском обществе существует накопленный опыт межэтнического согласия, но в изменившихся условиях, в новых социально-экономических реальностях, жизненных стратегиях, связанных с достиженческой мотивацией, актуальным становится уважение национального достоинства граждан и предотвращение этнодискриминации через стимулирование социальной активности, через социальную ответственность, через договор общества и элит, через ответственность СМИ за недопущение дискурса межэтнической вражды.

Характерно, что, хотя и существует симпатия к отдельным народам (5 % признали симпатию к славянским народам, по 2 % выделили «кавказ» и татар)¹¹², основным мейнстримом межэтнических отношений является оценка личности не по этническому происхождению, а по социальным, деловым и нравственным качествам. Это важная предпосылка, чтобы данная гражданская установка реализовалась в межэтнических отношениях. Иными словами, солидаристские практики нацелены на то, чтобы при институциональном повороте к гражданской идентичности обеспечить взаимоуважение обычаев и традиций народов России, то есть зафиксировать этническое в культурной сфере, тем самым расширяя возможности акцентации на собственно этнических, социальных проблемах, которые могут интерпретироваться как последствия этнокультурной дистанцированности, обособленности народов.

¹¹² «Мир Кавказу». Результаты исследований и материалы всероссийского научного форума / Отв. Ред. А.В. Сериков. Ростов н/Д; Изд-во «Фонд науки и образования» 2014. С. 233.

Рассматривая отношение россиян к народам, населяющим Россию, можно сказать, что существует две точки взаимодействия: во-первых, россияне ощущают зависимость своей жизни от того, как идут дела в российском государстве, и, следовательно, укрепление государственности является одним из направлений совместных практик; во-вторых, важно, в какой степени реализуются принципы правового равенства и социальной справедливости.

Отмечая в качестве задач по совершенствованию государственного управления в сфере государственно-национальной политики объединение усилий государственных и муниципальных органов, институтов гражданского общества для укрепления единства российского народа, достижения межнационального мира и согласия, можно констатировать, что солидаристские практики на низовом уровне влияют на систему муниципального управления, делая ее реальной формой демократии и участия. Также можно отметить тенденцию реформирования институтов гражданского общества как субъектов солидаристских практик. Не случайно, что лидирующая роль ОНФ в этом процессе как раз обусловлена тем, что определен переход от гражданских структур, действующих в оппозиции к власти, демонстрирующих дистанцированность от власти с критических позиций, в режим постоянного сотрудничества, совместного мониторинга межэтнических отношений.

В этом смысле показательна роль гражданских форумов, в частности проводимых на юге России, таких как «Мир Кавказа», где дается и научная, и социологическая экспертиза состоянию межэтнических отношений, определяются границы опыта взаимодействия этносов и противодействие экстремизму и межэтнической ксенофобии. Можно говорить о том, что в рамках консолидации и самоидентификации народов России важным становится формирование гражданского патриотизма. Таким образом, рассматривая и принимая в расчет этнонациональную

структуру российского общества, следует учитывать социокультурные различия, характер межличностного взаимодействия, социокультурные особенности, определяющие социально-профессиональную ориентацию. Так, в частности, по поводу Северного Кавказа можно говорить о групповой солидарности предпринимателей, ориентации на сферу услуг и торговли¹¹³.

Между тем, динамика межэтнических отношений в Российской Федерации показывает возможности преодоления инвариантности межэтнической конфликтности как, якобы, производной от состояния социально-экономической и политической ситуации. То, что межэтнические отношения обостряются в условиях социально-экономического кризиса, свидетельствует о том, что межэтнические отношения являются проекцией социальных проблем, их актуализации в форме межэтнических разногласий. Иначе говоря, социальная проблематизация межэтнических проблем предполагает признания социально ориентированными российские общественные организации, осуществляющие деятельность в сфере межэтнического сотрудничества.

Этот важный вывод позволяет надеяться на то, что субъекты солидаристских практик через структуру гражданских и социальных ассоциаций способны оказывать влияние в таких направлениях, как развитие межэтнического общения, координация деятельности различных государственных (властных) и социальных институтов при реализации государственной национальной политики, в акциях, направленных на укрепление единства многонационального народа России, российской нации. Вероятность принятия закона о российской нации как интегративного правового акта является результатом признания

¹¹³ «Мир Кавказу». Результаты исследований и материалы всероссийского научного форума / Отв. Ред. А.В. Сериков. Ростов н/Д; Изд-во «Фонд науки и образования» 2014. С. 27.

гражданской солидарности российского общества, которая переводит этнические различия в сферу согласования социальных интересов.

Локальные очаги межэтнического напряжения, присутствующие на территории Российской Федерации, формируются под влиянием локализации социального пространства, замещения этническим, и пространственная эволюция солидаристских практик становится компромиссным вариантом в рамках урегулирования межэтнических отношений. Характерно, что, учитывая контекст межэтнического взаимодействия, можно говорить о трансформации межэтнических отношений в отношения социальной взаимозависимости, в диалоговые коммуникации. Для этого есть определенная почва: когда базовым критерием самоидентификации становится гражданская идентичность, ее придерживается подавляющее большинство россиян (85 %), межэтнические отношения характеризуются новым дискурсом, связанным с переходом от модели дружбы и национального согласия к модели национального единства российского общества.

Разумеется, ставя такие цели, нужно говорить о последовательности в решении задач национальной политики, ее достаточном организационном и информационном обеспечении. Поэтому так важно, чтобы в центре общественного внимания оказалась деятельность организаций, выступающих за взаимоотношения государства и гражданского общества. Как показывают исследования ИС РАН, россияне положительно восприняли такие исторические акции, как воссоединение Крыма с Россией (77 %), проведение зимней олимпиады в Сочи (73 %), создание евразийского экономического союза (73 %) ¹¹⁴, очевидно, что такие акции имеют и символический характер для интеграции российского

¹¹⁴ Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир». Кн. 1. 2015. С. 102.

общества, предоставляют возможность почувствовать принадлежность к единому российскому народу, испытать гордость за свою страну.

Вместе с тем, признавая консолидирующее влияние мегапроектов, национальная политика сосредоточена на повседневной последовательной реализации идеи сотрудничества и согласия российских народов, учитывает многообразие культурных укладов жизни и создание благоприятных условий для экономического и социального развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Можно сказать, что укрепление российской государственности, безусловно, является позитивным вкладом в формирование гражданской (политической) нации. Как проявление небывалой консолидации, эти события реально воплощаются в социальных инициативах, связанных с тем, чтобы Крым, вернувшийся в лоно России, стал зоной применения солидаристских практик. Следует использовать опыт добровольных движений, представители которых в начале 2000-х годов работали в республиках Северного Кавказа, испытывавших влияние локальных конфликтов, в качестве учителей, врачей, культурных организаторов.

Важно, что был сделан задел для стабилизации межэтнических отношений, для нейтрализации последствий социальных травм, вызванных межэтнической напряженностью и конфликтностью. Вероятно, следует еще раз присмотреться к роли миротворческих миссий, использующих элементы традиционной культуры. Несмотря на то, что российские этносы, модернизируясь, часто теряют этнические традиции, в целом соотношение позитивных и негативных оценок в модернизации этносов свидетельствует о том, что следует считаться с такими реалиями, как социальная активность молодежи, использование и актуализация конфессионального фактора для обоснования этнокультурных установок, противоречивости общественных настроений, которые часто не поддаются однозначному определению.

Важно также отметить рост доверия к солидаристским практикам, демонстрирующим возможности и границы демократии участия в рамках совершенствования системы муниципального управления, оптимального использования накопленного научно-технического и кадрового потенциала. Сложившаяся структура солидаристских практик показывает, что рост доверия к результатам деятельности различных групп социальной инициативы можно рассматривать как важный фактор взаимоотношений общества и власти, совокупности представлений, отображающих понимание российским обществом ценностей демократии включенных в непосредственную жизнь россиян и оказывающих позитивный эффект на урегулирование сложных социальных проблем.

Солидаристские практики расширяют возможности социальных лифтов в ситуации, когда такой традиционный социальный лифт, как образование, работает слабо. Для участников солидаристских практик, имеющих высокий образовательный статус, важным становится динамика удовлетворенности собственной жизнью, осознание принадлежности к социально полезным делам и через солидаристские практики расширение профессионального и гражданского кругозора. Это позитивно влияет на национальную политику, практически реализуя социальные и трудовые права россиян, гармонизируя межнациональные отношения, когда ослабление восходящей социальной мобильности может вызвать рост этнических предубеждений, практик этнической изоляции как следствие неудовлетворенности сужением коридоров личностных возможностей.

Наконец, что касается восприятия солидаристских практик как практик участия в национальной политике, то для них характерен мониторинг межэтнической ситуации, сфокусированность сил на направлениях, которые могут вызвать очаги межэтнической напряженности. Говоря об этом, следует подчеркнуть, что в целом россияне скорее готовы поддержать власть в случае конфликта с

политической оппозицией (72 %).¹¹⁵ Но под этим нужно понимать не пассивную поддержку, а проведение конкретных социальных акций, которые укрепляют и общество, и власть.

Очевидно, что властные институты пытаются учитывать идейно-политические предпочтения россиян в выстраивании своего отношения с обществом, в том числе и в межэтническом пространстве. Реакцией на запрос общества в межнациональном мире можно считать начало реализации концепта российской общеполитической нации, опирающейся и на собственные силы, и на возможности, предоставляемые государством. По существу, для российского общества, как отмечалось, демократия участия и является реальной демократией, сферой, в которой общество может выразить свое отношение и оценку деятельности власти и показать то, в каких рамках возможно формирование диалога между властью и обществом.

Характерно, что социальное участие связано с возможностью защитить свои права, то есть выявить личностный аспект, личную заинтересованность на личностном уровне и стремление сделать мир лучше на социальном макроуровне. Национальная политика в этом смысле является входом в большую политику через совершенствование существующего социального порядка, улучшение качества жизни, включая сохранение природы и культуры¹¹⁶.

Иными словами, в отличие от политических движений, которые нацелены на изменение социального порядка и в этом смысле содержат риск дестабилизации межэтнических отношений, потому что могут быть задействованы деструктивные силы, использующие этнический фактор, в солидаристских практиках, связанных с позитивной оценкой гражданской активности, слабо проявляются карьерные ожидания (об этом говорят

¹¹⁵ Там же. С. 122.

¹¹⁶ Яницкий О.Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива / Яницкий О.Н. М.: Новый Хронограф, 2013. С.76–77.

меньше 1 % респондентов)¹¹⁷. Солидаристские практики можно назвать бескорыстными, не ориентированными на извлечение материальной или политической выгоды. Выгода для их участников состоит в том, чтобы сделать российское общество стабильным, а действия власти предсказуемыми и реагирующими на общественную позицию.

В условиях развития интернет-технологий, что можно охарактеризовать как коммуникативный аспект демократии, важным представляется, что в рамках формирования национальной политики следует учитывать опыт и авторитет социальных ассоциаций как субъектов солидаристских практик. Поэтому так важно участие волонтерских движений, экологических, благотворительных организаций, интернет-сообществ. Несмотря на рассуждения о возрастании этноконфессионального фактора, религиозные организации представлены слабее; также теряют влияние такие структуры, как профсоюзы.

Очевидно, что при выстраивании эффективной модели национальной политики следует учитывать не показатели, связанные с демонстрацией этноконфессиональности, а то, каким образом в конкретных действиях реализуется данный фактор. Например, волонтерские инициативы в этом смысле выигрывают, так как не связаны с издержками конфессиональных и этнических различий. Общественный приоритет приобретают организации, исповедующие принцип мира, согласия и совместного действия вне различий. Отмечая конструктивную деятельность религиозных организаций в сфере духовного воспитания молодого поколения, установления межнационального мира, помощи социально обездоленным слоям населения, необходимо говорить о том, что именно солидаристские практики выступают триггером многих общественных инициатив и подготавливают смену кадров и сфере национальной политики.

¹¹⁷ Там же. С. 154.

Таким образом, формируется благоприятный социальный фон для реализации задач национальной политики. Отмечая развитие волонтерского добровольческого движения в сфере сохранения культурного наследия, признается, что собственная этнокультурная сфера не может быть сферой сугубо этнических кадров, что межэтническое общение вырастает из взаимоузнавания, взаимопонимания культур, поддержки различных форм социального активизма. Важно, что в процессе совместных практик происходит повышение знаний об истории и культуре народов Российской Федерации, преодолеваются межэтнические предрассудки и предубеждения.

Актуальным представляется прослеживание динамики равномерного охвата российской территории солидаристскими практиками, чтобы при формировании вертикально интегрированной структуры были задействованы в межэтническом пространстве горизонтальные социальные связи. Это необходимо для того, чтобы социальные инициативы развивались снизу, шли от групп заинтересованных граждан. Только в этом случае укрепляется гордость за историю нашей страны, уважение духовных и нравственных ценностей народов России.

Разумеется, солидаристские практики не могут подменить деятельность образовательных структур, но их влияние важно потому, что в системе образования, просвещения программы межнационального образования, воспитания уважения к культуре других народов должны закрепляться не только на уровне развития культурного туризма, ознакомления с памятниками, традициями и культурой народов России, но и через различные формы совместного участия в межэтническом пространстве. Если обратиться к уже отмеченному опыту налаживания межэтнического доверия на Северном Кавказе в начале 2000-х годов, следует извлечь важный урок, связанный с тем, что солидаристские практики не могут уйти от этой деятельности, уступив эстафету государственным структурам.

Наиболее плодотворным является постоянный диалог общества и власти в реализации практик межнационального согласия, стимулировании в республиканском дискурсе открытости этнических отношений через поощрение массовых патриотических акций, закрепление в регионах площадок межэтнического сотрудничества. В этом отношении важно определить, что интерес к межэтнической проблеме может конвертироваться из тревожного в позитивный как к проблеме, включающей гражданскую активность и не являющейся уделом только этнопредставительских структур.

Отмечая, что солидаристские практики влияют на реализацию задач национальной политики, на совершенствование системы мониторинга и планирования, следует учитывать, что в рамках солидаристских практик уже есть задел, а именно участие Общественной палаты Российской Федерации (региональных общественных палат) в подготовке управленческих решений в сфере государственно-национальной политики, также как и усиление роли Общественных советов при государственных и муниципальных органах по деятельности по повышению общероссийского гражданского сознания, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений.

Понимая, что важным является поддержка деятельности межнациональных общественных объединений как субъектов солидаристских практик следует говорить о том, что национальная политика встраивается в конфигурацию государственной структуры: социальные ассоциации – институты этнического представительства. В этом смысле практика показывает, что между этими структурами нет жесткого водораздела, что заметно актуализировались пограничные формы

активизма, политические по объекту приложения этой активности, но самодеятельные по способам ее реализации¹¹⁸.

Важно, что национальная политика, таким образом, становится зоной гражданской ответственности, что развитие этнокультурной инфраструктуры связано и с решением задач национально-государственной политики, и с расширением возможностей солидаристских практик. Таким образом, для солидаристских практик открывается поле приложения сил и в сфере реализации социальных, образовательных, культурно-исторических проектов. Как позитивное следствие можно рассматривать то, что через систему волонтерского участия, культурно-исторический и экологический туризм, через включение волонтерских движений в деятельность органов местного самоуправления создается единое пространство гражданской активности, направленной на расширение механизмов реализации государственной национальной политики.

Как отмечалось ранее, приоритетными становятся ее позитивные аспекты, связанные с формированием пространства межнационального (межэтнического) мира и согласия. Преодоление негативных факторов связывается не только с противодействием экстремизму в сфере межэтнических отношений, – основной целью является формирование позитивных альтернатив активности в этническом пространстве, которое становится открытым для общественного влияния. С этой точки зрения возрастает интенсивность участия, когда проблемы межнациональных отношений интерпретируются как проблемы, имеющие позитивное измерение. В общественном сознании утверждается восприятие этнического своеобразия как мобилизационного фактора российского общества, как фактора поддержки солидаристских инициатив.

¹¹⁸ Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир». Кн. 2. 2015. С. 157.

По поводу форм общественного участия следует сказать, что благодаря социальным инициативам вырастает поколение лидеров, способных рассматривать сферу межэтнических отношений для формирования общегражданских, а не чисто этнических инициатив. Иными словами, этнический капитал перестает быть карьерным ресурсом, особенно в политической сфере. Оставаясь уровнем высокой политики, национальная политика трансформируется, охватывая социальные мезо- и микроуровни. Очевидно, что формула участия в национальной политике, хотя и носит хаотичный, спорадический характер, имеет перспективы в реализации через устойчивую сеть взаимодействия социальных ассоциаций и властных структур.

Так как солидаристские практики включают гражданскую активность в качестве триггера целенаправленного действия, для реализации целей национальной политики следует переходить от модели локальных инициатив, что можно охарактеризовать как накопленный опыт гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений, к включению солидаристских практик как определяющих участие граждан в осуществлении национальной политики.

Характерно, что солидаристские практики снижают значимость организационных инициатив, утверждают новые структуры, занятые разработкой национальной политики и делают их менее затратными. Разумеется, никто не говорит о возрождении экспертизы на общественных началах. В контексте совершенствования национальной политики важно поднять доверие к общественным и политическим институтам, разрабатывающим принципы и приоритеты национальной политики. Считая неоспоримой ценностью национальный мир и согласие в российском обществе, можно представить отношение россиян к национальной политике как политике, обеспечивающей и целостность, и безопасность страны, а также влияющей на реализацию жизненных планов, на социальное самочувствие и социальное благосостояние.

Сравнение отношения к национальной политике и ее восприятию «на местах» показывает различие символического и социального восприятия. Можно сказать, что, поддерживая символический фактор национальной политики как интегрирующий российское общество, россияне разочарованы или неудовлетворены результатами национальной политики. Речь идет о том, что для российского общества национальная политика является одним из измерителей социальной жизни, влияющих на уровень социального самочувствия. Можно вывести корреляцию между частотой межэтнических конфликтов, интенсивностью межэтнического напряжения и удовлетворенностью социальной и политической ситуацией.

Как известно, национальная политика – это не просто статичный набор некоторых приоритетов и процедур: ее развитие, укоренение в систему общественных отношений дает примеры дрейфа и в сторону централизации, и децентрализации. Национальная политика до сих пор остается, если воспользоваться выражением российских социологов¹¹⁹, зоной управляемого согласия. Вероятно, сказывается опыт прошедшего периода, когда стало ясно, что национальную политику нельзя пускать на самотек, что фактор стихийности продуцирует деструктивные последствия.

Для российского общества важно, чтобы национальная политика включала социальные ассоциации ответственных субъектов политической национальной политики как равных партнеров, влияние и значение которых сравнимо с позициями республиканских элит. Пока не происходит расширения состава участников национальной политики, трудно ожидать одновременно и ее эффективного функционирования, и способности к саморазвитию и самосовершенствованию. Удивительно, что действует правило позитивных ожиданий от реализации приоритетов национальной политики, поскольку для россиян ее ключевыми слоганами являются ответственность государственных институтов, мониторинг

¹¹⁹ Там же. С. 155.

межэтнических отношений и, как выясняется, действия профилактических, предупреждающих мер против нарастания экстремизма в межэтнических отношениях.

При том, что национальная политика считается сферой ответственности государства, прослеживается корреляция между интересом национальной политики и отношением общества к ситуации в стране в целом. Разумеется, довольные состоянием национальной политики составляют меньшинство (13 – 14 %), а для большинства национальная политика характеризуется застоем, воспроизводством проблемных ситуаций или связана с рисками ее обострения. Учитывая тот факт, что российское общество настороженно относится к возможностям повторения сценария Советского Союза и негативно воспринимает движения, связанные с национальным возрождением, которые под видом культурных автономистских целей, а также расширения суверенитета для этносов могут создать ситуацию дезинтеграции, выпадения отдельных этнических территорий из единого пространства, можно сказать, что в заслугу нынешнего руководства страны ставится выполнение сложной задачи по сохранению ее единства и целостности.

В общественных настроениях это выгодно отличается от ситуации парадов суверенитетов 90-х годов. Вместе с тем не следует обольщаться по поводу стабилизации общественных оценок национальной политики. Очевидно, что эта тенденция просматривается и в позициях высшего политического руководства страны, направленных на то, чтобы перейти от концепции многонациональности к формату единой российской нации. Предвидя скептицизм относительно повторения опыта создания многонационального советского народа, делаем упор на сочетание процессов централизации и децентрализации, распределение ответственности между политическими элитами и, главное, включение солидаристских практик, основываясь на то опыте в других сферах общественной жизни.

Можно, во-первых, отметить, что важно, чтобы население страны поверило, что современная Россия – успешная страна, что стабильность в межэтнических отношениях является долговременной стратегией¹²⁰. Безусловным достижением можно считать создание путинского большинства, то есть массовой базы поддержки для изменений национальной политики, для того, чтобы национальная политика воспринималась обществом как позитивная сфера общественного внимания. В таком случае актуальным становится гражданский патриотизм, использующий сложившиеся механизмы демократии участия.

Во-вторых, в связи с этим необходимо говорить о перспективе освобождения национальной политики от влияния групп интересов и приобретении ею качества гражданской солидарности.

Резюмируя, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, солидаристские практики, если исходить из вектора влияния на систему межэтнических отношений, различаются по социальной и правовой направленности. Практики правовой направленности ориентированы на закрепление правовых инициатив, связанных с формированием российской (политической) нации и преодолением негативных факторов этноотчужденности и этносепаратизма. Практики социальной направленности характеризуются включением представителей российских этносов в совместные социальные проекты в различных сферах общественной и экономической жизни, что определяется переходом от локальных социальных инициатив к формированию системы горизонтальных социальных отношений, реализующих сотрудничество в сфере межэтнических отношений.

Важно также отметить, что в солидаристских практиках основной вектор влияния на межэтнические отношения состоит в том, чтобы

¹²⁰ Там же. С. 118.

определить границы межэтнического взаимодействия на основе конкуренции и сотрудничества в сфере социально значимых проектов, особенно на локальном уровне, где возможности реализации солидаристских практик многообещающие. Это подтверждается тем, что солидаристские практики наиболее эффективно проявляются в сетевых структурах, группах социальной инициативы, социальной взаимопомощи, социального волонтерства. Можно констатировать, что интеграция солидаристских практик в сферу межэтнических отношений связана с формированием многонационального «ядра», реализующего код межэтнического сотрудничества и самоопределение этносов на основе общегражданской доминанты. В обращении к солидаристским практикам отчетливо видна исчерпанность идеологем, направленных на апелляцию и к государственничеству и к включению этнических чувств для формирования позитивной идентичности, символической, как формула единства российского народа, и социально ориентированной, как ответственность за положение дел в стране.

Во-вторых, солидаристские практики влияют на реализацию стратегии государственной национальной политики путем актуализации дискуссии о сближении и интеграции российских народов (этносов), создания площадок общественной правовой инициативы, реализации формулы демократии участия на уровне местного самоуправления, социальных и гражданских ассоциаций, изменения общественных настроений в понимании межэтнических отношений как конструктивных, ориентированных на межнациональное согласие и сотрудничество в рамках реализации как цели-идеала гражданской солидарности в российском обществе. Полиэтничность и поликультурность российского общества определяют совместные действия акторов межэтнических отношений на основе и известных конституционных принципов демократии и федерализма, и включения механизмов гражданского патриотизма и социальной справедливости. Это означает, что в контексте

солидаристских практик приоритеты политики в сфере межэтнических отношений переносятся в сферу социального взаимодействия, позиционирования этносов, как социокультурных сообществ, формирующих общие дискурсивные пространства российской идентичности, использования солидаристских практик, как схем консолидации российской нации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Актуальность темы исследования несомненна, так как межнациональные (межэтнические) отношения остаются зоной внимания российского общества, воспроизводятся в числе значимых общественных проблем. Россия как многонациональное государство, как культурно-цивилизационное пространство, включающее исторический опыт, традиции различных этносов, объединенных исторической судьбой и общим государством, включает представителей различных этнических групп, имеющих собственный культурный код, что определяет, с одной стороны, символический капитал российского общества как общества этнического разнообразия, с другой – содержит риски межэтнической напряженности и межэтнических конфликтов. Поэтому национальная политика является важнейшей сферой государственной деятельности, направленной на обеспечение целостности, единства и безопасности российского государства и реализацию прав личности на этническое и этнокультурное своеобразие.

В рамках предпринятого диссертационного исследования важным становится диагноз нынешнего состояния межэтнических отношений и расстановки приоритетов национальной политики. Поэтому диссертационное исследование, посвященное роли солидаристских практик в системе межэтнических отношений, включает смежный анализ проблем, которые только на внешний взгляд расходятся, но взаимно коррелируют, действуют в социальном пространстве российского общества. Речь идет о том, что солидаристские практики как совместные практики, направленные на достижение общего блага, социальной полезности и социального блага, являются относительно новой реальностью российского общества, но в них проявляются такие качества, как гражданская идентичность и гражданский солидаризм.

Иными словами, российское общество перешло к новой формуле социальной активности, связанной с диалогом общества и государства на основе установления консенсуса законности, стабильности и правопорядка. В этом контексте межэтнические отношения притягивают исследовательское внимание, поскольку в них концентрируются социальные проблемы российского общества. Поскольку этническая идентичность и этническая солидарность могут представляться альтернативами солидаристским практикам, они представляют собой перевод этнического представительства в сферу социальных интересов и ожиданий.

Исходя из аналитического и объяснительного потенциала структурно-деятельностного подхода, определяющего задачу исследования в рамках выявления объективных и субъективных параметров солидаристских практик, социального поля и социального габитуса, связанных с социально-профессиональным позиционированием и с установками в различных сферах общественной жизни, используется анализ межэтнических отношений как имеющих выход на социальную стратификацию российского общества, на формирование институциональной системы и влияние на социальную активность россиян. В этом контексте в исследовании отмечается, что структурно-деятельностный подход связан с анализом динамики межэтнических отношений, несмотря на кажущуюся инвариантность определения того, что является новыми параметрами и новыми трендами, требующими обновления принципов, способов и задач национальной политики.

В исследовании выявлено, что солидаристские практики основываются на социально-профессиональном статусе и обретают гражданскую идентичность, если социальный и профессиональный капиталы конвертируются в репутационный, связанный с легитимацией социальных притязаний в контексте деятельности по достижению социального блага, изменений, которые являются позитивными для

большинства населения. Характеризуя сферу межэтнических отношений как испытывающую влияние этноориентированных практик и институтов этнического представительства, делаем вывод: этноориентированные практики имеют социальную направленность, но связаны с реализацией частных интересов.

Не оспаривая позитивную направленность этноориентированных практик на сохранение традиций, языка и культуры, сделаем акцент на том, что язык межэтнических отношений может использоваться для интерпретации позиций групп интересов, а этнический ресурс – для социальной мобилизации. В рамках исследования определяется, что солидаристские практики как деятельность практических групп, готовых к осознанию собственных интересов и к реализации общезначимых целей, выводят российское общество на уровень социального солидаризма.

Учитывая, что в России гражданское общество невозможно без диалога с государством, отмечается безальтернативность поддержки (финансовой, правовой) со стороны государства общественных добровольных инициатив. Обосновывается тезис о том, что солидаристские практики в контексте их расширения, включения новой социальной проблематики влияют на межнациональные (межэтнические) отношения. В частности, речь идет о том, что внимание субъектов солидаристских практик переключается на работу по налаживанию горизонтальных социальных связей между этносами Российской Федерации, что, действуя в рамках локальной инициативы, можно ожидать получение эффекта распространения в регионах России с различной этнической спецификой.

В этом смысле солидаристские практики становятся участниками включения в традиционно этническое пространство сферы языка, культуры. Имеется в виду, что для общества необходимыми становятся дискуссии по поводу введения проблем межэтнических отношений в

публичный дискурс, переход с языка вражды и недомолвок на коммуникации согласия и сотрудничества.

Сложность перехода заключается в том, что этнические различия, относящиеся к области культуры, переквалифицируются в социальные, претендуют на вхождение в сферу большой политики путем давления на государственные структуры. В этом смысле солидаристские практики могут стать демпфером между большой политикой и этноориентированными практиками, так как переформатируют этнические требования на язык диалога с властными структурами.

Также в диссертационном исследовании отмечается, что солидаристские практики привлекательны для представителей различных этнических этносов расширением коридора возможностей в контексте реализации жизненных стратегий и карьерных ожиданий. В качестве фактора, влияющего на национальную политику, солидаристские практики означают реализацию формулы участия, привлечения в качестве субъектов национальной политики социальных ассоциаций.

Реализуя солидаристские практики социальной и правовой направленности, субъекты солидаристских практик рекрутируют новый кадровый потенциал национальной политики, делают более эффективным мониторинг межэтнических отношений и определяют перспективу перехода к российской (политической) нации.

Обобщающим результатом диссертационного исследования можно следующее: солидаристские практики включены в систему межэтнических отношений как практики совместного действия, направленные на укрепление российской государственности и достижение социальной стабильности в российском обществе. В этом измерении солидаристские практики определяют сферу национальной политики как реализацию формулы демократии участия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации. Ростов н/Д : Феникс, 2004. 64 с.
2. Конституция Российской Федерации. Серия: Законы и кодексы. М., Издательство: Эксмо, 2016. 32 с.
3. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология / Р.Г. Абдулатипов. СПб: Питер, 2004. 320 с. (Серия Учебное пособие).
4. Абдулкаримов Г. Теоретические проблемы актуальной этнополитики в России: Этносоциология модернизации современной России. М.: Весь Мир, 2008. 331 с.
5. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, 2001. 267 с.
6. Айдаева Н.М. Теоретико-правовые проблемы регулирования межнациональных отношений : монография / Н. М. Айдаева, К. Г. Гусаева. Махачкала: Издат. дом «Наука плюс», 2006. 130 с.
7. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А.Кошелева. М.: Искусство, 1995. 526 с.
8. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. 366 с.
9. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
10. Андреева Л.А. Религия и власть в России: Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России / Андреева Л.А. М.: Ладомир, 2001. 253 с.
11. Арутюнова Е.М. Общественно-политическое участие и консолидация общества в полиэтнических российских регионах // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 2. С. 91–106.

12. Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций: По материалам этносоциологических исследований / Юрий Варганович Арутюнян; РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. 207 с.
13. Баранов С.Д., Конов Д.В. Русская нация. Современный портрет. «Миттель Пресс». Москва, 2009. 536 с.
14. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: "Медиум", 1995. 323 с.
15. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты, по психологии войны и национальности. М.: Мысль, 1990. С. 7–9.
16. Бирюков Н.И. Соборность как религиозный и политический идеал // Философские науки. 2005. № 6. С. 5–7.
17. Бондарев Н.К. Новая соборная доктрина / Н.К. Бондарев. М.: Компания Спутник+, 2007. 78 с.
18. Бредникова О., Паченков О. «Этническое предпринимательство» мигрантов и мифы мультикультурализма // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 155–161.
19. Брилл М., Семенова И. Язык и этнический конфликт. М.: Гендаль, 2001. 150 с.
20. Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2. Люди и вещи. Часть. пер. с фр. М.: Изд-во Сабашниковых, 1995. 244 с.
21. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. 283 с.
22. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 2008. 412 с.
23. Бурдьё П. Начало. Choses dites: Пер. с фр./ Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. Перевод Шматко Н.А. / М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
24. Бурдьё П. Социология политики. Пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко / М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

25. Бурмистрова Т.Ю. Теория социалистической нации / Т.Ю. Бурмистрова; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова, Ин-т повышения квалификации преподавателей обществ. наук. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1970. 89 с.
26. Бызов Л.Г. Современная Россия: в поисках новой национальной субъектности // Россия и мир: анатомия современных процессов: Сборник статей / Под ред. Е.А. Нарочницкой. М.: Международные отношения, 2014. С. 147–169.
27. Быструшкина Н.Г. Психологические аспекты ситуаций межнационального взаимодействия: автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 : Ярославль, 1999. 31 с.
28. Вайнштейн Г.И. Европейская идентичность: желаемое и реальное // Полис. 2009. № 4. С. 123–134.
29. Валлерстайн Э. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
30. Василеня И.А. От диалога культур к толерантности // Дополнительное образование и воспитание. 2008. № 9. С. 45–47.
31. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М., 1990. С. 602–624.
32. Вебер М. Отношения этнической общности // Журнал социальной антропологии. 2004. № 2. С. 8–21.
33. Волков Ю.Г. Идеология и российская идентичность. М., 2006.
34. Гаджиев К.С. Современный консерватизм: опыт типологизации // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 55–74.
35. Гаджиев К.С. Либерализм: история и современность // Новая и Новейшая история. 1995. № 6. С. 15–31.
36. Геворкян А.Р. Национализм и космополитизм как две стороны либерализма // Философские науки. 2008. № 7. С. 53–76.
37. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
38. Гизатов К.Т. Национальная идеология. Том 2. М., 1999. 212 с.

39. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М.К. Изд. 1-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. 416 с.
40. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 2. / Горшков М.К. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. 496 с.
41. Головкина О.В. Мультикультурализм и проблема национальной идентичности в Канаде // США. Канада. Экономика. Политика. Культура. 2009. № 6. С. 117–127.
42. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.
43. Григоренко Д.Е. Адекватность концепции управления обществом его культуре и цивилизации (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 Красноярск, 2007. 26 с.
44. Гумилёв Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. СПб.: Кристалл, 2002. 578 с.
45. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли Л., 1989. 496 с.
46. Гумилёв Л.Н. Этнические процессы: два подхода к изучению // Социс. 1992. № 1. С. 50–57.
47. Деминцева Е. Быть «арабом» во Франции М.: Новое обозрение, 2008. 192 с.
48. Денисова Г.С. и др. Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном федеральном округе. М., 2015.
49. Денисова Г.С. «Развитие этнических культур как инструмент национальной политики на Юге России». По материалам социологического опроса. Ростов-на-Дону. 2016 г.
50. Джунусов М.С. Нация как социально-этническая общность людей // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 16–30.

51. Дискин И. Россия, которая возможна. М.: «Юрист», 2011. 175 с.
52. Добрынина Е. Нелюбовь / Российская газета. 24.05.2010 г. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2010/05/24/socio-site.html> (дата обращения: 03.03.2015).
53. Дробижева Л.М. Россия на пути к более этнически толерантному и интегрированному обществу // Идеальное общество в мечтах людей в России и Китае: [монография] / М.К. Горшков и др.; отв. ред. М.К. Горшков, П.М. Козырева, Ли Пэйлинь, Н.Е. Тихонова; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. С. 205-226.
54. Дьяконов К.Б. Особенности интеграции этнических и конфессиональных меньшинств во Франции // Социс. 2008. № 11. С. 83–91.
55. Жолудова А.Н. Формирование культуры межнациональных отношений младших подростков в образовательном процессе школы : Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 Рязань, 2006 192 с.
56. Заринов И.Ю. Социум – этнос – этничность – нация – национализм // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 3–30.
57. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве / 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 1999. 286 с.
58. Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса: Статьи и доклады 90-х годов. М.: Наука, 1999. 352 с.
59. Зотова О.М. Идея европейского единства и национальная идентичность // Вестн. МГУ. 1999. № 3 (№ 18). С. 154–162.
60. Иванов В.Н. Социология федерализма. М., 2004. 300 с.
61. Ильин И.А. Путь к очевидности М., 1993.
62. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6: Кн. 1/Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. М.: Русская книга, 1996. 560 с.
63. Ильин И.А. Об истинном национализме. О воспитании национальной элиты. М.: Жизнь и мысль, 2001. 510 с.

64. Иноземцев В.Л. Иммиграция: новая проблема нового столетия. Методологические аспекты // Социс. 2003. № 6. С. 29–37.
65. Исламшина Т.Г. Этнические ценности в полиэтническом обществе: Социол. Очерк. Изд-во Казан. гос. техн. ун-та. 1996. 246 с.
66. Искусство и этнос: новые парадигмы. Казань: Изд-во «Дом печати». 2002. 168 с.
67. Калиев Ю.А. Этнокультурный статус мифологического сознания: генезис, функционирование и эволюция традиционного мировосприятия: дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 : Чебоксары, 2004. 315 с.
68. Кертанов Р.А. Межнациональные отношения в массовом сознании реформирующегося общества : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2000. 38 с.
69. Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы. // Новые идеи в социологии. М., 2013. С.63–73.
70. Кон И.С. Этноцентризм // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
71. Коркюф Ф. Новые социологии / Пер. с фр. Е. Д. Вознесенской, М. В. Федоровой; науч. ред. Н. А. Шматко. М: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002. 172 с.
72. Коротеева В.В. «Воображённые», «изобретённые» и «сконструированные» нации: метафора в науке / В.В. Коротеева // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 154–165.
73. Костина А.В., Гудима Т.М. Культурная политика современной России. Соотношение этнического и национального. М.: Ленанд, 2016. 260 с.
74. Кочетков В.В. Социология межкультурных различий. М.: Социум, 2000.
75. Кустарёв А. Нация: кризис проекта и понятия // Pro et Contra. 2007. Май-июнь. С. 66–79.

76. Майлз Р. Расизм. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 145–176.
77. Малахов В.С. Национализм как политический диалог. М.: КДУ, 2005. 320 с.
78. Малахов В.С. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002.
79. Мангейм К. Консервативная мысль // Социс. 1993. № 4. С. 135–146.
80. Манько Ю.В. Нации и национальные отношения (Исторический и философский анализ) / Ю. В. Манько, Н. Шашков. СПб.: Петрополис, 2009. 196 с.
81. Маньковский Л.А. Категории «вещь» и «отношение» в «Капитале» К. Маркса // Вопросы философии. 1956. № 5. С. 46–59.
82. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
83. Меньчиков Г.П. Проблемы национальной самоидентификации. Проблемы развития национальных культур народов Поволжья и Приуралья: Тезисы докладов регион.науч. конф. Казань, 1994. С. 26–28.
84. Межнациональные отношения в России и СНГ [Текст] : Семинар Моск. Центра Карнеги. вып. 2: докл. 1994-1995 гг. Сб. / Под ред. Г. Бордюгова, П. Гобла. АИРО-XX. М.: АИРО-XX, 1995. 222 с.
85. Межрасовые и межнациональные отношения в странах Европы и Америки. М., 1996. 300 с.
86. «Мир Кавказу». Результаты исследований и материалы всероссийского научного форума / Отв. Ред. А.В. Сериков. Ростов н/Д; Изд-во «Фонд науки и образования» 2014. 626 с.
87. Мизес Л. Либерализм / Пер. с англ. А. В. Куряева. М.: Социум, Экономика, 2001. 239 с.

88. Мнацаканян М.О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. Учебное пособие для вузов. М.: Юнити-Дана, 2004. 367 с.
89. Никольский Н.М. История русской церкви. Минск, 1990. 541 с.
90. Новосёлов М.М. О некоторых понятиях теории отношений // Кибернетика и современное научное познание. М., 1976.
91. Новые идеи в социологии: монография / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 479 с.
92. Обсуждение статьи П.М. Рогачёва и М. А. Свердлина «О понятии «нация» // Вопросы истории. 1966. № 2. С. 169–171.
93. Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности (В.В.Бойко) / Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.
94. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 114–155.
95. Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, 2004. 248 с.
96. Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: Учеб. пособие. М.: Логос, 2011. 224 с.
97. Пономаренко Л.В. Ислам в общественно-политической и культурной жизни Франции и государств Северной и Западной Африки // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 72–84.
98. Проблемы управления в сфере межнациональных отношений (предпосылки и формы разрешения межнациональных конфликтов. Саратов: Изд-во Поволж. Академии гос. Службы, 1998. 260 с.
99. Прокопович Феофан. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 624 с.

100. Проскурнин Д.Т. Межнациональное общение как объект социально-философского анализа: дисс.канд.фил.наук. Ленинград, 1983. 202 с.
101. Пути России: существующие ограничения и возможные варианты [Текст] : Междунар. симпозиум 15-17 января 2004 г. / под общ. ред. Т. Е. Ворожейкиной. МВШСЭН. М.: МВШСЭН, 2004. 285 с.
102. Деминцева Е. Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 380 с.
103. «Развитие этнических культур как инструмент национальной политики на Юге России». По материалам социологического опроса. Под рук. Денисовой Г.С. Ростов-на-Дону. 2016.
104. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Этносоциальные конфликты в современной отечественной социологии (по материалам контент-анализа журнальных публикаций) // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 75-85.
105. Риэртон Бэтти Э. Толерантность – дорога к миру / Бетти Э. Риэрдон / пер. с англ.: О. Артемьева, А. Бураковская, Л. Котова. М.: Бонфи, 2001. 301 с.
106. Рогачёв П.М. О понятии «нация» // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 33–18.
107. Роджерс К. Эмпатия // Психология эмоций: Тексты. М., 1984.
108. Ролз Дж. Идеи блага и приоритет права // Современный либерализм. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. С. 76–107.
109. Рормозер Г. Новый консерватизм: вызов России / ПЕРЕВОД / Г. Рормозер, А.А. Френкин; РАН. Ин-т философии. М.: ИФРАН, 1996. 236 с.
110. Рормозер Г. Кризис либерализма / Пер. с нем. М., 1996. 298 с.

111. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир». Кн. 1. 2015. 336 с.
112. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир». Кн. 2. 2015. 432 с.
113. Россия: трансформирующееся общество / Под редакцией В.А. Ядова. М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. 640 с.
114. Русский народ: Терминология, исслед. анализ / Лига отечеств. Культуронаследия. Жуковский : Кучково поле. М.: Полиграфресурсы, 2001. 376 с.
115. Рыбаков С.Е. Этничность и этнос // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 3–24.
116. Садохин А.П. Межкультурная компетентность: сущность и механизмы формирования. автореф. дис. ... докт. культурологии: 24.00.01. Москва, 2002.
117. Сергеева З.Х., Сергеев С.А. Этносоциология и проблемы национальной политики: Структурно-логические схемы. Казань: Изд-во КГТУ, 2000. 48 с.
118. Скворцов Н.Г. Проблемы этничности в социальной антропологии. СПб, 1997.
119. Согрин В. В. Либерализм Запада. М.: Изд-во ИВИ РАН, 1995. 228 с.
120. Социальные отношения: познание и совершенствование / Н.Н. Мокляк, В.Ю. Барков и др. Киев: Наукова думка, 1990. 232 с.
121. Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010. 256 с.

122. Стельмах В.Г. Этнокультурная безопасность России: общественные вызовы и государственная политика // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 154–162.
123. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. М., 2012.
124. Скоробогатых Н.С. Австралийский мультикультурализм: путь к гражданскому согласию или расколу общества // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 135–146.
125. Смелзер Н. Социология. Пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.
126. Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л.: Лениздат, 1990. 349 с.
127. Спенсер Г. Синтетическая философия. (В сокращённом изложении Г. Коллинза.) Пер. с англ. П.В. Мокиевского. Киев: Издательство «Ника-центр», 1997. 512 с.
128. Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004. С. 126–150.
129. Соловей В.Д. Несостоявшаяся революция: исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009. 440 с.
130. Сорокин П.А. Национальность. Национальный вопрос и социальное равенство // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994.
131. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Научка, 2013. 649 с.
132. Тишков В.А. Забыть о нации // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.
133. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. 544 с.
134. Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей // Вопросы философии. 1964. № 11. С. 43–64.

135. Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 432 с.
136. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. 544 с.
137. Тишков В.А. Забыть о нации // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.
138. Трубецкой Н.С. Мы и другие // Русская идея. М., 2002.
139. Уолцер М. О терпимости / Уолцер М. ; Пер.с англ. И. Мюрнберг; Общ.ред. М.А. Абрамова. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной кн., 2000. 159 с.
140. Филиппова Е.И. Что такое Франция? Кто такие французы? // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 196.
141. Фомина Н.В. Понятие социальной нормы // Теория и история. 2008. № 2–3. С. 136–143.
142. Франк С.Л. Духовные основы общества : Сборник / С.Л. Франк; Сост. П.В. Алексеев. М.: Республика, 1992. 510 с.
143. Фролов А.С. Проблема соборности в русской культуре // Русская цивилизация и соборность. М.: Ассоц. по комплекс. изуч. рус. нации, Ин-т мировой лит. РАН, Международный фонд «Русская соборность», отделение философии, социологии и демографии. Междунар. СЛАВ. АКАД., произв.-коммерч. предприятие «Русло», Моск. отд-е Рос. филос. об-ва , 1994. С. 151–163.
144. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; Пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 635 с.
145. Хобсбаум Э. Век капитала 1848-1875. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999. 480 с.

146. Холодный В.И. А.С. Хомяков и современность: зарождение и перспектива соборной феноменологии / В. Холодный. М.: Академический проект, 2004. 528 с.
147. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Прага, 1867. Т. 2.
148. Хомяков А.С. Сочинения. Т. 1. М., 1994.
149. Черкасов А. Этнокультурная мозаика и межэтнические отношения в Канаде. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.niworld.ru//Statei/Cherkasov/nl.htm> (дата обращения: 10.07.2016).
150. Черноусова Л.Н. Институциональная оформленность гражданского общества в условиях консервативного правового государства // Теория и история. 2010. № 2. С. 112–117.
151. Черноусова Л.Н. Гражданское общество как трансцендентальный субъект // Теория и история. 2009. № 1. С. 106–111.
152. Чернышевский Н.Г. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1987.
153. Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 35–49.
154. Чешко С.В. Доктрина самоопределения: иллюзии и реальность // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002.
155. Чуринов Н.М. Совершенство и свобода: Философские очерки. Красноярск: Сибирская аэрокосмическая академия имени М. Ф. Решетнёва, 2001. 432 с.
156. Чуринов Н.М. Идеология интернационализма // Теория и история. 2008. № 2–3. С. 7–19.
157. Чуринов Н.М. Сталинизм как идеология // Теория и история. 2010. № 1. С. 6–19.
158. Шапошников Л.Е. Философия соборности: очерки русского самосознания. СПб., 1999.
159. Шипилов А. В. «Свои», «чужие» и другие. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 568 с.

160. Широкогоров С.М. Исследование основных принципов этнологии и этнографических явлений. В 2х книгах. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2002. 148 с.
161. Шматко Н.А. Практические и конструируемые социальные группы: деятельностно-активистский подход // Россия трансформирующееся общество / Под редакцией В.А. Ядова. М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 104–122.
162. Шрейдер Ю.А. Равенство, сходство, порядок. М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1971. 256 с.
163. Щедрина О.В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России // Социс. 2004. № 11. С. 67–75.
164. Этническая толерантность в поликультурных регионах России / под ред. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. М.: изд-во РУДН, 2002. 296 с.
165. Этнология. Словарь-справочник. М., 1988.
166. Этнос и политика. Хрестоматия. М.: 2000. 400 с.
167. Ядов В.А. А все же умом Россию понять можно // Россия трансформирующееся общество. М., 2001. С. 16.
168. Яницкий О.Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива / Яницкий О.Н. М.: Новый Хронограф, 2013. С.76–77.
169. Gofman A.B. Conceptual approaches to analysis of social unity // Social Sciences. 2016. Т. 47. № 3. С. 112-120.
170. Dictionary of the social sciences. N. Y., 1964. P. 527–528.